

**Областное государственное автономное бюджетное учреждение
«Ленинский мемориал»
Областное государственное бюджетное учреждение
«Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области
имени Н.М.Карамзина»**

**ВЕСТНИК
Ленинского мемориала
Две войны XX века в судьбе России**

ВЫПУСК 15

материалы межрегиональной научно-практической конференции,
Ульяновск 10 декабря 2014 г.

**VESTNIK
of the Lenin Memorial
Two Wars of the XX century the fate of Russia**

EDITION 15

data of the Interregional Scientific and Practical conference
Ulyanovsk, December 10, 2014.

УЛЬЯНОВСК

2016

**УДК 3К26
ББК 87.135
В38**

**Материалы печатаются по решению
Ученого совета ОГАУК «Ленинский мемориал»,
Ученого совета ОГБУ «НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина»**

В38 Две войны XX века в судьбе России. Вестник Ленинского мемориала. Выпуск 15. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ульяновск, 10 декабря 2014./ под ред. Каунова Н.Е., Прокопенко С.А. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2016. – 192 с.

Редакторы – составители: д.и.н. С.А.Прокопенко, к.и.н. Н.Е.Каунова

В издании представлены материалы межрегиональной конференции «Две войны XX века в судьбе России». В центре внимания – события Первой мировой и Великой Отечественной войны, изменившие судьбы нескольких поколений жителей нашей страны в XX веке. Масштабные военные действия, экономические, политические, социальные и психологические аспекты сложной военной эпохи рассматриваются на основе анализа разнообразных источников сквозь призму междисциплинарного подхода. Одной из исследовательских задач, решаемых на страницах сборника, является отражение особенностей поколенческой ретрансляции и сохранения исторической памяти, в том числе и на материалах музейной экспозиции.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся вопросами истории России XX века в период мировых войн. Книга адресована исследователям, преподавателям, краеведам, архивным и музейным работникам, аспирантам и студентам. Отдельные статьи сборника могут быть использованы преподавателями и студентами вузов в рамках курсов истории России, социологии, антропологии и краеведения, регионоведения.

SBN 978-5-94655-315-5

**УДК 3К26
ББК 87.135**

© Министерство искусства и культурной политики Ульяновской области, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© ОГАУК «Ленинский мемориал», 2016
© ОГБУ «НИИ истории и культуры», 2016
© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2016.

Two Wars of the XX century the fate of Russia. Vestnik of the Lenin Memorial. Data of the Interregional Scientific and Practical conference. Ulyanovsk, December 10, 2014 / under edition Kaunova N.E., Prokopenko S.A. Ulyanovsk: Publisher «Corporation of Promotion», 2016. - 192 p.

Editors and compilers: DSc Sergey A. Prokopenko,
PhD Natalia E. Kaunova

The publication presents materials of the transregional conference "Two wars of the 20th century in the fate of Russia". In the centre of attention is World War I and the Great Patriotic War, which changed the fate of several Russian generations in the 20th century. Scientists and research officers in museums and archives still have a lot of problems while studying the tragic events that unfolded in 1914 and 1941. Large-scale military actions, along with economic, political, social, and psychological issues of this complex period, are explored on the ground of analysing diverse sources from the perspective of cross-disciplinary approach. One of research problems solved in the publication is the reflection of peculiarities of generation broadcast and preservation of historical memory, in particular by using the information of museum display.

The publication is designed for a wide range of readers interested in military history of the 20th century Russia. The book is addressed to researchers, teachers, local historians, archive and museum specialists, postgraduates, and students. Particular articles in the miscellany can be used by university lecturers and students within the courses of Russian history, sociology, anthropology, local history, and regional studies.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Прокопенко С.А.</i> Две войны – одно наследство.....	6
<i>Павлов И. А.</i> Настроения населения Симбирской губернии в первые дни всеобщей мобилизации 1914 года.....	11
<i>Дунаева Н. А.</i> Реакция крестьян Средневолжского региона на начало Первой мировой войны.....	17
<i>Рябая С. А.</i> Механизм мобилизации населения на нужды обороны в Вятской губернии в годы Первой мировой войны.....	28
<i>Иванова М. Ю.</i> «Страна войной больна...»: об организации деятельности тыла Чувашского края в годы Первой мировой войны.....	34
<i>Елтышева Л. Ю.</i> Кунгур как место плена и беженства.....	40
<i>Ильясова Р. В.</i> Правовые аспекты содержания австро-венгерских и германских военнопленных в концентрационных лагерях России во время Первой мировой войны (по документам архивов Ульяновской области).	45
<i>Андреев С. А.</i> Формирование и реализация бюджета Симбирского земства в условиях Первой мировой войны.....	52
<i>Кузнецов В. Н.</i> Политические партии в Симбирской губернии в годы Первой мировой войны.....	62
<i>Миронов В. А.</i> Красный флаг и зелёный змий.....	74
<i>Семенов Д. Ю.</i> Импортные поставки боеприпасов к стрелковому оружию в Россию первой четверти XX века на примере винтовочных гильз с территории ООПТ «Винновская роща».....	95
<i>Лютов Л. Н.</i> Великая война, коммунистическая национализация и социалистический Комуч.....	113
<i>Кочepasова Т. Ю.</i> Влияние военных конфликтов на морально-психологическую атмосферу в поволжских губерниях в 1920-е гг.....	123
<i>Лютов Л. Н.</i> Некоторые изменения в экономической и политической системах СССР в 1941-1945 гг.....	138

<i>Шапорова С. А.</i> История Первой мировой войны в фондах МРОКМ им. И. Д. Воронина (по материалам выставки «Первая мировая война. 1914-1918 гг.»).....	145
<i>Горбунова Е. А.</i> Отражение Первой мировой войны в экспозиции Ульяновского Музея-мемориала В. И. Ленина.....	151
<i>Макарова Р. В.</i> Отражение событий Первой мировой и Великой Отечественной войн в личных фондах Государственного архива Ульяновской области.....	156
<i>Брыляева Т. М.</i> Дом-музей В. И. Ленина в Великую Отечественную войну.....	161
<i>Субина М. Ю.</i> Дом на Стрелецкой в годы войны. События и люди.....	176
<i>Перфилов А. В.</i> Оружие Победы в Великой Отечественной войне: по материалам экспозиции Музея-мемориала В.И.Ленина.....	184
<i>Сведения об авторах</i>	191

Сергей Алексеевич Прокопенко
Sergey A. Prokopenko

Две войны – одно наследие
Two wars – one legacy of the past

Существуют память индивидуальная, семейная, различного рода групповые виды памяти, совокупность которых больше известна профессионалам как «коллективная память». Она функционирует по определённым законам, исследованием которых историки серьёзно занимаются последние полвека. С пониманием этих закономерностей появилась возможность и возросло искушение активнее влиять на её формирование, что и нашло выражение в т. н. «исторической политике». Единый обучающий стандарт по школьному курсу истории, единый профильный школьный учебник, общенациональные проекты типа «Имя России» – всё это инструменты формирования национальной памяти, общих ценностей.

Патриотизм – одна из таких базовых ценностей. Но зачастую патриотизм сводится к военно-патриотической составляющей, а она в свою очередь к баталиям, причём в парадно-глянцевой форме, призванной, в конечном счёте, служить милитаризации сознания. Между тем и войны, в ходе которых действительно происходит максимальное напряжение нравственных сил нации – это не только полководцы, победы, но, прежде всего, тяжкий, кропотливый ежедневный труд рядовых фронта и тыла. И задача исследователя заключается в том, чтобы извлечь из временного забвения по возможности все эти «незначимые» стороны военного противостояния, сделать их элементом коллективной памяти, призванной, в конечном счёте, не допустить повторения ужасов прошлого.

Мучительный поиск новой Россией самой себя строится на основе восстановления преемственности дореволюционной и советской истории. В этом смысле масштабные памятные мероприятия по поводу «забытой» в советский период Первой мировой войны и юбилейные мероприятия в связи с 70-летием победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне – хороший пример конструирования такового континуитета. Предлагаемый вниманию читателя сборник сформирован в рамках этой тенденции, объединяя статьи, посвящённые двум войнам.

Инкорпорирование Первой мировой, или «Великой», или «Второй Отечественной» войны, как её называли современники, в народную память россиян – задача невероятно сложная. Известно, что само название «Первая мировая» появилось уже в 1920 г. в труде британского полковника и военного корреспондент газет «The Times» и «Morning Post» Ч. Репингтона (1858-1925). В советский период она рассматривалась как империалистическая война, а в целом, как пролог Октябрьской революции. Печальным заключительным аккордом этой политики стало уничтожение в преддверии Московской Олимпиады захоронений участников Великой войны на городском братском кладбище столицы¹.

Только в 1992 г., по инициативе член-корреспондента РАН Ю.Н. Писарева (1916-1993) на базе Научного совета «Революции и реформы» при Отделении истории РАН была создана Ассоциация истории Первой мировой войны². Официальная коммеморация Первой мировой в постсоветской России началась с установки памятных знаков участникам войны в 2004 г., а в декабре 2012 г. Президентом В. В. Путиным были утверждены поправки в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», согласно которым первое августа было объявлено Днём Памяти российских воинов, погибших в этой войне.

Статьи, предлагаемого Вашему вниманию сборника, вносят свою лепту в деконструкцию советского мифа о причинах, характере и последствиях Первой мировой. Зарисовки И. А. Павлова, Н. А. Дунаевой и С. А. Рябой – о первой реакции симбирян на известие о начале войны. Попытку показать ситуацию в организации тыловой деятельности в близкой нам Чувашии нашло отражение в работе М. Ю. Ивановой.

Мобилизация вырвала из мирной жизни миллионы трудоспособных мужчин репродуктивного возраста: более половины хозяйств остались без кормильцев³. Проблемы, связанные с нехваткой рабочих рук в деревенских хозяйствах в военные годы описаны в статьях Л. Ю. Елтышева и Р. В. Ильясовой по материалам Пермской и Симбирской губерний. Как показали они,

¹ См.: Виноградов В.Н. Первая мировая война: взгляд историка // Новая и новейшая история. – 2014. – № 5. – С. 3.

² Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1993. – №3. – С. 56-7.

³ Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). – М: Отдел военной статистики, 1925. – С. 18.

одним из способов решения важной стратегической задачи, восполнения трудовых ресурсов, стала практика привлечение военнопленных к работе в различных отраслях хозяйства. Дополняет картину обзор В. Н. Кузнецовым политической ситуации в Симбирской губернии в канун войны и в военные годы. Автор убедительно подтверждает тезис о том, что губерния и её жители (губерния, давшая Великой российской революции двух лидеров: А. Ф. Керенского и В.И. Ленина!) оказались объектом, а не субъектом революционного вихря, изменившего судьбу империи.

Довольно типичным для первых военных месяцев является донесение Сенгилеевского уездного исправника (от 6 августа): «Война захватила всё интеллигентное общество и почти совсем сгладились партии и деления на убеждения» [пунктуация источника]⁴. Вместе с тем, для понимания истоков революции 1917 г. крайне любопытна информация Карсунского уездного исправника В. М. Войцеховского. В рапорте губернатору за № 47 К, характеризуя политическую ситуацию в феврале 1914 г., исправник утверждал, что «настроение интеллигентных групп населения по отношению к Правительству и его начинаниям считать благожелательным нельзя. Пресса левого направления преобладала во всех группах населения»⁵. Он же в рапорте № 540 от 5 марта того же года конкретизирует тезис: «Могу доложить, что один из почтовых углов уезда получает для подписчиков 84 газеты левого направления в виде «Русское Слово», в то время как газета «Новое Время» [правая] в этом почтовом Отделении получается в виде 3 номеров»⁶.

Тем не менее, вопреки концепции М.Н. Покровского⁷, революция и последующее поражение России в мировой войне сегодня во многом выглядят как рукотворный акт, вызванный чередой фатальных совпадений, тактическими ошибками элит, и, признаем, небольшим запасом прочности государственных институтов.

Первоначальный ход событий не предвещал беды. Колоссальные людские ресурсы Российской империи позволили на первых порах ограничиться мобилизацией из запаса ратников I разряда призывов 1899-1905 гг., а тех, кто

⁴ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 76. Оп. 1. Д. 1094. Л. 147.

⁵ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1094. Л. 1.

⁶ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1094. Л. 41.

⁷ См.: Петров Ю.А., Павлов Д.Б. Первая мировая война: кто виноват? (историографический этюд) // Российская история. – 2014. – № 5. – С. 3-13.

достиг 43 лет от роду, от призыва в ополчение освобождали⁸. Доля мобилизованных в России была наименьшей среди великих держав: всего лишь 39% от всех мужчин в возрасте 15-49 лет, тогда как в Германии – 81%, в Австро-Венгрии – 74%, во Франции – 79%, Англии – 50%, Италии – 72%. При этом на каждую тысячу всех жителей, Россия потеряла 11 человек, Германия – 31, Австрия – 18, Франция – 34, Англия – 16⁹. Характерно, что в начале войны канцелярия симбирского губернатора оказалась засыпана протестами кадровых военных по поводу зачисления на младшие офицерские должности лиц с высшим образованием, не служивших в армии¹⁰ – благословенный период, когда ещё не был выбит кадровый офицерский корпус.

Было бы неверно замалчивать акты, фактически, саботажа кампании «Ковш зерна нового урожая» со стороны ряда крестьян. Сходы пяти сёл Аргашской волости Карсунского уезда как под копирку приняли заявления с отказом передать часть хлеба из общественного магазина в действующую армию под предлогом «полного недорода хлебов»¹¹. Но всё-таки тогда эти непатриотические акты были исключениями из правила. Статья С. А. Андреева раскрывает одну из причин устойчивости провинции в военные годы на примере бюджета земств. Материалы его исследования показывают, что вплоть до начала войны в Симбирской губернии, как и по всей России, наблюдался рост доходной части бюджетов органов местного самоуправления. Война изменила тренд, но только с 1916 г. регистрируется резкое сокращение доходов (примерно на 60% по сравнению с довоенным периодом). В то же время надо учитывать, что с 1868 по 1914 гг. бюджет Симбирского губернского земства в целом увеличился в 14 раз. По мнению автора, сравнительно терпимое финансовое положение земств во многом было следствием завершения к 1914 г. реформы налогообложения.

Как свидетельствуют источники, основные проблемы для губернии создавали беженцы. МВД, многочисленные благотворительные организации (Елизаветинский комитет по оказанию помощи семьям призванных на войну,

⁸ См.: ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1059а. Л. 71.

⁹ https://vk.com/wall-25720730?q=%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%20%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%20II&z=photo-25720730_324954476%2Falbum-25720730_00%2Frev

¹⁰ См.: ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1059а. Л. 11.

¹¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1116. Л. 247-252.

Симбирское отделение комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий, Симбирское отделение Комитета Всероссийского сбора пожертвований или Татьянинский комитет, специализированные религиозные и национальные комитеты, Местный Отдел Красного Креста и проч.) пытались охватить разные аспекты быта, охраны здоровья, трудоустройства, образования беженцев. Но с 1916 г. всё чаще в источниках фиксируется помощь местным, оставшимся без кормильца, а с сентября того же года благотворители уже вынуждены реагировать на инфляционные процессы¹². Война пожирала материальные и человеческие ресурсы. Хотя только уже в новой России – 22 марта 1917 г. (ст. ст.) – журнал симбирского Татьянинского комитета констатирует финансовый кризис: «средства Отделения иссякли»¹³.

Вторым важным элементом, дестабилизирующим обстановку в Симбирской губернии, были солдаты-транзитари. Но если в годы империи эту вольницу удавалось удерживать в рамках законов, то после начала массовой демобилизации с осени 1917 г. Симбирск, Сызрань, Инза оказались захлестнуты этой стихией. Яркие зарисовки эрозии «сухого закона» – свидетельство ослабления государственной машины – в предреволюционные годы, а потом и картина переворота в губернской столице в октябрьские дни 1917 г. представлены в статье В. А. Миронова. Как иронизирует автор, распропагандированная большевиками «революционная масса» в Сызрани, сориентировалась на захват не «почты-телеграфа-телефона», а на запасы вина и спирта. Беспорядки, начавшие в Симбирске 26 октября, с самого начала также вылились в погромы винных магазинов. Фигурально выражаясь, здесь на Красном знамени оказался Зелёный змий.

Исследование экономических аспектов военных лет придают несколько иной ракурс проблеме соотношения случайного и закономерного в истории. Статья Д. Ю. Семенова относится к жанру локальной истории. Но анализ гильз на территории Винновской рощи, что в г. Симбирске, позволил исследователю выйти на ключевую проблему – уровень военного-технического развития царской России в начале XX века. Хотя именно в период войны в Симбирске строится чуть ли не единственное современное предприятие губернии – патронный завод, вполне аргументированным выглядит вывод о значительной отсталости военно-технического сектора *национальной* эконо-

¹² ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1116. Л. 113.

¹³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1116. Л. 173Об.

мики неспособного обеспечить в полном объёме армию современными образцами вооружения и боеприпасами.

Последствия Первой мировой войны рассматриваются в двух статьях. Л. Н. Лютов остановился на коллизиях экономической политики в Среднем Поволжье в 1918 г. Здесь, по мнению исследователя, Комуч (при поддержке чехословацкого корпуса и сочувствующих идее Учредительного собрания) впервые противопоставляет тотальному огосударствлению экономики большевиками приватизацию национализированных предприятий и рыночную экономику. Как полагает автор, по сути, это являлось социалистической альтернативой большевистскому коммунизму.

Новаторской по проблематике и чрезвычайно интересной с точки зрения фактуры является статья Т. Ю. Кочepasовой. На основе архивных данных и специальных медицинских исследований она рассматривает морально-психологические последствия Первой мировой и гражданской войн. Убедительным выглядит её вывод о том, что война вызвала серьезные невротические расстройства и проявления, которые в 1918-1923 гг. получили массовый характер. Социальное поведение людей в большинстве случаев характеризовалось ослаблением психической саморегуляции. Обследования середины 1920-гг. показывают довольно широкое распространение особого «схизофренического типа личности» с ярко выраженным маниакально-депрессивным психозом и, добавим от себя, достаточно удобным объектом манипулирования.

Желание по-новому взглянуть на прошлое вполне объяснимо. Спустя десятилетия многое воспринимается иначе, появляются и вводятся в научный оборот новые ранее неизвестные документы и предметы. Восстанавливаются неизвестный и малоизвестные события войн, которых достаточно много. С течением времени события становятся всё более далеким прошлым, следовательно, живая память ослабевает. В этом смысле музеи играют огромную роль в сохранении исторической памяти, напоминанием и уроком для современников.

Подготовка музеев к юбилеям войн носила комплексный характер. Как известно, созданию любой экспозиции предшествует глубокая научная проработка материала. С системной деятельностью научных сотрудников знакомят нас статьи С. А. Шапоровой, Е. А. Горбуновой и А. В. Перфилова. Эти

исследователи поэтапно раскрывают секреты использования визуальных источников, усиливающих восприятие и понимание истории войн.

Героическую страницу истории Дома-музея В. И. Ленина и Квартиры-музея семьи Ульяновых в годы Великой отечественной войны открывают нам Т. М. Брыляева и М. Ю. Субина. Они показали, как музеи стали своеобразными центрами социокультурной жизни советской провинции, превратившись в годы Великой Отечественной войны в своеобразные рубежи защиты Отечества. Музейные работники стояли у истоков многих патриотических движений, и потому были сопричастны великому делу борьбы советского народа против фашистских агрессоров.

Известный историограф и американист В. В. Согрин, говоря о современном историографическом дискурсе предложил выделить три субкультуры¹⁴:

- народная субкультура, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием;
- государственно-политическая субкультура, созданная в той или иной мере посредством госзаказа или партийными публицистами и идеологами;
- научная академическая субкультура, созданная профессионалами на основе документальных источников и дисциплинарных критериев.

В данном сборнике присутствуют труды второй и третьей групп. Но важно, что все авторы во главу угла ставят или пытаются ставить задачу поиска истины. Историкам и научным работникам музеев и архивов предстоит ещё кропотливая творческая работа, чтобы достойно осветить трагические и героические события XX века. И будем надеяться, что наша книга поможет решению этой задачи.

¹⁴ Согрин В.В. Три исторические субкультуры постсоветской России // Общественные науки и современность. – 2013. – № 3. – С. 91-92.

Иван Александрович Павлов
Ivan A. Pavlov

**Настроения населения Симбирской губернии в первые дни
всеобщей мобилизации 1914 года**

**The mood of the population of Simbirsk province in the first days of
the General mobilization of 1914**

Статья посвящена вопросам реакции населения Симбирской губернии на начала войны 1914 г и последующей ей мобилизацию. Автор раскрывает тенденции и особенности настроения жителей Поволжской губернии. На основе документальных источников анализируются предпосылки и причины, обусловившие реакцию населения на участие в войне.

The article is devoted to the reaction of the population of Simbirsk province on the outbreak of war 1914, and mobilization. The author reveals the trends and peculiarities of the mood of the inhabitants of the Volga province. On the basis of documentary sources, the author analyzes the background and causes that led to the reaction of the population to participate in the war

Ключевые слова: *Первая мировая война, настроение населения, мобилизация 1914 г., Симбирская губерния, реакция населения*

Keywords: *The First World War, the mood of the population, mobilization of 1914, Simbirsk province, the public reaction*

16 (29) июля 1914 года¹, после начала войны между Австро-Венгерской империей и Сербией, в Российской империи была объявлена частичная мобилизация армии. Симбирская губерния входила в Казанский военный округ, на который распространялась мобилизация. Утром 17 (30) июля симбирский городской голова Л.И. Афанасьев получил телеграмму № 31831 от имени министра внутренних дел Российской империи Н.А. Маклакова и военного министра, генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова с приказом о подготовке к мобилизации войск². Вечером 17 июля 1914 г. в России началась всеобщая мобилизация. Указ Николая II о мобилизации жители Симбирска прочитали 18 июля в газете «Симбирянин».

¹ Здесь и далее в тексте приведены даты по старому стилю.

² Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.137. Оп. 36. Д. 43. Л. 1-5, 7.

Ещё 17 июля 1914 г., после получения телеграммы о начале мобилизации, состоялось заседание городской управы, где рассматривался вопрос о размещении воинских частей. Дело в том, что от командиров полков симбирского гарнизона в городскую управу стали поступать телеграммы с просьбами предоставить помещения для размещения призывников³. Солдат и призывников решили размещать в зданиях, принадлежащих управе, а в случае нехватки помещений размещать в домах горожан по 5-20 солдат. Тогда же решили подыскать или построить помещения для городского сборного пункта на 3 тысячи человек. Также городская управа попросила вице-губернатора получить разрешение в соответствующих министерствах для использования помещений кадетского корпуса, двух мужских гимназий, коммерческого училища, ремесленного училища графа В.В. Орлова-Давыдова, семинарии, церковно-приходских школ, землемерного училища, помещений клубов – общественного собрания и коммерческого собрания. После согласования 26 июля вице-губернатор разрешил размещать солдат во всех этих зданиях, за исключением кадетского корпуса⁴.

Мобилизацией, формированием, размещением и снабжением воинских частей ведал губернатор, Губернское по воинской повинности присутствие, Симбирский уездный воинский начальник, Уездное по воинской повинности присутствие, начальник симбирского гарнизона и начальник эвакуационного пункта.

Находящиеся в Симбирске части формировались не только из симбирян и жителей губернии. В город прибывали новобранцы из других губерний России. Можно предположить, что такой поток объяснялся мобилизационной логистикой. Из Ставропольского уезда Самарской губернии, например, много новобранцев прибывало в Сенгилей, из Царевокошайска Казанской губернии – в Карсун, а уже из Карсуна они следовали в Казань. Через Симбирск перебрасывались (с остановками) призывники как в запасные части (напри-

³ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Л. 44, 70.

⁴ Ефимов Ю. Д. Симбирск в годы Первой мировой войны. – Ульяновск, 2006 – С. 10-11.

мер, из Казанской губернии в Пензенскую), так и в действующую армию⁵. В октябре 1914 года прибыло 1,5 тысячи новобранцев из Полтавской губернии, в ноябре тысяча новобранцев прибыла из Белебея и Мензелинска. Вопросами размещения проходящих воинских частей, наряду с местными воинскими учреждениями и городской управой, занимался симбирский начальник Казанского отдела по квартирному довольствию войск⁶.

Реакция населения Симбирской губернии на мобилизацию и начало войны с Германией была неоднозначна. События, происходившие в то время в губернском центре, подробно описаны в работе ульяновского краеведа Ю.Д. Ефимова «Симбирск в годы Первой мировой войны (1914-1918)». Опираясь на архивные источники и материалы периодической печати, он сообщает о массовых патриотических манифестациях, состоявшиеся в Симбирске 17 и 18 июля⁷.

21 июля на Соборной площади перед Троицким кафедральным собором состоялся многотысячный молебен, на котором присутствовали вице-губернатор А.В. Арапов, уездный предводитель дворянства М.Ф. Беляков, городской голова Л.И. Афанасьев, чиновники представители духовенства и симбирского купечества. У собора были построены эскадроны 5-го Уланского Литовского полка, 164-й пехотный Закавказский полк, 307-й пехотный Спасский полк. После молебна 164-й пехотный полк был отправлен на фронт. 5-ый Уланский и Ленкоранский полки начали отбывать на фронт после 25 июля⁸.

Отдельно Ю. Д. Ефимов отмечает отношение мусульманской общины города Симбирска ко всеобщей мобилизации: «В тот же день (21 июля. Здесь и далее курсив мой – И.П.) в пятом часу дня по Лосевой улице (*улица Федерации*) около 300 мусульман прошествовали до мечети, где совершили моление во славу русского оружия...22 июля...по инициативе ахуна Мухамета

⁵ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Л. 313, 469.

⁶ Ефимов Ю. Д. Указ соч. – С. 5.

⁷ Там же. – С. 6-7.

⁸ Там же. – С. 7.

Гафарова, мусульманское население города, совершив моление, прошло по улицам города с портретами Николая II и пением гимна «Боже, царя храни» на татарском языке»⁹.

Таким образом, мы видим, что начало войны симбирянами было встречено доброжелательно. У большинства симбирян, как и подавляющего большинства населения России наблюдалось патриотическое отношение к войне.

Тем не менее, патриотический всплеск в стране сопровождался, во многих губерниях, погромами. Громили, прежде всего, казённые винные лавки. В Симбирске не обошлось и без нескольких немецких погромов. Стоит отметить, что в Симбирске проживало несколько десятков немецких и австро-венгерских подданных.

Как сообщает Ю. Ефимов, «30 июля в два часа дня на Базарной площади [ныне территория завода «Контактор» – И.П.], у дома Топоркова, в котором помещались номера А.С. Сазонова, собралась толпа в несколько тысяч человек из солдат, запасных чинов, ратников ополчения, крестьян и горожан для расправы с немцами-шпионами, якобы проживавшими в номерах. Погром начался с мелкой стычки между проходящим солдатом и немцем, читавшим газету у входа в номера. Толпа разбила стекла, сломала двери и ворвалась в помещение. Один немец был избит в коридоре, другой – во дворе. Остальных немцев не тронули. Прибывший пристав уговорил толпу разойтись. В результате погрома 6 человек пострадало, и они были доставлены в губернскую земскую больницу»¹⁰.

За гражданами враждебных государств в августе был установлен полицейский надзор. Иностранцы, доставленные из губернии, были временно поселены в домах купца Н.С. Зеленкова¹¹.

Уездные исправники отчитывались перед губернатором о ходе мобилизации и настроениях населения. О ситуации свидетельствуют телеграммы с

⁹ Ефимов Ю. Д. Указ соч. – С. 8.

¹⁰ Там же. – С. 10

¹¹ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 43. Л. 55.

пометкой «По мобилизации», которые приходили в канцелярию симбирского губернатора:

– алатырский уездный исправник докладывал: «Течения мобилизации спокойные. Много семей призывных совершают молебен»¹²;

– телеграмма губернатору из Курмыша от 20.07.1914 г.: «Мобилизация протекает нормально. Настроение населения спокойные. Исправник: Соловьев»¹³;

– телеграмма губернатору из Карсуна: 21.07.1914 г.: «День прошел нормально. Исправник: Войцеховский»¹⁴;

– телеграмма из Буинска: «В уездах благополучно. Исправник Саблуков»¹⁵.

Однако, если в Симбирске первые дни войны были встречены, в основном, патриотическими манифестациями, то по некоторым уездам губернии прокатилась волна беспорядков. Это объяснялось, видимо, незначительностью сил правопорядка на местах.

Согласно рапорту Карсунского уездного управления, «20 июля в селе Проломихе Коржевской волости совершено ограбление казенной винной лавки № 311 запасными нижними чинами из крестьян с. Городищ Аргашской волости Василием Мишенковым, Василием Суворовым, Петром Конновым, Дмитрием Галкиным и возчиком их крестьянином Акимом Савосиным. Все, за исключением, скрывшегося Савосина, арестованы. Ограблено 38 бутылок водки»¹⁶.

Телеграмма от 26 июля сообщала: «Казенные винные лавки в селениях Карсунского уезда Проломихе и Палатове 20 июля разграблены. В преступлении заподозрены запасные нижние чины»¹⁷. «Тоже в селе Раскильдине

¹² ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 1397.

¹³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1397. Л. 1.

¹⁴ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1397. Л. 3.

¹⁵ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1398. Л. 41.

¹⁶ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1398. Л. 46.

¹⁷ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1397. Л. 36.

курмышского уезда казенная № 266 винная лавка»¹⁸. Телеграмма симбирскому губернатору, Курмыш 25.07.1914 г.: «Буйство запасных, разгром винной лавки»¹⁹. 26.07.1914 г.: «В Дополнение телеграммы 25 июля сообщая: «Партия курмышских запасных разграбила в деревне Шинери Ядринского уезда Потребительскую лавку»²⁰. Но уже телеграмма от 27.07.1914 г. свидетельствует о нормализации положения: «В городе и уездах спокойно. Исправник: Соловьев»²¹.

Самые крупные беспорядки состоялись 20 июля 1914 г. в городе Сенигилее – важном транспортном узле и месте сосредоточения мобилизованных. Здесь также буйство запасных нижних чинов, призванных по мобилизации, сопровождалось разграблением казенных винных лавок. На сборном пункте по неуправляемой толпе был открыт огонь. В результате убито пятеро, ранено четыре человека. Зачинщики были арестованы²². 28 июля 1914 года буйства повторились. Против трёх тысяч запасных в Сызрани было применено оружие. Семь человек убито²³.

Кроме случаев беспорядков призывников, имели место быть и неявки на призывные пункты: «Свой протест и нежелание воевать многие ратники и ополченцы, подлежащие явке для отбытия повинности, выразили тем, что вообще не явились к освидетельствованию на призывные участки. Только по Ардатовскому уезду Симбирской губернии в списках, не явившихся в первые дни мобилизации 1914 г., значилось 222 человека»²⁴.

Несмотря на беспорядки, произошедшие в первые дни призыва, начало всеобщей мобилизации в Симбирской губернии, в целом, было спокойным.

¹⁸ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1397. Л. 38.

¹⁹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1398. Л. 1.

²⁰ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1398. Л. 10.

²¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1398. Л. 40.

²² Шайпак Л. А. Рост антивоенных выступлений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник военного университета. – 2007. – №1 (9). – С. 95.

²³ Там же. – С. 96.

²⁴ Там же. – С. 96.

Население губернии, независимо от этнической, религиозной или социальной принадлежности, проявляло «верноподданнические чувства».

С 21 июля части симбирского гарнизона начинают отбывать на фронт. Перед отправкой воинских частей в Симбирске проводились молебны с участием нескольких тысяч горожан. Отправляемым на фронт воинским частям устраивались торжественные проводы на железнодорожном вокзале²⁵.

²⁵ Ефимов Ю. Д. Указ. соч. – С. 7-8.

**Реакция крестьян Средневолжского региона на начало
Первой мировой войны**

**The reaction of the peasants of the MiddleVolga region
at the beginning of the First World War**

В статье рассмотрена динамика настроений крестьянства в период Первой мировой войны. Проанализированы причины изменения поведения и отношения сельских тружеников к войне. Показано, что начало Первой мировой войны явилось полной неожиданностью для крестьян. Крестьяне оказались психологически не готовы к проведению мобилизации, а в самих событиях начала войны уже прослеживаются стереотипы поведения, проявившиеся в революции 1917 г.

The article considers mood dynamics of peasantry during the period of the First World War. The reasons for behavioral changes of rural workers and their attitude to war are being analyzed. It is highlighted, that the beginning of World War I was completely unexpected. Peasants were psychologically not ready for mobilization. The beginning of the war already demonstrates certain stereotypes in behavior which revealed during the Russian Revolution of 1917.

Ключевые слова: *крестьянство Среднего Поволжья, Первая мировая война, настроение крестьянства, отношения к войне.*

Keywords: *the peasants of the Middle Volga, the First World War, the moods of the peasants, attitudes of the peasantry to war.*

Первая мировая война явилась поворотным событием в истории России. Потребовалось всего два с половиной года для того, чтобы подточить основы незыблемого. Без понимания процессов, происходивших в обществе в период с лета 1914 по декабрь 1916 года, невозможна правильная оценка всех последующих трагических событий. В этой связи особый интерес вызывает динамика настроений крестьянства в ходе «тотальной войны», приведшей страну к революции. В данной статье эти процессы рассматриваются на примере Среднего Поволжья – типичного крестьянского региона царской России.

Начало войны, по свидетельству современников, было встречено большей частью Российского населения всплеском «ура-патриотических» настроений¹. Но если горожане выражали свои патриотические настроения через манифестации и митинги в поддержку правительства, то патриотизм крестьянства проявлялся в оказании посильной помощи фронту. Деревенские жители с готовностью откликнулись на призыв императора по сбору теплых вещей для солдат. Женщины вязали и шили различную одежду для фронта. Проводились сборы пожертвований в пользу солдат². Крестьяне открывали на собственные средства лазареты для раненых. Известие об объявлении войны на время консолидировало общество. Оставшиеся дома крестьяне стали помогать в работе семьям мобилизованных³. Это свидетельствовало, что община так и не была разрушена в ходе столыпинских преобразований, и механизм взаимопомощи в критической ситуации сработал должным образом.

Патриотический пыл, охвативший российское общество летом-осенью 1914 года, был омрачен всплесками ксенофобии. Многотысячные анти-немецкие демонстрации имели место 19 июля 1914 г. в Санкт-Петербурге и 26-29 мая 1915 г. Произошли также массовые погромы немцев в Москве⁴. «Не отставала» от столиц и провинция. В Симбирске 28 июля 1914 г. были разгромлены гостиничные номера, в которых проживали немцы (якобы шпионы)⁵. О распространении националистических настроений в Самарской губернии информирует секретный рапорт МВД от 18 декабря 1915 года⁶. Даже само слово «немец» в это время стало оскорбительным. Показательным в этом отношении является случай Судебного разбирательства, проходившего в 1915 г. в городе Сызрани Симбирской губернии. Управляющий именем

¹ Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. 1 кн. — Нью-Йорк, 1960. — С. 5; 46.; 41, 52, 57, 75, 202.

² Симбирянин. — 1914, 3 декабря.

³ Симбирянин. — 1914, 30 октября.

⁴ Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный // Погромное движение в городах России в 1917-1918 гг. — Тамбов, 1995. — С. 43.

⁵ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 76. Оп. 2. Д. 1943. Л. 15-16.

⁶ ГАСО (Государственный архив Самарской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 409-410.

Орлова-Давыдова подал в суд на крестьян за то, что они «обозвали его немцем»⁷.

При этом случаи ксенофобии в крестьянской среде соседствовали с мирным и даже сочувственным отношением к пленному противнику. Согласно данным начальника симбирского губернского жандармского управления, население «к проживающим в разных городах и селах военнопленным относится отзывчиво, приносит пищу и лакомства и враждебности не проявляет»⁸.

Стоит отметить, что на фоне общего воодушевления городского населения, реакция сельских жителей на объявление войны была не столь радостной. О.С. Поршнева, обобщая материалы по России, отмечает, что для крестьян известие о мобилизации прозвучало как «гром среди ясного неба». Во многом это объяснялось отсутствием всякой идеологической подготовки к войне⁹. Доходило до того, что простой сельчанин в первые дни не всегда мог чётко сказать с каким противником намечается война, и по какой причине. А.А. Брусилов в своих воспоминаниях пишет, что «даже после объявления войны, прибывшие из внутренних областей России пополнения, совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»¹⁰.

Война в народе воспринималась, скорее, как стихийное бедствие, подвластное только высшим силам, что повлекло за собой всплеск религиозной

⁷ Симбирянин, 1915, 1 января.

⁸ ГАУО. Ф.76. Оп. 7. Д. 1422. Л. 5.

⁹ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой Мировой войны (1914 - март 1918 г.). – Екатеринбург, 2000. – С. 91.

¹⁰ Брусилов А. А. Воспоминания. — М.: Воениздат, 1963. – С. 82.

активности населения. Для крестьян было характерно отношение к войне как к неизбежному злу, ниспосланному Богом испытанию. Составители церковно-приходских летописей того времени единодушно отмечают увеличение религиозной активности населения. Сравнение данных за 1912 и 1915 гг. показывает, что количество прихожан православной церкви в Симбирской губернии увеличилось на 69 530; Единоверческой – на 2 954, раскольников – на 34 457, мусульман – на 7 048 человек¹¹.

Но крестьяне искали защиты не только в лоне традиционных или близких к ним конфессий. Война породила также множество суеверий. И это не удивительно, поскольку, всплеск «суеверного сознания» обычно характеризует кризисные эпохи в жизни общества, свидетельствует об известном неблагополучии, шаткости человека в мире, где он ощущает себя окруженным невидимыми, неведомыми, зачастую враждебными силами и существами. В начале 1915 года распространялись «волшебные письма» с молитвой о даровании победы русской армии, которые нужно было много раз переписывать и рассылать по знакомым¹². В том же году в Поволжье стала распространяться ересь под названием «Чуриковщина», названная так по имени ее основателя, крестьянина села Александрова Гая, Новоузенского уезда, Самарской губернии Ивана Алексеевича Чурикова, который объявил себя мессией и чудотворцем и призывал народ искать спасение в духовном сектантстве. После неудачи на родине Чуриков перебрался в Петроград и здесь, выдавая себя за «чудотворца» и «целителя», начал проповедовать, главным образом, против пьянства, но при этом, не стесняясь, сообщить слушателям о своем «божественном посланничестве». В Симбирской губернии ярким распространителем идей Чурикова стал крестьянин Фролов из села Большая Кувая Алатырского уезда. Последний также был одним из авторов брошюры под названием «Духовный партизан противу разврата и пьянства (защитник христианства) братец Иоанн Чуриков». Естественно, православная церковь отрица-

¹¹ ГАУО. Ф. 48. Оп.1. Д. 245. Л. 109; Д. 309. Л. 5; Д. 309. Л. 5.

¹² Симбирянин. – 1914, 3 декабря.

тельно относилась к подобным явлениям и всячески с ними боролась. Доцент Петроградской духовной академии иеромонах Вениамин полагал, что «Чуриковщина» есть секта, родственная хлыстовству, с обожествлением главы секты¹³.

С особой тревогой встречался Новый 1916 год, который внушал страх перед будущим, не только тяжёлыми условиями жизни, но и тем, что год этот был високосным¹⁴.

Неясность целей и причин войны, неуверенность в будущем, подспудное ожидание различных бедствий во многом явились главным обстоятельством, приведшим к бурным народным выступлениям в ходе мобилизации. По данным А.Б. Беркевича, волнения проходили в 49 губерниях России¹⁵. Бывали случаи, когда крестьяне требовали от помещиков некой материальной компенсации за то, что они отправляются на фронт¹⁶. В ходе мобилизации обострилось противостояние между общинниками и «отрубниками». Призывники перед отъездом устраивали погромы у своих соседей, выделившихся из общины¹⁷, вывозили хлеб с полей «отрубщиков»¹⁸. Впечатление, что представление о безнаказанности («война всё спишет») дало толчок к сведению старых счётов.

Всеобщая мобилизация также стала сигналом для разрешения назревших противоречий внутри общины. В том числе межпоколенческих конфликтов. Объявление мобилизации стало, например, сигналом к бунту молодых членов общины против «стариков» в деревне Камышле Старососнинской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии. «Призванные [там] по мобилизации на действительную военную службу, произвели

¹³ Гаврилов А. Чуриковщина //Симбирские Епархиальные ведомости. – 1915, № 3. – С. 102-115.

¹⁴ ГАУО. Ф.134. Оп. 13. Д. 87. Л. 18.

¹⁵ Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. – С. 14.

¹⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 85-86; Д. 12. Лл. не нумерованы; Д. 11. Л. 109.

¹⁷ ГАСарО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9447. Л. 113, 115-115 об.

¹⁸ ГАСарО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 47. Лл. не нумерованы.

драку со своими однообщественниками вздумав, при отъезде сводить с ними счеты из-за того, что старики не наделяют их землей поровну и до настоящего времени они остаются безземельными»¹⁹.

Но в основном крестьянские выступления приняли форму стихийных погромов казённых винных лавок, магазинов, складов, помещичьих имений. Беспорядки прокатились в Ардатовском, Алатырском, Карсунском и Сенгилеевском уездах Симбирской губернии²⁰; в Самарском, Новоузенском, Бугурусланском, Ставропольском, Бугульминском уездах Самарской губернии²¹; Вольском, Аткарском, Царицынском уездах Саратовской губернии²².

Одной из причин беспорядков, по мнению самарского губернатора, являлась плохая организация призыва. Ещё одной причиной волнений можно считать озабоченность призывников судьбой близких, которых они оставляли на произвол судьбы, порой без средств к существованию. (Мобилизация началась в самый разгар страды.) Поэтому новобранцы стали требовать немедленной выдачи пособий для солдатских семей²³.

К перечисленным выше причинам волнений, по нашему мнению, можно добавить ещё одну – традицию русских крестьян (существующую и по сей день) отмечать проводы в армию водкой. А поскольку речь, в данном случае шла не просто о призыве, а об отправке на войну, то и отметить такое событие следовало «как положено». Для многих это означало – напиться до бесчувствия.

Во избежание беспорядков с самого начала мобилизации принимались административные меры по «ограничению торговли крепкими напитками». Первоначально запрет на продажу спиртных напитков вызвал воодушевление со стороны населения²⁴. Сотни ответов на анкету саратовского земства в ап-

¹⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 113 об.

²⁰ ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. д. 1057, Л. 144; Д. 54, Л. 136; Д. 8. Л. 14.

²¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 4, 11, 14, 27-28, 78-78 об., 82, 105-106, 109, 117 об.-118.

²² Посадский А. В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914-1921 гг. (на материалах Саратовского Поволжья) // Дисс. ...к.ист.н. – Саратов, 1997. – С. 33-38.

²³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 96. 116-117 об.

²⁴ Симбирянин. – 1914, 10 октября.

реле 1915 г. дают такие отзывы: «Отмена виноторговли была повсеместно восторженно принята женщинами и весьма сочувственно – мужчинами»²⁵.

Однако введение «сухого закона» не могло в одночасье «перевоспитать» все деревенское население. Запретительные, насильственные меры в вопросе насаждения трезвого образа жизни в деревне, очевидно, были малоэффективны. И. Н. Введенский, уже через полгода после начала войны принял попытку проанализировать итоги «принудительной трезвости» и пришел к выводу, что «с исчезновением водки образовалась в бытовом укладе народа пустота», которую нечем было заполнить²⁶. И немедленно нашлись «заменители» водки, такие как одеколон²⁷, политура и денатурированный спирт²⁸. В сёлах начинается повсеместное самогонование и шинкарство²⁹.

Газета «Симбирянин» отмечает, что «в связи с массовым самогонованием стали привыкать к алкоголю и женщины, которые обыкновенно пробуют свое домашнее изделие. Без пробы нельзя – обычай такой, а там и допробуются!»³⁰. В целом можно предположить, что «сухой закон», введённый в первые дни войны, не смог достичь цели и обратить народ к трезвому образу жизни. Более того, круг потребителей спиртных напитков расширился за счет части женщин. И вместо блага для народа правительство получило новое зло: самогонование, распространение суррогатов, не говоря уже о громадных денежных убытках, связанных с утратой винной монополии.

Начало Первой мировой войны явилось полной неожиданностью для крестьян, громом среди ясного неба. Причины и цели войны лежали за пределами крестьянских жизненных интересов. Вследствие этого война казалась

²⁵ Посадский А. В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914-1921 гг. (на материалах Саратовского Поволжья). – Дисс. на .. к. ист. н. – Саратов, 1997. – С. 25.

²⁶ Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. – М., 1915. – С. 7, 19.

²⁷ ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 2011. Л. 19.

²⁸ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1427. Л. 172.

²⁹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1543. Л. 1, 4, 8, 18, 22, 27, 55, 66, 71, 76, 86, 91, 96, 106, 110, 115; Ф. 76. Оп. 7. Д. 1426. Л. 37, 44, 69, 174, 164, 178, 187, 250, 262, 302, 310; Ф. 76. Оп. 7. Д. 1543. Л. 2-2 об., 59-59 об., 74- 74 об., 102, 106, 114, 172, 180, 189, 247, 287, 295, 307, 319; Ф. 76. Оп. 7. Д. 1537. Л. 12, 18, 22, 27, 35, 38, 49, 55, 76, 82, 87; Д. 7, Л. 31, 14, 18-20, 23, 28, 32, 36, 41, 48.

³⁰ Симбирянин. – 1916, 21 июля.

им бессмысленной. Крестьяне оказались психологически не готовы к проведению мобилизации. С этим связаны волнения призывников в июле 1914 г. А в самих событиях начала войны уже прослеживаются стереотипы поведения, проявившиеся в революции 1917 года.

**Механизм мобилизации населения на нужды обороны в
Вятской губернии в годы Первой мировой войны**

**The mechanism mobilization of people in defense Vyatka province in
the First World War**

В статье ставится задача рассмотреть механизм мобилизации населения в годы Первой мировой войны на примере Вятской губернии. В результате анализа автор доказывает, что государство, организуя мобилизацию населения на нужды обороны за счёт принудительных работ и повинностей, подрывало сельскохозяйственное производство губернии и тем самым увеличивало недовольство населения.

In the article on the example of the Vyatka province the author committed to examine the mechanism of mobilization of the population for defence during the First World War. As a result of the analysis the author argues that the state, organizing the mobilization of the population for defence at the expense of forced labor and duties, undermined agricultural production of the province and increased the discontent of the population.

Ключевые слова: мобилизация населения, Вятская губерния, Первая мировая война, реквизиционная комиссия, принудительные работы

Keywords: mobilization of the population, Vyatka province, the First World War, the requisition, the comission of forced labor

В российской историографии изучению механизмов мобилизации населения на нужды обороны уделялось недостаточно внимания. Эти вопросы затрагивались отчасти при исследовании в целом процесса мобилизации промышленности на нужды обороны¹, при изучении вопросов рабочего и крестьянского движения в России перед революцией 1917 г.², при рассмотрении

¹ Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. – М., 1956; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1973; Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М., 2003.

² Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы мировой войны и перед Октябрем 1917 г. – Л., 1927; Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. – М., 1988; Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). – М., 1962; Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). – СПб., 2004; Поршнева О. С. Социальное поведение российского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник. – М., 2000. – С. 57-83 и др.

вопросов регионального развития в годы Первой мировой войны³. Между тем, значительная часть населения страны во время Первой мировой войны привлекалась к работам на нужды обороны.

К началу Первой мировой войны Россия оставалась страной аграрной, с преобладанием крестьянского населения. Крестьянство несло основное бремя налогов, составляло основной солдатский контингент российской армии. Но война принесла крестьянам и другие тяготы. Помимо налогов, государство проводило в крестьянских хозяйствах реквизиции лошадей, скота и зерна для армии. И, кроме того, для военных нужд, крестьянам приходилось выполнять различные принудительные работы и повинности по прокладке дорог, шоссейных и железнодорожных, перевозке грузов и заготовке леса (дров) для военных заводов, с частичной оплатой этого труда. Заготовка леса была связана с тем, что в уральской промышленности доминировало древесное топливо. В промышленности Вятской губернии, по данным 1916 г., на древесное топливо приходилось 91,8 % ресурсов⁴.

Развитие механизма мобилизации населения на нужды обороны было закономерностью военного времени и наблюдалось во всех воюющих странах Первой мировой войны. Согласно царскому указу от 8 декабря 1914 г. о принятии всех мер для безостановочной работы военных заводов, губернатором Вятской губернии А. Г. Чернявским была создана в уездном городе Сарапуле особая реквизиционная комиссия, в обязанности которой входила организация крестьянского населения на принудительные работы, в первую очередь, по обеспечению казённых Воткинского и Ижевских заводов топливом (дровами). Для этих работ должны были привлекаться трудоспособные крестьяне Сарапульского, Елабужского, Малмыжского, Глазовского уездов, а также Оханского и Осинского уездов Пермской губернии. В возрасте с 18 до 45 лет, со своим инструментом и лошадьми. Отказ от выполнения принудительных работ грозил

³ Садаков М. Удмуртия в годы Первой мировой империалистической войны // Записки. Выпуск 16. – Ижевск, 1954. – С. 51-82.

⁴ Мусихин В. Е. Транспортный кризис и его влияние на состояние топливо-сырьевой базы уральской горнозаводской промышленности в 1914-1917 гг. // История и культура Волго-Вятского края. – Киров, 1994. – С. 22.

наказанием по законам военного времени: «заключение в тюрьму или крепость на 3 месяца, арест на тот же срок или денежный штраф до 3 тыс. руб.»⁵.

Первый наряд на рубку и вывозку дров для Воткинского и Ижевских заводов поступил в январе 1915 г. По этому наряду крестьяне 10 волостей Глазовского уезда должны были вырубить и вывезти 36 тыс. куб. сажен дров⁶. Балезинская волость должна была по разнарядке направить в лес 1 351 человек, Люкская – 1 601 пешего и конного⁷.

Условия труда в лесу были очень тяжёлые. Жилищ для лесорубов, построенных заводами, не хватало. Сами крестьяне, ввиду временности работы, часто не желали строить себе жильё в лесу, и нередко бывало, что люди спали в лесу у костров под открытым небом в тридцатиградусные морозы. Хотя возраст привлеченных крестьян – от 18 до 45 лет – строго оговаривался высшими властями, это условие часто нарушалось местной администрацией. В циркуляре Вятского губернатора Н. Руднева земским начальникам Сарапульского, Елабужского, Глазовского и Малмыжского уездов от 4 мая 1916 г. признавалось, что «...на работы по заготовке дров для Ижевских заводов высылаются лица, неспособные для таких работ, а именно: дряхлые старики, подростки, больные и женщины; причем, среди последних бывают даже с грудными детьми»⁸.

Крестьяне часто обращались к местным властям и администрации Ижевских заводов с жалобами. Так, 60-летние жители деревни Сундошур Игринской волости Н. М. Наговицын и У. И. Ившин обращаясь к представителю Ижевских заводов жаловались на тяжёлый труд по рубке леса для заводов: «...уже много лет по болезни рук и ног не можем работать. Выполнение этих работ является для нас физически невозможно, по разнарядке нам надо вырубить и вывезти по 8 квадратных сажен дров. Если нанять вместо себя, то придется заплатить са-

⁵ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 109. Оп. 1. Д. 224. Л. 46.

⁶ ЦГА УР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 183. Л. 2.

⁷ ЦГА УР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 224. Л. 12, 66.

⁸ ЦГА УР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 183. Л. 126.

мое меньшее по 70 руб., что приведет к полному разорению хозяйства. Остальные члены семьи малолетние, а сыновья мобилизованы»⁹.

Мать троих детей Ирина Степановна Хохрякова в письме к мужу, призванному в армию сообщала: «Детей моих малых оставить не с кем, богатые соседи постоянно осыпают меня оскорблениями и принудили меня насильственным образом уплатить в пользу их, богатых соседей, 10 руб. за вывозку дров»¹⁰.

Часто мобилизованные в армию крестьяне писали жалобы местному начальству о притеснениях их жён и семей, связанных с принудительными работами. Так, мобилизованный крестьянин деревни Мокрушиной Игринской волости Глазовского уезда И. М. Щуклин жаловался в письме земскому начальнику: «...После меня на родине осталось следующее семейство: жена Ольга, 45 лет, с четырьмя малолетними детьми, а также домашнее хозяйство. Из полученных мною сведений я узнал, что мою жену Ольгу по распоряжению игринского волостного старшины отправляют на работы пилить дрова для надобностей Ижевского оружейного завода... Ввиду изложенного покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать распоряжение об освобождении моей жены Ольги Щуклиной от вышеуказанных работ»¹¹. Через три месяца И. М. Щуклин получил официальное уведомление, что его жена старшиной волостного правления к принудительным работам не привлекалась, а соседи, привлечённые к этим работам, предъявили требования о материальной помощи из-за выполнения работ за освобождаемых солдаток.

В результате тяжёлого труда и лишений немало крестьян, загнанных в лес, тяжело болели, умирали. Не выдерживая каторжного труда, крестьяне стали отказываться от выполнения принудительных работ.

Еще в 1915 г. привлеченные на лесоразработки крестьяне начали самовольно покидать работу в лесу. Поначалу это были единичные случаи, но в 1916 г. самовольный уход с принудительных работ принял массовый характер.

⁹ ЦГА УР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 183. Л. 109.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА УР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 182. Л. 12.

Своеобразной и широко распространённой формой уклонения крестьян от принудительных работ стало использование справок о болезни. Сарапульская реквизиционная комиссия указывала на этот факт: «Массамаи поступают заявления от крестьян об освобождении их от принудительных работ, почти каждый из них предоставляет медицинское свидетельство о болезни, выданное в большинстве случаев, частным врачом Самоглядовым. С такими свидетельствами пришлось освободить от работ около ста человек»¹². Реквизиционная комиссия уведомила земских начальников, что нетрудоспособные крестьяне от принудительных работ по рубке и вывозке дров освобождаются «только в том случае, когда свидетельства эти о болезни выданы правительственным (врачом), в крайнем случае, земским (врачом) в присутствии полицейского чина»¹³. Если учесть, что на 10 000 жителей приходился один земский врач и очереди на приём к нему люди дожидались по несколько дней, можно представить трудности в получении свидетельства о болезни крестьянам, живущим в далёких селениях.

В лесных дачах Ижевских оружейного и железодельного заводов с 1 мая 1916 г. ежедневно работало 7000 рубщиков, Воткинского железодельного завода – до 5120. За два месяца ими было заготовлено до 138870 сажень дров. В Ижевском лесничестве зимой 1917 г. находилось до 35 тыс. дроворубщиков, возчиков и 18 углежогов. В лесах вокруг Воткинска трудилось по 2-3 тыс. человек¹⁴.

Кроме заготовки леса для Воткинского и Ижевских казённых заводов, крестьяне Вятской губернии также были привлечены к принудительным работам для перевозки руды, известняка, железного лома, стружки, смазочных материалов, кирпича Омутнинскому, Песковскому, Кирсинскому заводам Акционерного общества «Северные заводы» наследников Н. П. Пастухова¹⁵, для об-

¹² ЦГА УР. Ф. 111. Оп. 1. Д. 242. Л. 558-558 об.

¹³ ЦГА УР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 183. Л. 109.

¹⁴ Рабочий класс Удмуртии. – Ижевск, 1987. – С. 10.

¹⁵ ЦГА УР. Ф. 94. Оп. 1. Д. 211. Л. 33-33 об.

служивания Сюгинского и Бондюжского заводов¹⁶, на строительство железной дороги Агрыз–Ижевск, Ижевск–Воткинск.

Таким образом, государство, организуя мобилизацию населения на нужды обороны за счет принудительных работ и повинностей, связанных с заготовкой топлива для военных заводов, перевозкой дров, сырья, выжигания угля, строительства и ремонта грунтовых и железных дорог подрывало сельскохозяйственное производство губернии, в котором и без того ощущалось острая нехватка рабочих рук. Как следствие, уменьшились посевные площади и снизился урожай хлеба. Особенно в тяжёлом положении оказались крестьяне Сарапульского, Глазовского и Елабужского уездов, находившихся вблизи Ижевских и Воткинского заводов и строившейся железной дороги Казань–Екатеринбург. Таким образом, мобилизация населения на нужды обороны усиливала недовольство крестьян войной и способствовала росту революционных настроений.

¹⁶ ЦГА УР. Ф.111. Оп.1. Д.243. Л. 46 об.-47.

**«Страна войной больна...»: об организации деятельности тыла
Чувашского края в годы Первой мировой войны**

**The organization of the rearward of the Chuvash region in the years of
the First World War**

Статья посвящается 100-летию Первой мировой войне. Автор рассматривает вопросы мобилизации населения Чувашского края для нужд обороны в тылу в период Первой мировой войны. В качестве исследовательской задачи предпринята попытка изучить на основе архивных документов деятельность различных социальных групп населения, общественных организаций, функционировавших в крае в годы войны. В докладе проанализированы, обобщены и введены в оборот новые исторические источники по исследуемой теме.

On the example of the Chuvash region the author considers the role and organization of the activities of the population in the rear. It focuses on the high efficiency of management decisions, the difficulties of working in conditions of war. It examines the directions, forms, results of operations, different local committees, institutional constraints and ways to overcome them, interaction with public organizations and population, role in resource mobilization front.

Ключевые слова: *Первая мировая война, патриотизм, организация тыла, российское общество, благотворительность, дамские комитеты благотворительности, Чувашский край.*

Keywords: *The First World War, patriotism, organization of rear (hinterland), the Russian society, charity, ladies of charity committees, the Chuvash region*

В июле 1914 г. разразилась Первая мировая война. Российская империя оказалась втянутой в мировой конфликт. С этого времени началась перестройка жизни Чувашского края, как и всей России, на военный лад. Большинство российского населения с самого начала войны посчитало своим долгом участвовать в общем ратном деле и откликнулось на призыв властей. Как и большинство граждан России, уроженцы Чувашии жаждали победы. Военнообязанные прибывали на призывные пункты в бóльшем количестве, чем было запланировано. Проводы в армию в губернских и уездных центрах сопровождались шествиями и митингами. Пример тому фотография, которая

хранится в фондах Чувашского национального музея, на которой запечатлены проводы мобилизованных на фронт на Базарной площади в Чебоксарах 30 июля 1914 года. Перед отправкой священники отслужили молебен. Всего за годы войны из чувашских уездов было призвано в армию более 16% всего мужского населения (каждый шестой мужчина). Причём, 14% из этих 16% были крестьянами¹.

Уже осенью 1914 г. край выполнял государственные заказы для фронта всем необходимым: зерном, обозным имуществом, ящиками для снарядов, бочковой тарой, прикладами для ружей, сапогами, лаптями и т.д. Для нормального обеспечения производства в это время необходимо было решить важную задачу изыскать дополнительные трудовые ресурсы, способные заменить работников, ушедших в армию. Основным источником дополнительных трудовых ресурсов в период войны стало население, ранее не занятое в общественном производстве. Прежде всего - женщины, молодежь и подростки, мужчины не пригодные для службы в армии.

Согласно военному положению 1914 г. ополченцы должны были явиться по объявлению призыва в течение трёх суток. Если призывник на сборный пункт являлся в обмундировании, приобретённом на свои средства, то военное ведомство обязано было платить ему деньги. В этом смысле большой интерес представляет объявление, имеющееся в фондах Алатырского краеведческого музея, о ценах за вещи, приносимых новобранцами и ратниками ополчения в случае призыва.

С началом войны к воинским начальникам стали обращаться добровольцы, желавшие пополнить ряды действующей армии. Газеты писали о юных гражданах России, желавших быть причастными к событиям, развернувшимся на фронтах Великой войны. В числе добровольцев-учащихся раз-

¹ Николаев Г. А. Изменение производительных сил в сельском хозяйстве Чувашии в годы первой мировой войны (1914-февраль 1917) // Чувашия в годы Первой мировой войны. Учен. зап. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совмине Чувашской АССР. – Чебоксары, 1985. – С.7.

личных учебных заведений страны были тринадцать воспитанников Симбирской чувашской учительской школы.

Жёнам, детям и другим нетрудоспособным членам семей мобилизованных запасных и ратников I разряда выплачивались продовольственные пособия (пайки) от казны. Размер пособия с начала войны до 1 декабря 1914 г. составлял 2 руб. 82 коп. и 1 руб. 41 коп. на каждого ребенка до 5 лет в месяц. Выплаты производились в соответствии с Законом № 37507 от 25 июня 1912 г., по которому определялась необходимость материальной поддержки семей запасных, призванных на фронт. В Чувашском государственном историческом архиве сохранились многочисленные прошения членов семей ратников о выдаче пособия, а также отказы в назначении пособия в случаях несоответствия закону².

Действенной формой патриотизма, помимо добровольчества, стало участие народа в благотворительной деятельности. Так, в Чебоксарах, как и в других городах России, с первых дней войны начал работу Чебоксарский дамский комитет. Руководителем комитета был Леонид Васильевич Эннатский, являвшийся предводителем дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов с 1898 по 1917 гг., а с 1907 по 1917 гг. возглавлявший Чебоксарскую уездную управу. Как чиновник ответственный за организацию работы тыла он был награждён орденом Святого Станислава I степени.

Чебоксарский дамский комитет был создан в ноябре 1914 г. по инициативе жён известных граждан Чебоксар с целью оказания помощи солдатам на фронте, их семьям, оставшимся в тылу, а также беженцам, прибывающим в Чебоксарский уезд из прифронтовых областей. Его организаторами и распорядительницами стали высокопоставленные дамы-жёны городских чиновников. В круг задач комитета входили сбор вещей и продуктов питания для действующей армии, а потом и для беженцев, организация «кружечных сборов» среди жителей города. На пожертвования кружечного сбора 19-20 июля

² Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее ГИА ЧР). Ф.14. Оп.1. Д.1862. Л. 81.

1915 г. были изготовлены повязки-противогазы от отравляющих веществ, которые применяли на фронте немцы. Кроме того, комитет организовывал беспроигрышные лотереи. Объявления о проведении таких акций также расклеивались по городу. В ходе лотерей разыгрывались незначительные, по современным меркам, вещи и предметы быта: кружка жестяная, корзинка базарная, статуэтка гипсовая, карандаш и многое другое. Всего в среднем до 1500 наименований³. Лотерейные сборы, как и все другие финансовые и материально-вещевые поступления использовались строго по целевому назначению: на нужды армии и оказание помощи семьям фронтовиков. Распорядительницы комитета организовывали изготовление комплектов белья для действующей армии. В комплект входили рубаха, кальсоны, чулки или портянки⁴.

Посылки из Чебоксар отправлялись на адрес 308-го пехотного полка, воевавшего в составе 77-й пехотной дивизии 4-го кавалерийского корпуса 8-й армии Юго-Западного фронта. Этот полк называли Чебоксарским. Хотя он был сформирован в Симбирске, основной его костяк составляли воины запаса, призванные по мобилизации от 18.07.1914 г. из Чебоксар и Чебоксарского уезда. Полк принимал участие в Галицийской битве (1914), в Брусиловском прорыве (1916). Уже к декабрю 1914 года комитетом было отправлено в полк 325 комплектов белья. Чебоксарские дамы в ответ получили благодарственное письмо от 26 декабря 1914 г. за № 2115 от командира полка полковника Д. С. Топуриа (впоследствии генерал-майора), где он писал: «Нет цены присланным посылкам, ибо они ценны своею своевременностью, своим исключительным моментом, когда полк, завершивши в семидневном бою возложенное на него дело и сделавши форсированный марш, пообносился и нуждался именно в том, что воспоследовало из родных Чебоксар»...

В благотворительности участвовали все сословия: дворяне, мещане, купцы, крестьяне. За воинскими частями, выступавшие на фронт, отправля-

³ ГИА ЧР. Ф.306.Оп.1. Д. 211. Л. 130-144.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 306.Оп.1.Д. 211.Л. 3.

лась теплая одежда, лекарства, холст, мыло, табак, чай, сахар, продукты питания и множество других вещей. Об этом свидетельствуют архивные документы: ведомости о движении денежных сумм по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну⁵, заявления о передачи денег семьям мобилизованных, сиротам, увечным воинам⁶, ведомости о движении пожертвований на помощь больным и раненым⁷. Кроме того, в крае действовали отделения Всероссийских благотворительных организаций, созданных в связи с войной: уездные отделения Всероссийского земского союза⁸, Романовского комитета, находившегося под покровительством императора⁹. В уездах создавались Попечительские Советы по призрению семейств нижних чинов, призванных на фронт¹⁰.

О событиях на фронте жители Казанской и Симбирской губерний узнавали из местных и центральных газет. Кроме того, была организована подписка на бюллетени Петроградского Телеграфного Агентства и военные телеграммы. В ГИА ЧР сохранился список подписчиков от 5 октября 1914 г. Практически, это вся интеллигенция города Чебоксары. Размер ежемесячной подписки составлял 1 рубль. Телеграммы должны были печататься на пишущей машинке и доставляться адресатам 2 раза в день: в 10 часов утра и 8 часов вечера, а в экстренном случае 3 раза в день (утром, днём и вечером). Это была оперативная информация о событиях на фронте. В деле сохранились, очевидно, рабочие рукописные варианты этих телеграмм, которые впоследствии подлежали распечатке и рассылке¹¹.

Местная интеллигенция в первые годы войны выступала с популярными лекциями о причинах войны, о подвигах русских воинов, о русских полководцах и т.д. Директор Симбирской чувашской учительской школы И. Я.

⁵ ГИА ЧР. Ф.14. Оп.1. Д. 17. Л. 25-26.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1.Д. 1863. Л. 54.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1.Д. 17. Л. 27-28.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1.Д. 17. Л.72.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 14.Оп. 1.Д. 1863. Л. 3-192.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф.14.Оп. 1.Д. 1860. Л. 18.

¹¹ ГИА ЧР. Ф.14. Оп. 1.Д. 1769. Л. 6-96.

Яковлев распространял написанную им на чувашском языке брошюру «Война с Германией и Австрией». Граждане России в целом, и чувашского края в частности, были оповещены им об оборонительном характере войны, о том, кто напал на Россию и за что воевать. Пресса фиксировала в этот период небывалый всесословный подъём патриотических настроений.

Непосредственное соприкосновение жителей Чувашии с ужасами войны связано с приёмом раненых и заботой о них. Люди с большим энтузиазмом принимали участие в разгрузке, переноске и перевозке раненых, предоставляли для раненых помещения в своих домах, собирали перевязочный материал и лекарства, бельё, денежные средства, безвозмездно дежурили при больных, занимались оборудованием лазаретов под руководством специалистов. Наряду с другими сословиями важную роль в организации лазаретов, в частности, при чебоксарском духовном училище, сыграло духовенство¹².

Прав был историк, публицист и философ П. Б. Струве, отметивший в ноябре 1914 г.: «Война сильнее всяких проповедей учит нас патриотизму». Народ в условиях войны ощутил себя нацией. Но залогом победы является наличие национального согласия в обществе. К сожалению, уже к 1916 г. этого согласия в российском обществе не было. Нерешённые ранее социальные противоречия, имевшиеся в начале XX в., ещё более обострились в результате войны и привели к революции 1917 г. и впоследствии к заключению большевиками сепаратного мирного договора. В результате наша страна не вошла в число стран-победительниц. По замечанию У. Черчилля: «К России судьба была жестока: выигрывая войну, она её проиграла».

¹² ГИА ЧР. Ф. 227. Оп. 1. Д. 2903. Л. 1-2.

Кунгур как место плена и беженства

Kungur was a place of captivity and displacement

Статья посвящена положения беженцев и военнопленных в Пермской губернии. Автор рассматривает проблемы, связанные с нехваткой рабочих рук в сельском хозяйстве в годы Первой мировой войны. Одним из способов решения данной задачи было широкое применения труда военнопленных и беженцев с оккупированных территорий.

The article devoted to the situation of refugees and prisoners of war in the Perm province. The author considers the problems, connected with the shortage of workers in agriculture during the First World War. One way of solving this problem was the extensive use of labor of prisoners of war and refugees from enemy-occupied territories.

Ключевые слова: *беженцы, военнопленные, Пермская губерния, Кунгурский уезд, Кунгурский комитет по оказанию помощи беженцам, Первая мировая война, труд военнопленных*

Keywords: *refugees, prisoners of war, Perm province, Kungur district, Kungur Committee on assistance to refugees, the First World War, the labor of prisoners of war*

В годы Первой мировой войны Пермская губерния должна была принять 100 тыс. беженцев. Кунгур и Кунгурский уезд должен был принять 8 тысяч. Обязанности по заботам беженцев на местах возлагались на земские и городские общественные органы самоуправления под наблюдением губернатора. Необходимо было прибывающих беженцев обеспечить продовольствием, жильём, теплой одеждой, дать возможность заработка, оказать медицинскую помощь, организовать бесплатный отпуск лекарств из земских аптек¹. На пути следования составов с беженцами были открыты питательные пункты, дезинфекционные камеры. На станции Кунгур поезда с беженцами встречали указатели с информацией, куда следует обращаться для размещения. В докладе Пермского земского управления отмечалось, что из числа прибыв-

¹ Кунгурский государственный архив «Государственный архив Алтайского края» (далее КГА ГААК). Ф. 588. Оп. 1. Д. 350. Л. 46.

ших беженцев 63% составляли взрослые, 37% – дети. По национальному составу прибывшие распределялись следующим образом: 53% – русские, 17% – немцы, 14,5 – поляки, 9% – евреи, 5,6 % – латыши. Более 60% беженцев расселялись по городам, остальные – в сёлах².

11 августа 1915 г. в Кунгуре создается комитет по оказанию помощи беженцам. В его состав вошли городские и земские чиновники, гласные городской думы и земского собрания, врачи, интеллигенция, купцы города³. Было создано четыре комиссии, которые занималась вопросами обеспечения жильем и продовольствием, изысканием средств и снабжением беженцев одеждой и обувью, вопросами устройства на работу, следили за санитарным состоянием жилищ для беженцев и за их здоровьем⁴.

Беженцы прибывали без тёплой одежды, поэтому в городе был объявлен сбор тёплых вещей и денег на приобретение одежды⁵. Решено было организовать в августе месяце объезд районов города на телегах для сбора пожертвований: вещей и продуктов для беженцев. Неоднократно проводились благотворительные лотереи⁶. Комитет по беженцам открыл ещё несколько столовых, где питание производилось по спецталонам. Меню для взрослых беженцев с 12 лет было таким: утром и вечером – чай, хлеб (8 коп.), обед из двух блюд: щи, или суп с картофелем и мясом (11 коп.), каши – из проса, гречневая, ячневая с молоком и луком (1,7-2,3 коп.), жареный картофель, хлеб. Порции для детей от двух до шести лет: сахар, хлеб, треть порции взрослого человека (на 15 коп.) Дети от 6 до 12 лет – полпорции взрослого человека (на 18 коп). Привлекались и частные столовые, где цена обеда была от 15 до 25 копеек⁷.

Многие беженцы устраивались на работу. В Кунгурском уезде на маслобойном заводе купца Щербакова работало 93 человека, более 100 – на ка-

² КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 350. Л. 54.

³ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 350. Л. 12

⁴ Там же.

⁵ Кунгурский листок. – 1915. № 318. – С. 4

⁶ Кунгурский листок. – 1915. № 171. – С. 4.

⁷ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 350. Л. 35.

натном заводе Медведева⁸. Поскольку среди прибывавших беженцев было много католиков, 6 февраля 1916 г. в г. Кунгур на постоянное жительство прибыл ксендз К. Павлович⁹. На 1 января 1916 г. в Кунгур и Кунгурский уезд прибыло: русских – 624, немцев-колонистов – 526, поляков – 88, евреев – 295 человек¹⁰.

В феврале 1919 г., когда в городе были белые, Кунгурское уездное земское собрание поднимает вопрос о помощи беженцам. Предполагалась отправка беженцев в Сибирь. На станции Пермь II регистрировали желающих выехать в Сибирь, выдавали им продукты и денежное пособие, отправляли их в вагонах-теплушках. Правом получения пособия пользовались дети до 14 лет и семьи, в которых не было работников. Денежное пособие выдавалось из расчёта восемь рублей в месяц. Баня, общежитие и лечение за счёт правительства. Всего из Кунгура за этот период уехало 55 человек¹¹.

В годы I мировой войны в г. Кунгур прибывают и немцы-колонисты, и военнопленные. По-разному складывались судьбы этих людей на чужой для них земле. Немцы-колонисты прибывали партиями. В марте 1916 г. в Кунгур прибыла группа немцев-колонистов из Гиршенгофской колонии, что в Лифляндской губернии, в количестве 153 человек на временное поселение¹². Смотритель по беженцам П. В. Коробкин с помощниками занимались размещением колонистов и выдачей им пособий на проживание и на похороны. Для представления интересов немцев-колонистов в Кунгурскую уездную земскую управу и в уездное попечительство по беженцам были избраны несколько человек из числа прибывших¹³. Всем прибывшим выдавалось пособие по 15,2 коп. в день на взрослого, и по 7,6 коп. на детей. На похороны умерших члены семьи получали пособие в размере 10 руб.¹⁴. Таких прошений

⁸ Кунгурский листок. – 1915. № 216. – С. 4.

⁹ Кунгурский листок. – 1916. № 321. – С. 4.

¹⁰ Кунгурский листок. – 1917. № 710. – С. 4.

¹¹ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 384. Л. 4, 6.

¹² Кунгурский листок. – 1915. № 46. – С. 3.

¹³ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 381. Л. 408.

¹⁴ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 381. Л. 408.

было достаточно много. Умирили часто, особенно старики и дети. В прессе отмечалась крайняя нужда и бедствия колонистов. При этом во многих семьях мужчины призывного возраста были на фронте. Некоторые колонисты состояли ратниками I разряда, они были военнообязанными. Их семьи получали пособие. В феврале 1917 г. в Кунгурском уезде в Рождественской волости проживало 278 взрослых колонистов и 255 детей. На содержание колонистов было выделено 10 335 руб.¹⁵.

Известно, что на территории Урала и Сибири в период Первой мировой войны оказалось несколько сотен тысяч военнопленных. Часть из них содержалась в лагерях, другая часть была отправлена на разнообразные работы.

После смерти военнопленных их медальоны с указанием их имени и фамилии отправлялись либо в Центральное Бюро, либо в Красный Крест для сообщения родным. Значительные контингенты военнопленных, в целях безопасности, обычно содержались в тех пунктах, где имелись запасные батальоны¹⁶. Поскольку кожевенные заводы Кунгура выполняли военные заказы по пошиву обуви для армии, поэтому и среди военнопленных искали специалистов кожевенного производства. Так среди военнопленных, проживающих в Филипповской волости, были найдены четыре человека, имевших когда-то опыт работы с кожевным промыслом. Примерный коллективный профессиональный портрет военнопленных дают сведения по Асовской и Неволинской волостям. В первой среди 15 пленных были: телеграфист, садовник, рабочий электростанции, шестеро земледельцев, столяр, рабочий сахарного завода, пивовар, рабочий суконной фабрики, шахтёр. Во второй волости среди военнопленных был один колбасник, один банковский конторщик, остальные – крестьяне¹⁷. Из-за сложности трудоустройства по специальности труд военнопленных использовался на сельскохозяйственных работах в мелких кре-

¹⁵ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 381. Л. 1.

¹⁶ Кунгурский листок. – 1915. № 46. – С. 3.

¹⁷ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 347. Л. 3.

стьянских хозяйствах, особенно там, где глава семьи находился на фронте, на благоустройстве города, строительстве дорог, мостов и был платным¹⁸.

В октябре 1916 г. в Губернские и уездные земские управы получили распоряжение о том, «что военнопленные из числа сербов, хорватов, русинов, находящихся на сельскохозяйственных работах, подлежат замене военнопленными других национальностей и срочному возвращению в распоряжение военных властей для военных целей»¹⁹.

С изменением государственного устройства в 1917 г. военнопленные практически остались без надзора. В феврале 1918 г. в Кунгуре создаются части Красной Армии. В архивных документах того времени отмечалось массовое вступление военнопленных в ряды Красной Армии. В марте 1918 г. в обозную команду было зачислено 73 военнопленных. 23 марта 1918 г. еще шестеро военнопленных были зачислены «на провиантское, приварочное, чайное довольствие при социалистической роте по обслуживанию кухни и конюшни»²⁰. В мае 1918 г. из 53 человек в этой социалистической роте 29 военнослужащих были из числа военнопленных²¹.

28 мая 1918 г. газета «Известия Уральского областного Совета» сообщила о массовых передвижениях пленных по железной дороге и водным путям. Сообщалось, что «пленные голодают, бродят бесприютными, затрудняют работу по планомерной эвакуации на родину». В газете отмечалось, что «Советское правительство принимало ответственность за содержание, прокормление и возвращение на родину тех пленных, которые находились в пунктах размещения»²². Большевистское правительство, опасаясь перехода военнопленных на сторону противников, издало три приказа об ускорении их эвакуации из районов, угрожаемых «чехословацким восстанием». При этом красные продолжали активно использовался труд военнопленных, прежде всего «враждебной части» (немцев, мадьяр, турок и евреев). Они трудились

¹⁸ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 347. Л. 56, 82, 83.

¹⁹ КГА ГААК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 347. Л. 179.

²⁰ КГА ГААК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 1. Л. 73.

²¹ КГА ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 167.

²² КГА ГААК. Ф.62. Оп. 1. Д. 2. Л. 167.

на самых тяжёлых работах: на железной дороге, в угольных копях. На более лёгких работах использовался труд военнопленных славян. Некоторые военнопленные вступали в брак и принимали русское гражданство. 12 июня 1918 г. в Кунгуре создана комиссия по заведованию военнопленными²³. В распоряжениях Революционного комитета 1919 г. отмечалось бегство австро-венгерских пленных, которые не желали работать, и скрывались по деревням, и станциям²⁴.

Режим и условия содержания пленных в лагерях Урала и Сибири в период, когда территорию контролировали белые, были весьма суровыми, несмотря на выделенные правительством на их нужды 400 тыс. рублей. Состояние лагеря для военнопленных в Кунгуре оценивалось как удовлетворительное.

В целом начавшаяся весной 1918 г. репатриация военнопленных как при красных, так и при белых практически не коснулась Урало-Сибирского региона, где разворачивалась гражданская война и шли активные боевые действия на Восточном фронте.

²³ КГА ГААК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2. Л.109.

²⁴ КГА ГААК. Ф. 2. Оп. 1 Д. 9. Л. 19.

Правовые аспекты содержания австро-венгерских и германских военнопленных в концентрационных лагерях России во время Первой мировой войны (по документам архивов Ульяновской области)

The legal aspects of maintenance of the Austro-Hungarian and German prisoners of war in concentration camps of Russia during the First World War (the documents of the archives of the Ulyanovsk region)

Автор рассматривает юридические аспекты международного и российского права, а также и правоприменительную практику пребывания военных в российском плену. Автором выявлены новые явления военного плена.

The author examines the legal aspects of international and Russian law and also the law enforcement practice of war in Russian captivity. He identified a new phenomenon of military captivity.

Ключевые слова: *содержание военнопленных, концентрационные лагеря, Симбирская губерния, Первая мировая война, правовые аспекты, Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, Гаагская конференция.*

Keywords: *the First World War, the prisoners of war, concentration camps, Simbirsk province, the legal aspects, the Convention on the laws and customs of war, Hague conference.*

Первая мировая война – одна из самых кровавых страниц всемирной истории. Для России эта война стала одним из провальных эпизодов в истории. Согласно Брестскому миру, заключённому 3 марта 1918 г., она потеряла Польшу, Прибалтику, часть Белоруссии. Главные итоги: более двух миллионов убитых, раненых и искалеченных, разрушены основные промышленные районы страны. Россия передавала Германии 90 тонн золота¹.

Эхо надвигающейся войны дошло до Симбирска 12 июля 1914 г., в газете «Симбирянин» сообщилось о конфликте между Австро-Венгрией и Сербией, а в телеграфных известиях (приложения к газете) от 15 июля уже говорилось о неизбежности войны². С первых месяцев боевых действий государ-

¹ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – С. 214.

² Ефимов Ю. Д. Симбирск в годы Первой мировой войны: 1914-1918. – Самара: Самарское книжное издательство, 2006. – С. 5.

ства-участницы столкнулись с феноменом массового плена. Повсеместно стали создаваться концентрационные лагеря, в том числе и в населённых пунктах Симбирской губернии: Симбирске, Алатыре, Буинске, Сызрани, Карсуне, Инзе, – а также на территории Сенгилеевского уезда.

Неспокойная обстановка на международной арене, попытки снижения агрессии в предвоенные годы вызвали активизацию нормотворческой деятельности по различным аспектам ведения войны, в том числе по положению военнопленных. Ещё в 1907 г. в рамках II-ой Гаагской конференции была принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны – главный документ, регламентирующий права и обязанности воюющих сторон в отношении военнопленных, а 7 октября 1914 г. – Высочайше утверждённое положение о военнопленных Государя Императора Николая II. Согласно ст. 5 Конвенции, военнопленные могли проживать в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться «за известные определенные границы»³.

Однако, несмотря на предписание норм международного права и все-российских постановлений, побеги из лагерей и с мест работы были постоянной проблемой, что неминуемо влекло за собой ужесточение охранного режима. В приказе Алатырского уездного комиссара от 13 мая 1917 г. сообщается о том, что немецкие и австрийские «военнопленные, находящиеся на частных работах, ведут себя вызывающе и безгранично пользуются свободой, вследствие чего так обнаглели, что, забыв свое пребывание в плену, под угрозой забастовки предъявляют непомерные требования, не подчиняются установленным правилам, отказываются от работы и, пользуясь весьма слабым надзором со стороны работодателей, совершают единоличные и массовые побеги»⁴. Любопытно, что побегам в известной мере способствовало и

³ Гаагская Конвенция 1907 года «О законах и обычаях войны». – URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml> (Дата обращения 26.06.2014).

⁴ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 57. Оп.1. Д. 215. Л. 1.

само население, которое переманивало пленных от соседей, предлагая им более высокую плату за работу.

8 сентября 1917 г. войскам Сенгилеевского гарнизона предписывалось для поддержания порядка и предотвращения побегов среди военнопленных, работающих в Сенгилеевской городской Управе, ежедневно от 165-го пехотного запасного полка формировать караул из двух человек к помещению, где были размещены пленные⁵.

Согласно ст.8 Гаагской Конвенции «О законах и обычаях войны» военнопленные были обязаны подчиняться законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся. Всякое неповиновение с их стороны давало право на применение к ним необходимых мер⁶. Так, в концентрационных лагерях Симбирской губернии в случаях непослушания или грубости пленные подвергались аресту и содержанию при ближайшем волостном комитете или милиции до 7 суток на хлебе и воде⁷. Военский начальник или командир полка имел право подвергать аресту до одного месяца, строгому аресту до 20 суток или усиленному аресту до 8 суток. Для военнопленных, на которых данные меры наказания не возымели действия, предусматривалось увеличение срока заключения до трёх месяцев в соответствии с постановлением. При аресте виновные содержались отдельно друг от друга в светлом карцере, получали пищу и спали на голых нарах, а также исполняли некоторые обязанности по усмотрению начальства. Строгий арест состоял в том, что виновные содержались в светлом карцере, но на хлебе и воде, которые отпускались ежедневно, а горячая пища лишь раз в два дня. Спали также на голых нарах. При усиленном аресте арестованные содержались в темном карцере с соблюдением остальных правил строгого ареста. Для усугубления наказания командир полка мог подвергнуть смешанному аресту на срок до одного месяца. В таком случае необходимо было

⁵ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 167. Оп. 2. Д. 229. Л. 54.

⁶ Гаагская Конвенция 1907 года «О законах и обычаях войны». – URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml> (Дата обращения 26.06.2014).

⁷ ГАУО. Ф. 167, Оп. 1, д. 167, Л. 82.

строгое определение количества суток для ареста каждого вида. При этом срок усиленного ареста не должен был превышать половины срока всего ареста и не должен был быть назначен непрерывно более чем на восемь суток. При этом промежуток из простого и строгого ареста должен был быть не менее недели⁸.

Военнопленным, подвергнутым аресту, воспрещалось курение табака, всякого рода развлечения и сообщение с посторонними.

Согласно нормативно-правовым актам содержание военнопленных возлагалось на правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими сторонами не было заключено особое соглашение, то военнопленные имели право пользоваться такой же пищей, помещением и одеждой, как и войска правительства, взявшего их в плен⁹. Однако качество питания и условия содержания военнопленных могли различаться в зависимости от их офицерского чина. Поэтому в интересах самих военнопленных было назвать свое настоящее имя и чин¹⁰. Как правило, у офицеров были некоторые преимущества перед остальными военнопленными, в том числе это касалось пропитания. Тем не менее в случае острой нехватки в городе и его окрестностях продуктов первой необходимости, для офицеров устанавливалась та же норма питания, что и для низших чинов.

Австро-венгерские и немецкие военнопленные, работавшие на предприятиях Симбирской губернии, находились на их обеспечении. Военнопленным предоставлялось продовольствие, лечение, одежда и обувь, а также инструменты.

В архивных документах отмечается стремление военнопленных вернуться на родину. Так существовал список пленных, выражавших желание вернуться в Германию, однако, как показывает практика, в большинстве слу-

⁸ ГАУО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 228. Л. 65.

⁹ Гагская Конвенция 1907 года «О законах и обычаях войны». – URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml> (Дата обращения 26.06.2014).

¹⁰ Высочайше утвержденное положение о военнопленных от 7 октября 1914 г. – URL: <http://svitoc.ru/index.php?showtopic=1684> (Дата обращения 27.10.2014).

чаев в праве на возврат на родину отказывали, вопреки правилам конвенции и российским нормативным актам.

Гаагской Конвенцией 1907 г. также регламентировался вопрос применения труда военнопленных. Согласно ст. 6 данного документа, государство могло привлекать военнопленных к не слишком обременительным и не имеющим никакого отношения к военным действиям работам сообразно с их чином и способностями¹¹. 7 октября 1914 г. правительство Российской империи утвердило Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств. После утверждения этого документа Советом министров был разработан и утверждён ещё ряд законопроектов, регламентирующих использование труда пленных при постройке железных дорог частными обществами, на сельскохозяйственных работах, на работе в частных промышленных предприятиях. Сходные по своему содержанию, эти документы значительно отличались лишь в части оплаты труда бывших военнослужащих враждебных государств¹².

На территории Симбирской губернии размеры вознаграждений военнопленным за работу устанавливались предприятиями в соответствии с существующими местными тарифами для каждой категории работ. Установленную заработную плату за вычетом всех расходов предприятия выдавали на руки пленному работнику¹³. Кроме того, военнопленные офицеры имели право на получение оклада, который имели офицеры того же ранга в стране пребывания, под условием возмещения таковых расходов их правительством.

На основе сохранившегося циркуляра о переписи военнопленных от 8 августа 1917 г. можем определить некоторые виды работ, где использовались военнопленные в Симбирской губернии:

¹¹ Гаагская Конвенция 1907 года «О законах и обычаях войны». – URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml> (Дата обращения 26.06.2014).

¹² Суржикова Н. В. Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914–1917). – URL: hist.igni.urfu.ru/dais/articles/5/Surjikova.doc (Дата обращения 27.10.2014).

¹³ ГАУО. Ф. 676. Оп. 2. Д.14. Л. 43.

- 1) работы земледельческого характера (запашка полей, посев, уборка урожая, молотьба), садоводство, огородничество, табаководство;
- 2) хозяйственные работы в усадьбе (в частности, «уход за живым и мертвым инвентарем»);
- 3) первичная обработка продуктов сельского и лесного хозяйства;
- 4) работа на маслодельнях, сыроварнях, кирпичных, черепичных, смолокурных заводах, лесопилках, мельницах;
- 5) разработка торфяных залежей и формовка торфа, первичная обработка всякого рода камня, известняка, мыла и фосфоритов, добыча глины, песка и болотной руды в пределах собственных или арендуемых земель¹⁴.

Таким образом, начало XX в. стало временем активизации правотворчества в отношении положения военнопленных как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Характерной чертой нормативно-правовых актов является стремление максимально детально прописать статус военнопленных, их права и обязанности по отношению к правительству, на территории которого находятся, а также права и обязанности правительства по отношению к военнопленным. Условия содержания австрийских и немецких военнопленных в лагерях Симбирской губернии были относительно приемлемы и в большинстве случаев соответствовали требованиям юридических норм. Однако стоит отметить, что в правоприменительной практике всё же на первом месте стояли не принципы гуманизма, а политические и экономические интересы государств и хозяйствующих субъектов.

¹⁴ ГАУО. Ф. 676. Оп. 2. Д. 14. Л. 42.

**Формирование и реализация бюджета Симбирского земства в
условиях Первой мировой войны**

**Formation and realization of the budget of the Simbirsk
during the First World War**

В данной статье рассмотрены проблемы формирования и реализация местного бюджета на примере Симбирской губернии. Проанализированы характерные особенности финансовой деятельности органов местного самоуправления. Автором предполагалось выделить, определённой финансовой устойчивости системы местного самоуправления, несмотря на очевидный недостаток статистической информации о функционировании земских финансов в годы Первой мировой войны. На основе поведенного исследования показано, что земство в дореволюционной России обладало реальной налоговой базой, необходимой для корректировки экономической и социальной ситуации в конкретном регионе и в интересах проживающего на данной территории населения.

This article describes the problems of formation and realization of the local budget in Simbirsk province. Were analyzed the particular financial activities of local governments. The author was supposed to allocate a certain system financial sustainability of local government, despite the obvious lack of statistical information on the functioning of the Zemstvo of finance during the First World War. On the base of the research have been shown that the Zemstvo in the pre-revolutionary Russia had the real tax base required for adjustment of the economic and social situation in a given region in the interests of those living in the territory of the population.

Ключевые слова: *финансовая деятельность земств, первая мировая война, земство Симбирской губернии.*

Keywords: *the financial activities of the Zemstvos, the First World War, Zemstvo of Simbirsk province*

Проблема формирования местного бюджета – одна из самых острых проблем, с которыми столкнулись земства с момента своего возникновения. Дефицит бюджета и узкая налогооблагаемая база поставили деятельность органов самоуправления в достаточно жёсткие рамки. Тем не менее, бюджет земств увеличивался, что было связано с развитием капиталистических от-

ношений в России, и политикой самих земств, направленной на поиск новых источников обложения и лучшего учёта уже существующих.

Финансовая деятельность включает в себя формирование бюджета, назначение статей его расходов и доходов, попытки финансовых преобразований. Сам бюджет в экономической науке понимается как форма образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Его распределительная функция проявляется через формирование и использование централизованных фондов денежных средств по уровням государственной и территориальной власти и управления. При этом регулируется хозяйственная жизнь страны и региона, экономические отношения.

Следует помнить, что финансовая система земств была напрямую связана с казёнными, мирскими и страховыми выплатами. В 60-80-е гг. XIX в. система земских сборов только ещё создавалась, поэтому отличалась крайней нестабильностью, одновременно с этим механизмы государственных и мирских платежей уже сформировались. Напомним, что источники налоговых доходов строго ограничивались законом: 15% надбавка к промысловому налогу, предельные ставки оценочного сбора, сбора с торговых и промышленных заведений и ряд других незначительных налогов, которые в целом не удовлетворяли растущие потребности земств. Ситуация осложнилась в 1900 г., когда был принят сдерживающий закон, который предписывал ограничение роста земских смет тремя процентами в год (при отсутствии увеличения числа или размеров облагаемого недвижимого имущества)¹. В этих условиях в предвоенной России настойчиво говорили о необходимости расширения налоговой базы местных бюджетов за счёт введения подоходного налога и расширения сферы реальных налогов². Но в большинстве ходатайства отно-

¹ Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему дополнениями и разъяснениями. Т.1. – СПб., 1910. – С. 939-943.

² Архипкин И. Земские финансы в условиях военного времени // Вестник института экономики РАН. – 2008, № 2. – С. 250-251.

сительно улучшения земских бюджетов и передачи им части государственных налогов оставались неудовлетворенными правительством.

Тем не менее, вплоть до начала Первой мировой войны наблюдается устойчивая тенденция роста бюджетов органов местного самоуправления. Например, совокупный бюджет 34 земских губерний вырос с 89 млн руб. в 1900 г., до 124,2 млн в 1905 г. и до 253,7 млн руб. в 1913 г. К 1914 г. количество губерний, в которых действовали земства, увеличилось до 43, и их бюджет вырос до 353 млн руб.³.

Увеличение доходной части бюджета было характерно и для земств Симбирской губернии. В 1907 г. совокупный бюджет уездных земств региона составил 1 388 100 руб. По сравнению с предшествующим периодом доходная смета всех уездных земств региона выросла. Исключение составляли Алатырский и Сенгилеевский уезды, где сметы земств сократились на 16 599 руб. (13,48%) и 4 056 руб. (2,7%) соответственно. Увеличение бюджетов других земств колебалось в пределах от 2,25% (Симбирское) до 66,47% (Сызранское)⁴.

К 1910 г. доходные статьи бюджетов всех уездных земств Симбирской губернии снова выросли. Наибольший прирост приходился на Симбирское уездное земство, доход которого за три года увеличился на 79,4%. Это стало возможным благодаря переложению уездными гласными налогового бремени с земли и лесов на доходы с городской недвижимости. Наименьший прирост наблюдался у Карсунского уездного земства, он составил 14,3%. Совокупный земский доход составил 1 907 939 руб.⁵. Рост доходной части бюджета всех земств Симбирской губернии продолжился вплоть до мировой войны. Совокупный доход уездных земств в 1914 г. составил 3 386 700 руб.⁶. Прирост по земствам был не ниже 42,1%.

³ Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. – М., 1964. – С. 226.

⁴ Доходы и расходы земств 34 губерний по сметам на 1907 г. – СПб., 1910. – С. 72-73.

⁵ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 84. Оп. 1. Д. 782. Л. 1-135.

⁶ Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 897. Л. 1-23.

Во время войны доходная часть бюджетов земств губернии начинает сокращаться. В 1916 г. произошло резкое уменьшение доходов уездных земств – до 1 201 600 руб.⁷. Максимальное сокращение доходов (73,3%) приходится на Буинское уездное земство. Все земства Симбирской губернии, за исключением Курмышского, потеряли в абсолютных показателях более 60%.

По исследованиям известного русского экономиста профессора Н. В. Твердохлебова за 1914–1916 гг. произошло снижение налоговых доходов земств в уездах по разным губерниям от 20 до 40%; втрое были уменьшены казённые пособия на народное образование; на 30% сокращены казенные пособия на мелиоративные работы⁸. Сократился и такой источник местных доходов как кредиты. Положение Комитета министров от 23 июля 1915 г. фактически лишило губернские земства возможности удовлетворить свои чрезвычайные нужды даже с помощью касс земского кредита, ограничив размер ссуды 1 млн руб. в месяц, а краткосрочные займы – 100 тыс. руб. на каждое земство⁹.

Общую картину динамики земских бюджетов во время Первой мировой войны рассмотрел В. В. Веселовский: он собрал сведения о 53 уездных земствах 18 губерний. Оказалось, что 24 земства в 1915 г. увеличили сметы, а 28 – уменьшили, но в целом наблюдается абсолютное уменьшение по сравнению с 1914 г., несмотря на чрезвычайные ассигнования, вызванные войной. При этом общий прирост доходов еле достигал 0,5%, тогда как в 1914 г. он равнялся 12,2%¹⁰. Если эти цифры рассматривать как среднюю тенденцию в изменении земских смет, то нужно признать, что сократительная тенденция оказалась существенно сильнее, поскольку даже стационарный бюджет для экономики означает ухудшение в удовлетворении нормально растущих потребностей, при этом нужно ещё учесть инфляцию и чрезвычайные расходы на военные нужды.

⁷ ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 901. Л. 12-17.

⁸ Твердохлебов В. Н. Влияние войны на городские и земские финансы // Вопросы мировой войны / Под ред. проф. М. Н. Туган-Барановского. – М., 1915. – С. 23.

⁹ Там же. – С. 28.

¹⁰ Вестник Пензенского земства. – 1915, № 3. – С. 23-24.

Обратимся теперь к данным о состоянии финансовой базы земского самоуправления в Симбирской губернии в предвоенные и военные годы, во многом типичными для поволжского региона. Доходная часть губернского земства за 1868, 1887, 1910, 1914 и 1916 гг. представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Доходы Симбирского губернского земства

Статьи дохода	Сумма дохода (руб.)				
	1868	1887	1910	1914	1916
Недоимки по земским сборам	41447	2402	41530	34562	29570
1. Доходы от земских имуществ и оброчных статей	-	-	11634	14589	14602
2. Разные сборы (судебные, шоссейные, за пользование мостами и т.д.)	45	-	-	12	-
3. Пособия земству	3509	2226	133127	251000	135000
4. Разные поступления (пени, штрафы, от продажи земского имущества)	12	-	-	-	-
5. С документов на право торговли и промыслов	4589	6606	36445	38991	39120
6. Сборы с недвижимых имуществ в том числе с:					
- земель и лесов	78025	93900	680763	2585500	1506400
- заводских и торгово-промышленных помещений	8012	11484	124438	628800	373200
- недвижимых имуществ в городах	8953	12829	45673	87500	56700
ИТОГО	135639	99447	1073640	3640954	1910792

Источники: Отчеты Симбирской губернской земской управы о движении наличных сумм губернского земского сбора и частной повинности с крестьян за 1868 год. – Симбирск, 1868. – С. 6-38; Доходы Симбирского губернского земства за 1887 год // Вестник Симбирского земства. – 1888, № 5. – II. – С. 16-19; ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 782. Л. 133-135; Доходы и расходы земств 43 губерний по сметам на 1914 год. – Пг., 1917. – С. XXXII-XXXIII. Журналы и доклады Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1916 года. – Симбирск, 1917. – С. 155.

Как видно, с 1868 г. по 1914 г. бюджет Симбирского губернского земства в целом увеличился в 14 раз. А с 1914 по 1916 г. сократился почти вдвое. Из таблицы понятно, что в Симбирском земстве основными статьями местных доходов были сборы с недвижимости. Из четырёх земских сборов с «недвижимых имуществ» ведущую роль занимал поземельный земский сбор. Его удельный вес в совокупном земском бюджете был непостоянной величиной и колебался от 86-91% в 60-80-х гг. XIX в. до 45-63% в начале XX в. То есть прослеживается тенденция к понижению его значения. Наоборот значимость сбора с торговых и промышленных заведений, недвижимости в городах и жилых помещений в целом возрастала. Данная ситуация иллюстрирует целенаправленную политику Симбирского губернского земства по переложению тяжести земского сбора с земли на иные объекты недвижимости. С этой целью к 1914 г. в регионе была в основном завершена оценка недвижимости в городах, начатая ещё в 1890-е гг., что позволило земству увеличить налогооблагаемую базу в указанном сегменте.

Основаниями для оценочных работ городской недвижимости были выбраны следующие позиции: величина помещения (наличие окон, печи, объём помещения), место расположения здания, строительный материал. Параллельно с этим шла перепись имуществ и составление подробного плана городов. Для определения доходности помещений по мере отдаления от центра губернская земская управа все помещения разделила на разряды и группы, при этом определялась доходность не каждого помещения, а одного типичного для данной группы. Оценивались сады и огороды в городах, промышленные места, сдаваемые в аренду. Особую трудность вызвала оценка нежилых помещений: амбаров, складов, кузниц.

Симбирские земцы при оценке недвижимых имуществ учли и амортизацию зданий. Она колебалась от 28,5% в Сызранской слободе до 52% в г.

Курмыше. Скидки на амортизацию производились из расчёта 2,5% на каждый год службы построек¹¹.

На 1893 г. в Симбирске значилось деревянных домов 3897, полукаменных – 579, каменных – 657; в Сызрани: 4391, 630, 306 соответственно. По другим населённым пунктам приводится только точное количество зданий без их классификации: в Ардатове 1721 здание, в Буинске – 1439, в Сенгилее – 2002, в Карсуне – 1445, в Алатыре – 3100, в Алатырском посаде – 718, в Курмыше – 601¹².

Обращает на себя внимание то, что к началу войны возросло значение в земском бюджете такой доходной статьи как сбор с заводских и торгово-промышленных помещений. И это несмотря на то, что в российской империи всё ещё продолжал действовать архаичный закон 1866 г. «Об обложении торговых, промышленных и фабрично-заводских заведений», по которому налог с них взимался не по доходности компаний, а исходя из оценки стоимости зданий, в которых они располагались. Это не устраивало многих гласных, т.к. в ветхих строениях порой размещались промышленные заведения, приносящие миллионные доходы. Симбирское губернское земство впервые направило в 1869 г. ходатайство Министру внутренних дел о привлечении торговых и промышленных предприятий к обложению по приносимому доходу, но оно не было удовлетворено. Ситуация повторилась в 1888 г.¹³.

В конце XIX–начале XX вв. в Сызранском уезде Симбирской губернии рассматривался случай подобного рода. Речь касалась Печерского асфальтового завода. Сызранское уездное земство оценило его в 222 910 руб., а, по мнению управляющего заводом А. Ценке, он мог быть оценён лишь в 62 000 руб. Сызранское земство при оценке завода приняло во внимание не только его стоимость и затраты на постройку здания и приобретение оборудования,

¹¹ О городских недвижимых имуществах // Вестник Симбирского земства. – 1890, №3. – С. 346-360.

¹² Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами // Вестник Симбирского земства. – 1893, № 5-6. – С. 20-32.

¹³ Журнал Симбирского губернского земского собрания сессии 1888. – Симбирск, 1889. – С. 255.

но и учло «производительность имуществ». Мгновенно последовала реакция губернской администрации в Правительствующий Сенат, который признал оценку земства как противоречащую законодательству¹⁴.

Подобная же картина наблюдалась и с виноторговыми заведениями. Буинская уездная земская управа Симбирской губернии внесла в 1885 г. в раскладки земского сбора прибыль виноторговых заведений уезда – сумму в 15 589 руб. Постановление управы было опротестовано губернатором, т.к. питейные заведения не могли быть обложены по доходности. Интересно основание, которым руководствовалось уездное земство. До 14 мая 1885 г. лица, содержащие в уезде питейное заведение, платили обществам суммы за право открытия таковых (величина платы была различной и исчислялась-таки от дохода заведения). С введением новых правил о «раздробительной продаже крепких напитков», эта плата была ликвидирована. Таким образом, у обществ и землевладельцев отнимался доход от виноторговцев (т.н. потерянные возможности). Земство пыталось компенсировать эти потери: 15 144 руб. – это, по сути, компенсация, и лишь 445 руб. – сумма обложения заведений¹⁵.

Ситуация не изменилась к началу XX в. В связи с этим перед Симбирским земством встала задача точного учёта и оценки всех промышленных и торговых зданий. Итогом стало кратное увеличение доходов органов местного самоуправления региона по данной статье: с 1868 по 1914 гг. оно увеличилось в 78,5 раз.

Таким образом, в структуре доходной части бюджета ещё в начале XX в. наметились изменения, усилившиеся в годы мировой войны. Если до 1914 г. основной статьёй земских доходов являлся поземельный сбор, то с началом войны существенно возросла роль сборов с недвижимых имуществ в городах и с заводских и торгово-промышленных помещений. Такая политика определённо имела свои плюсы. В условиях сокращения посевных площадей, а,

¹⁴ ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 388. Л. 3 об., 10-11.

¹⁵ Вестник Симбирского земства. – 1888, № 1. – С. 20-22.

следовательно, и доходов от сельскохозяйственной деятельности, земства Симбирской губернии минимизировали потери в этом сегменте доходов бюджета. Это позволило им сохранить во многом основные социальные программы, хотя и сократив их финансирование. Причём доля земских расходов оставалась примерно на довоенном уровне, а доля государственных целевых пособий и кредитов неизменно уменьшалась.

Резкое сокращения кредитов на народное образование в военные годы характерно практически для всех частей империи. В Симбирской губернии оно составило почти 450 тыс. руб. (или более 26%). В регионе были значительно уменьшены ассигнования на экономические и агрономические мероприятия. Но традиционно высокие расходы Симбирского земства на медицину в течение войны не снижались. Дело в том, что, кроме издержек по лечению раненых и больных воинов, лишь отчасти покрываемых казной и общеземским союзом, на земства легло попечение о больных и признанных негодными к воинской службе.

Несмотря на очевидный недостаток статистической информации о функционировании земских финансов в годы Первой мировой войны, можно говорить о зрелости и определённой финансовой устойчивости системы местного самоуправления России в 1914–1916 гг. Земство Симбирской губернии к началу войны смогло перестроить доходную часть своего бюджета, сделав акцент на обложение городской недвижимости и промышленных заведений. Вопреки тяжёлым условиям военного времени, явную недостаточность средств вследствие сокращения налоговых доходов, накопленный опыт позволил местным властям в годы войны удержать ситуацию под контролем.

Мы вправе утверждать, что в начале XX столетия российская система местного самоуправления по своей структуре и финансовой организации представляла собой одну из наиболее децентрализованных систем власти среди развитых европейских государств¹⁶. Что связано в первую очередь с

¹⁶ Караваева И. К вопросу о финансовой самостоятельности земств (из истории российского местного самоуправления) // Экономическая политика. – 2008, № 3. – С. 44.

принципом самофинансирования, когда государство осознанно передало земствам для их успешного функционирования доходоёмкие налоги. При этом после реализации обязательных функций земства получили исключительное право перераспределять оставшиеся средства на развитие народного образования, бесплатной медицины, агрономические мероприятия, строительство дорог, благоустройство территорий.

Земство в дореволюционной России обладало реальной налоговой базой, необходимой для корректировки экономической и социальной ситуации в конкретном регионе и в интересах проживающего на данной территории населения. Зрелость и финансовая устойчивость местного самоуправления получили своё подтверждение в годы Первой мировой войны, обеспечив относительную стабильность финансирования социальных нужд постоянного и эвакуированного населения, госпитализацию раненых, материальную поддержку вдов, сирот, функционирование местных хозяйственных управленческих структур.

**Политические партии в Симбирской губернии в годы
Первой мировой войны**

Political parties in the province of Simbirsk in the First World War

В статье ставится задача рассмотреть деятельность политических партий в Симбирской губернии 1914-1918 гг. В результате анализа автор доказывает, что к февралю 1917 г. в губернии, исключая Сызрань, стояло политическое затишье, развеять которое смогла только революция. Свёртывание демократии в военные годы привело к ослаблению политических институтов. По мере всё большей усталости народа от войны эти причины сыграли свою роль в политическом поражении традиционных партий и, наоборот, победе большевиков в 1917 году.

The problem of the article is to review the activities of political parties in the province of Simbirsk 1914-1918. The author argues that by February of 1917 in the province, excluding Syzran, it was standing political silence; only the revolution was able to awaken the society. The rollback of democracy during the war years led to a weakening of political institutions. The Russian people were tired of war, so that the condition of the people played a role in the loss of credibility of traditional political parties and it led to the victory of the Bolsheviks in 1917.

Ключевые слова: *политические партии, Симбирская губерния, первая мировая война, политическая борьба, власть и общество.*

Keywords: *the political parties, Simbirsk province, the First World War, the political struggle, the government and society.*

По сравнению с периодом 1905-1907 гг. политическая ситуация в губернии к началу войны изменилась весьма серьёзно. В первом случае действовали организации всех основных российских политических партий: социал-демократов, эсеров, кадетов, октябристов, Союза русского народа. При этом все организации представляли из себя действительную силу, ведущую реальную политическую борьбу.

К июлю 1914 г. расстановка сил стала принципиально иной. В 1907 г. распалась организация эсеров, в 1908 г. социал-демократов и кадетов, к 1914 г. октябристов. Революционный фланг не просто ослабел в силу дезорганизации социал-демократов и эсеров – он исчез вообще в качестве реального фактора политической жизни.

Революционные силы дрейфуют в сторону либерализма, стремясь стать частью существующей политической системы, добиваясь от власти лишь отдельных уступок. Некогда грозные эсеры выродились до уровня малочисленного ликвидаторского интеллигентского кружка, полностью потерявшего связь с деревней, не имевшего опоры в городском пролетариате и практически не ведущего революционной борьбы. Почти все эсеры заняли оборонческие позиции. Ликвидаторы были уверены как в бесперспективности борьбы с нынешней властью, так и в буржуазном характере гипотетической революции. Поэтому они сознательно и на словах, и на деле отказались от революционности.

Положение местных членов РСДРП перед войной (1913 г.) лучше всего характеризует следующее донесение агента губернского жандармского управления «Смоленского»: «Среди симбирских социал-демократов в настоящее время не наблюдается никакого оживления, агитации нигде не ведется, нелегальной литературы не имеется... Связей и общения с крупными партийными центрами нет. Такое тихое настроение объясняется тем, что в настоящее время нет партийных работников, которые могли бы организовать деятельность партии. Местные социал-демократы не отличаются большим развитием, а некоторым вследствие их семейного и общественного положения нет возможности посвятить себя всецело партийной деятельности... Симбирск не промышленный центр и рабочих здесь мало, нет и резкого антагонизма труда с капиталом»¹.

Симбирские социал-демократы до войны не знали четкого деления на меньшевиков и большевиков. Если взять критерием тактику, то организацию РСДРП 1905-1907 гг. скорее можно отнести к большевистской. Её разгром привел к усилению ликвидаторов. К 1914 г. из тех, кого однозначно можно считать большевиком, в Симбирске проживал лишь М.И. Кузьмин, активный член местной организации РСДРП в 1905-1907 гг. С определенными оговорками к большевикам можно было отнести М.А. Гимова, работавшего в войну

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 1176. Л. 13 об.

на чугунолитейном заводе. В результате в небольшом сообществе социал-демократов доминировали ликвидаторы-оборонцы, напрочь прекратившие антиправительственную деятельность.

Затаились кадеты, предпочитавшие не напоминать о своем партийном прошлом. Симбирские черносотенцы так и не стали серьёзной политической силой. Единственная черносотенная организация в губернии – отдел дубровинского Союза русского народа существовала в Сызрани, но больше на бумаге. В ноябре 1914 г. от разрыва сердца умер его председатель, 70-летний М. П. Ионов, его место занял Ф. С. Истомин.

В целом столбовая дорога политической жизни шла мимо Симбирска. Между тем в годы войны большевики Самары и меньшевики Саратова издавали свои легальные газеты (соответственно «Наша газета» и «Наш Голос»), вели острые споры по вопросу участия в рабочих группах Военно-промышленных комитетов, проводили партийную работу в легальных обществах. Большевики Самары даже на время восстановили полноценную организацию. В то время как кадеты Самары и Саратова проводили частные совещания, в том числе с участием А. Ф. Керенского и готовились к взятию власти, а эсеры спорили об отношении к войне и пытались воссоздать партийную кружковую работу – Симбирск характеризовал политический застой.

Как известно, социальной базой социал-демократов является пролетариат. После применения немцами отравляющих газов, их производство началось в России. Химические заводы были сооружены в Сенгилее и близ Мелекесса Самарской губернии. В 1916 г. на левом берегу Волги напротив Симбирска начинается ускоренное строительство патронного завода, ставшего наряду с чугунолитейным заводом на Тутях крупнейшим производством в городе.

Численность рабочих росла, менялся и состав пролетариата. Произошло серьёзное снижение качества рабочего класса. К 1917 г. в Поволжье мобилизовали 49% мужчин, как сельчан, так и горожан. Как следствие, в годы войны на фабриках и заводах пришло много женщин и подростков. Чтобы

избежать призыва в армию на производство устраивались представители зажиточных слоёв. В тоже время, поволжский пролетариат рос за счёт эвакуации сюда работников предприятий из других регионов.

Война привела к увеличению рабочего дня до 12, а порою и до 13-14 часов, обыденным явлением стали сверхурочные работы. Рост зарплаты не поспевал за ценами. В Симбирской губернии 20% рабочих получали часть зарплаты в натуральной форме, в том числе, по настоянию фабрикантов, продукцией своих предприятий. Вновь широко начали применяться штрафы. В Симбирске сахар, муку и дрова горожане получали по карточкам. Приток беженцев (в Симбирской губернии более 50.000) поднял квартплату. Многие рабочие жили в бараках, не отвечающих элементарным требованиям гигиены.

Однако это объективное ухудшение положения населения нивелировалось тем, что условия деятельности социал-демократов с началом войны значительно усложнились. Поволжские губернии были объявлены на положении «чрезвычайной охраны». Власти стали еще более нетерпимы к их партийной работе. Это заставляло социал-демократов действовать крайне осмотрительно, что, конечно, снижало масштаб и эффективность их пропаганды, не позволяло серьезно влиять на настроения тех социальных групп, среди которых они пытались вести работу (пролетариат, мелкие служащие, солдаты). По-прежнему актуальной оставалась задача объединения сторонников в устойчивые группы.

В Симбирске социал-демократы не предпринимали попыток восстановить какую-либо организационную структуру. Их было слишком мало и настроения рабочих – не в пользу данного начинания. Попытки М. И. Кузьмина объединить рабочих в кружок в июле 1915 г. провалились из-за их негативного отношения к этому. Начальник Главного жандармского управления полковник С. П. Шабельский в октябре 1915 г. докладывал в Департамент полиции, объясняя неудачу создать рабочие кружки: «Рабочие не верят

в продуктивность ячеек и не признают, что эти ячейки могут им принести хоть какую-то пользу в экономическом отношении...»².

24 апреля 1916 г. М. А. Гимов, М. И. Кузьмин, А. Я. Никитин смогли организовать за городом антивоенную маёвку, на которой присутствовало несколько десятков работников чугунолитейного завода и других предприятий. Выступавшие говорили о необходимости борьбы за прекращение войны. М. И. Кузьмин, в частности, подчеркнул, что «не тот враг, который в окопах против нас. Это наши братья, а враг у нас с ними общий – буржуазия и аристократия. Надо бороться против них, а не против сидящих в окопах»³. Но вскоре после маёвки М. И. Кузьмин уехал из Симбирска.

Большинство живших в Симбирске социал-демократов заняли меньшевистские позиции. Основная часть из них (бывший депутат II Государственной Думы А. А. Кузнецов, член комитета РСДРП в 1908 г. Н. С. Охотин, Н.Н. Чебоксаров и др.) стала оборонцами. На вопрос кто главный враг: правительство или Германия, ответ был найден сразу. Главная цель – это борьба с «германским милитаризмом». Среди них сложилось убеждение, что после победоносного завершения войны правительство не сможет не отблагодарить народ за его жертвы и за патриотический подъём. Надеялись на принудительное отчуждение частновладельческих земель и амнистию политзаключённых. Имелись среди меньшевиков и интернационалисты, например, активный член организации РСДРП в 1905-1907 гг. Б. А. Кабанов.

Следует отметить, что ликвидаторы никакой революционной деятельности не вели, и если бы не февральская революция, то этих лиц в 1914-1916 гг. мы бы вообще не смогли отнести к социал-демократам ни по каким критериям. О том, что они социал-демократы, ими было заявлено только тогда, когда это стало безопасно и выгодно, то есть после свержения самодержавия.

К концу 1916 г. большевики и меньшевики окончательно впали в политическую летаргию. Приехавший тогда в город большевик А. В. Швер застал

² ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1304. Л. 55.

³ ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 825. Л. 1-2.

безрадостную картину. В своих воспоминаниях он писал: «Итак, 1916 год... В Симбирске тихо. Социал-демократическая организация, разгромленная в 1907-1908 гг. ещё не возродилась. Остались, правда, отдельные лица из социал-демократов, но они ушли в личную жизнь и не вели подпольной революционной работы. Отдельные лица, находящиеся на подозрении, теперь, заняв тепленькие места, бросили работу и совершенно не проявляют себя... Я смею утверждать, что в Симбирской губернии, кроме Сызрани, в это время организационно-спаянной социал-демократической группы, ведущей плановую работу по заданию центра, не было... Это мое мнение подтверждается тем, что когда я вернулся в Симбирск в апреле 1917 г., то здесь я нашёл, и то не сразу, только двух большевиков»⁴.

В Сызрани, крупном железнодорожном узле, социал-демократы были значительно активнее. Здесь доминировали большевики. К началу войны в городе имелась небольшая, но сплоченная и деятельная партийная группа. В августе 1914 г. власти провели обыски у семи её членов, одного из них, К. Г. Мяскова, выслали в Самару. В апреле 1915 г. последовали новые репрессии. Семь человек обыскали, троих (Ф. Н. Коротяев, А. Е. Ананьев и Н. А. Дедаев) арестовали. Апрельские обыски и аресты разбили группу, но не похоронили социал-демократическое движение.

Осенью 1916 г. в Сызрани параллельно возникли две большевистские группы. В одну вошли члены партии, постоянно проживающие в городе. Её образованию способствовала направленная в Сызрань Русским бюро ЦК РСДРП(б) Е. Ф. Титова. Она устроилась работать секретарем больничной кассы мукомолов. Помимо неё руководили группой В. Я. Зубцов и Н. Д. Воздвиженский. Им удалось организовать рабочие кружки на гвоздильном заводе, на мельницах и у железнодорожников.

Во вторую группу объединилось одиннадцать студентов, вернувшихся на родину в связи с призывом в армию и произведённых здесь в прапорщики.

⁴Борьба за власть Советов в Симбирской губернии (сборник воспоминаний). – Ульяновск, 1957. – С. 8-10.

В декабре 1916 г. обе группы объединились. Так появилась небольшая организация со своим руководящим органом – временным комитетом из пяти человек (Е. Ф. Титова, В. Я. Зубцов, Н. Д. Воздвиженский, Н. С. Володин и З.Л. Юрковская). Организация располагала библиотекой, гектографом, паспортным бюро, складом оружия, включала в себя рабочие кружки и кружок реалистов. В ночь на 27 января 1917 г. по месту жительства пяти человек из её состава прошли обыски, нескольких арестовали, но организация сохранилась. Жандармский подполковник Ивлев не имел точного представления о её существовании, потому искали наобум. Одна из причин этого заключалась в том, что В. Я. Зубцов (в будущем советский писатель, автор романа «Два мира»), выполняя решение комитета, согласился на свою вербовку в качестве тайного осведомителя и снабжал своего «шефа» ложной информацией⁵.

Между тем, планы у организации были почти наполеоновскими, что, впрочем, объяснимо в условиях кризиса партийной деятельности в Поволжье. Кто-то же должен был подхватить знамя на поле Аустерлица. Допрошенный 20 апреля 1917 г. на заседании партийного товарищеского суда чести В.Я. Зубцов, вспоминая те дни, дал такие показания: «...Решено было, что я прослужу (агентом жандармерии – К. В.) не больше трёх месяцев. За эти три месяца комитет, пользуясь моей защитой, решил провести экспроприации у артельщика фабрики А. Д. Протопопова, который ездил в Сызрань для получения денег в Банке. На экспроприированные деньги мы думали купить дом на подставное лицо, оборудовать там типографию и расширить имевшиеся у нас склады литературы и оружия. Мы мечтали об устройстве районной Поволжской организации, центром которой была бы Сызрань. К экспроприации и устройству типографии у нас всё было готово. За порядочную сумму я сторговался с владельцем одной из типографий, у которого мы провели бы фиктивную экспроприацию машин и шрифта. А тут подоспел и переворот. Знал ли комитет о постановлении Лондонской конференции 1906 г., воспрещавшей социал-демократам посылать в охранку членов своей орга-

⁵ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 13. Л. 28 об.

низации с целью контрразведки? Безусловно, мы этого не знали, как и не знали того, что социал-демократы допускают только массовую экспроприацию земель и орудий производства только во время революции, но относятся отрицательно к частным захватам денег и т.п. Сам я узнал об этом только после переворота, когда появились люди побольше нас смыслящие в вопросах тактики... А работать так хотелось. Так много было сил. Так велика была жажда борьбы. И вот, зная, что некоторые контрагенты порядочно пакостили самодержавию, мы решили идти в охранку и хоть чего-нибудь узнать из её тайн, раскрыть хоть одного провокатора. Многие считают наш шаг нечистоплотным. Пусть так. Но мы всё же сделали из самых чистых побуждений. А господа, читающие нам лекции, не пришли с ними к нам раньше, до революции. Мы боролись одни, как умели. Называйте мой шаг шагом невежи, глупца, осуждайте как угодно, но никто не может сказать только одного – что я был предателем»⁶.

В Симбирске социал-демократы с точки зрения использования легальных организаций вели себя достаточно пассивно. Можно отметить только одно – меньшевики Н. А. Вологин, А. А. Кузнецов, Н. Н. Чебоксаров и занимавший тогда ликвидаторские позиции, а впоследствии большевик В.Н. Ксандров входили в состав симбирского ВПК, образованного в июне 1915 г.⁷ Напротив, сызранская группа держала связи с больничными кассами Гурьевской и Румянцевской мануфактур Карсунского уезда, направляла их деятельность через тамошних членов партии. В самой Сызрани большевики также имели позиции в больничных кассах, в культурно-просветительских обществах. Например, В.Я. Зубцов, занимавший должность секретаря больничной кассы мукомолов Сызрани, читал в больничной кассе лекции по рабочему вопросу⁸.

Большевики уездной Сызрани тоже активно вели антивоенную пропаганду. Уже 20 июля 1914 г. они распространили свои прокламации с призы-

⁶ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 20. Л. 81 об-82 об.

⁷ ГАУО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 64. Л. 1.

⁸ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1286. Л. 46.

вом: «Бастуйте, не идите на войну, свергайте кровавую монархию и замещайте ее демократической республикой!»⁹. В ночь на 13 августа 1914 г. были выпущены новые прокламации. Там говорилось: «...Вас в телеграммах и подлых хозяйских газетенках будут уверять, что Россия не хотела войны, но это наглая ложь. Россия сама ввязалась в войну... Зачем нам кричать «Долой Германию и Австрию», когда главная часть их населения – трудящийся люд – не хочет войны также, как и русский народ. Долой существующее правительство и самодержавный строй! Долой войну! Да здравствует народное правительство и новый строй – демократическая республика!»¹⁰. В декабре 1914 г, в марте и мае 1915 г. большевики распространили новые антивоенные прокламации, предназначенные для солдат воинских частей, дислоцированных в Сызрани. Новые прокламации с призывами против войны появились в середине февраля 1917 г¹¹.

Кроме этого удалось выпустить ещё две прокламации: в декабре 1914 г. под названием «К народу» с протестом против ареста большевиков – депутатов Государственной Думы, а в начале января 1917 г. – в связи с годовщиной «кровавого воскресенья». Последняя прокламация была отпечатана на гектографе и широко распространялась не только в Сызрани (по утверждению агентуры в огромном количестве), но и в соседнем Карсунском уезде¹².

В июле 1916 г. в Сызрани забастовали железнодорожники, но власти не пошли на уступки. Восемь человек подверглись аресту, а 11 отправили в армию. Сызранский большевик В. Я Зубцов позднее вспоминал: «Мы жили среди рабочих страшно инертных и тёмных. Попытки создания кружков разбивались как о каменную стену. Невозможно их было даже заинтересовать вопросами больничной кассы, вопросами страхования»¹³. Симбирские социал-демократы за годы войны вообще не выпустили ни одной прокламации и ни разу не попытались выпустить легальное печатное издание. За годы войны

⁹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1236. Л. 40.

¹⁰ ГАУО. Ф. 855. Оп.1. Д. 1236. Л. 46.

¹¹ ГАУО. Ф. 855. Оп.1. Д. 1348. Л. 7.

¹² ГАУО. Ф. 855. Оп.1. Д. 1348. Л. 14.

¹³ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 20. Л. 82 об.

в губернском центре не было ни одной забастовки.

Как отмечают исследователи, «Первая мировая война усугубила идейный разброд и организационный кризис, в котором пребывала партия эсеров в предвоенный период. В эсеровской среде преобладало чувство растерянности»¹⁴. В конце 1916 г. Департамент полиции сделал обоснованный вывод: «Что касается партии социалистов-революционеров...таковой в России не существует»¹⁵.

Всё сказанное верно для Симбирска. Потеряв социальную опору в деревне, местные эсеры не приобрели её в городе. Здесь к началу войны проживало несколько эсеров, в их числе В. А. Алмазов, его гражданская жена Е.Я. Соснина, Н. Н. Комаров, А. А. Знаменская, М. А. Чернов.

Все симбирские эсеры заняли оборонческие позиции, их лидер В. И. Алмазов с Е. Я. Сосниной в качестве служащих Всероссийского земского союза в 1916 г. добровольно пошли на фронт. Революционную пропаганду они не вели, Е. Я. Соснина заведовала там чайною Союза. Все же, когда армейское начальство в январе 1917 г. узнало их революционное прошлое, то оно удалило обоих на родину, в Симбирск¹⁶. Симбирские эсеры полностью отказались от нелегальной работы, считая, что «во время войны она невысказана и бесполезна»¹⁷. Наблюдается их заметный дрейф вправо. Тот же М. А. Чернов и В. А. Алмазов в 1916 г. совместно с кадетами высказывались за создание ответственного министерства. На выборы в V Государственную Думу эсеры также, судя по всему, пошли бы в блоке с кадетами. Вся их «революционная деятельность» свелась к редким встречам и обсуждению тех или иных вопросов в своём, крайне узком кругу. В отличие от жандармов, массы и не догадывались об этом.

¹⁴ Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры // Политические партии и общество в России, 1914-1917 гг. – М., 2000. – С.62.

¹⁵ Ерофеев Н. Д. Указ. соч. – С. 182.

¹⁶ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1535. Л. 1.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 246. 1916. Д. 9. Ч. 69. Л. Б, 28.

Кадеты губернии встретили 1914 г. в довольно противоречивом положении. С одной стороны, отделы их прекратили существование по всей губернии. В некоторых уездах ни осталось вообще ни одного члена этой партии (например, в Ардатовском уезде, где бывший член III Думы А. Е. Березовский переехал в Москве, а бывший член I Думы В. Н. Микешин – в Казань), в других их остались единицы (в Алатырском уезде жительствовавший лишь один кадет, преподаватель духовного училища статский советник А. М. Сперанский). С другой стороны, члены некогда существовавших кадетских организаций сохраняли личное влияние в Симбирске, Сенгилее и Сызрани, где нередко они определяли политическое лицо местных городских дум.

Война укрепило положение кадетов. Вокруг них стали группироваться все, как тогда говорили, прогрессистские элементы. В 1916 г. кадеты начали подготовку к выборам в IV Государственную Думу. Было намечено четыре кандидата: перешедший от эсеров к кадетам врач И. М. Сахаров, присяжный поверенный, будущий товарищ министра юстиции в колчаковском правительстве М. А. Малиновский, Одинцов и гласный Симбирской городской думы, основатель симбирского общества потребителей, садовод и отец социал-демократа Глеба Рогозина С. С. Рогозин.

Кадеты заняли, естественно, оборонческие позиции. 20-21 октября 1915 г. в Самаре состоялся очередной областной партийный съезд, на котором присутствовали шесть делегатов от Симбирска, в том числе купец С. С. Боконин и гласный городской Думы И. М. Сахаров. Первым пунктом принятой резолюции стояло: «способствовать всеми силами победе»¹⁸.

Октябристская организация и отдел Всероссийского национального союза прекратили существование к началу войны. Потому правее кадетов находились только черносотенцы.

Таким образом, в годы войны подавляющее большинство политических сил в Симбирской губернии выступало за разгром Германии, поддерживая правительство. К февралю 1917 г. в губернии, исключая Сызрань, стояло

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. 1915. Д. 27. Ч. 68. Л. 11.

политическое затишье, развеять которое смогла только революция. Вполне понятное свёртывание демократии в военные годы привело к ослаблению политических институтов и в без того полуавторитарной стране. По мере всё большей усталости народа от войны эти причины сыграли свою роль в политическом поражении традиционных партий и, наоборот, победе большевиков в 1917 году.

Красный флаг и Зелёный змий

Red flag and «The Green snake» (the drunkenness)

В статье рассматривается проблема роста девиантного поведения населения в условиях Первой мировой войны и революции 1917 года. Показано, что одним из факторов которого стала массовая алкоголизация общества. Анализируется специфика пьянства в провинции, выявляются меры власти по борьбе с этим негативным явлением.

The author considers the problem of growth of deviant behavior of the population in the First World War and the Great Russian revolution of 1917. It is shown that one of the factors that influenced on it became widespread alcoholism in society. Was analyzed the specificity of alcoholism in the province, identified the measures of the authorities to combat this negative phenomenon.

Ключевые слова: *Алкоголизм, девиантное поведение, деструктивизм общества, «сухой закон», пьянство, революция 1917*

Keywords: *alcoholism, deviant behavior, destruction of society, «prohibition», the drunkenness, the Great Russian revolution of 1917*

В конце февраля 1917 года судебный следователь 2-го участка Самары получил из Симбирска розыскное задание с пометкой «арестантское». В нём говорилось: «Прошу ваше высококородие допросить в качестве обвиняемой вдову надворного советника Веру Васильевну Евреинову, проживающую по Самарской улице при доме № 32 Сапунова, предъявить ей обвинение, изложенное в постановлении от 15. 02. с.г. [здесь и далее даты по ст. ст. – В.М.], предложив ей ответить, признаёт ли она себя виновной и что может сказать в своё оправдание. Мерою пресечения способов уклонения от следствия и суда прошу потребовать с нея представить поручительство в размере 500 руб.; до представления же заключить ее под стражу»¹.

Так чем же провинилась бедная женщина перед законом настолько, что её сперва объявили в розыск, а потом решили взять под арест? Дело это (кстати, одно из множества подобных, сохранившихся в областном архиве, в

¹ ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 108. Оп. 48. Д. 23. Л. 12.

фонде Окружного Суда) по нынешним меркам самое, что ни на есть рядовое и обычное. Но, обо всем по порядку.

За год до описываемых событий – 2 февраля 1916 года к городовому 2 части Симбирска Якову Александровичу Насонову обратилась домовладелица Филянина, проживавшая в доме 42 на Миллионной улице (ныне ул. Островского). Женщина жаловалась на своих квартиранток, которые мало того, что ссыпают в угол прямо в избе жар из печки (лень им, видите ли, на двор сбегать), так еще приносят откуда-то спирт и пьянствуют день и ночь напропалую, незнамо с кем. Вот и сейчас Верка опять куда-то за спиртом побежала.

Насонов задержал Веру Евреинову возле дома и доставил в участок. Она была изрядно пьяна и имела при себе бутылку из-под фруктовой воды, в коей плескалась мутная жидкость коричневого цвета с отчетливым запахом денатурата.

Слегка протрезвев, сорокалетняя женщина рассказала, что утром к её соседке – Прасковье Николаевне Скрипиной – пришли двое мужчин – один в солдатской форме, другой – в «гражданке». Никого из них Евреинова раньше не видела. Однако это не имело значения, поскольку гости принесли полбутылки спирта, который, разбавив водой, они и выпили. Такая доза на четверых – что слону дробина. Поэтому мужчины поинтересовались, не знает ли их новая знакомая, где можно добавить. Евреинова знала. Взяв у собутыльников трешницу, она отправилась к Анне Игнатьевой, жившей неподалёку, на Новой Линии (ныне ул. Кролюницкого). Дома была мать Игнатьевой – 68-летняя Матрёна Косянкина, которая и продала посетительнице две чайные чашки денатурата по рублю за штуку. Евреинова слила напиток в бутылку из-под фруктовой воды и отправилась домой, но не дошла, угодив в участок. Спирт в этом доме она покупала и раньше, но тогда он отпускался ей по полтиннику за чашку.

В тот же день к Игнатьевой нагрянули с обыском, и нашли бутылку чистого денатурата в таре из-под коньяка и еще полторы бутылки темной жидкости, разлитой по разным ёмкостям.

Тут необходимы некоторые пояснения: слово «бутылка» в данном случае означает не только сосуд для жидкости, но и меру оной. По объему бутылки различались винная и водочная. Первая составляла $\frac{1}{20}$ ведра, то есть чуть больше 600 миллилитров, вторая – $\frac{1}{16}$, примерно 0,7 л. В протоколе не указано, какая именно бутылка имеется в виду, но в любом случае при обыске было обнаружено около полутора литров «палёного» поила.

Костянкина утверждала, что никакой Евреиновой не знает, никогда в глаза её не видела и никакого спирта ей не продавала. Что же касается найденного в доме денатурата, то его она купила у незнакомого мужчины для собственного употребления, а вовсе не для продажи. И самолично разбавила самодельным квасом, чтобы отбить неприятный запах.

Как поступили с торговкой – не известно. А вот Евреинову обвинили в том, что она «разбавила водой и квасом денатурированный спирт с целью употребления в качестве опьяняющего напитка». То есть, выражаясь современным языком, погорела на употреблении «палёной» водки².

Аналогичным образом пострадал и бывший полицейский урядник 17-го участка 3-го стана Симбирского уезда: управление акцизными сборами просило прокурора Симбирского окружного суда привлечь бывшего стража порядка к уголовной ответственности за «смешение денатурированного спирта с квасом с целью ослабления свойственных денатурату неприятных вкуса и запаха»³. Правда, до суда ни в том, ни в другом случае дело не дошло – случился переворот.

Так в чем же причина столь болезненной реакции властей Империи на «пьяный» вопрос? Дело в том, что перед самым началом Первой мировой войны царским указом было запрещено производство для распития, а с 19

² ГАУО. Ф.108. Оп. 48. Д. 23. Л. 3, 9, 11.

³ ГАУО. Ф.108. Оп. 48. Д. 33. Л. 1.

июля – и продажи всех видов алкогольной продукции на всей территории России на время мобилизации. В конце августа запрет был продлен на всё время войны. Крепкие алкогольные напитки разрешалось продавать только в ресторанах. Разрешения (ярлыки) на покупку денатурированного спирта только для технических целей и освещения официально выдавались акцизным надзирателем⁴.

Высочайше Утвержденным Положением Совета Министров от 27 сентября 1914 г. городским думам и сельским общинам, а Положением от 13 октября того же года - и земским собраниям, на время войны было предоставлено право запрещать торговлю спиртными напитками в местностях, находящихся в их ведении.

Симбирская городская дума воспользовалась этим правом, приняв 12 августа 1914 г. постановление (утвержденное губернатором) «О воспрещении торговли всеми спиртными напитками из всех без исключения мест продажи на все время войны». А затем, 12 марта 1915 г., решила пойти ещё дальше, рассмотрев вопрос «О запрещении торговли крепкими спиртными напитками в г. Симбирске навсегда», постановив ходатайствовать об этом перед правительством.

Попытка отлучения народа от пьянства была воспринята обществом неоднозначно. С одной стороны, отмечалось её благотворное влияние на общественную атмосферу.

«Окраины Симбирска ожили. Не стало хулиганства, которое ранее было там обычным явлением, прекратились драки, уменьшилось значительно количество преступлений. Стало улучшаться материальное положение народа, так как теперь каждая заработанная копейка идет в семью, а не на вино. Ожила и воскресла крестьянская женщина, не видя перед собой более пьяного мужа-буяна. Благодаря наступившей трезвости, пробуждается самосознание в народе, является стремление к книжке, а что всего дороже, так это храмы стали, особенно в селах, наполняться больше народом. Чувствуется всеми

⁴ ГАУО. Ф. 137. Оп.1. Д. 295. Л. 111.

явно материальное и духовное возрождение русского народа», – отмечал на заседании городской Думы священник отец Благовидов⁵. «В г. Симбирске выпито с августа по декабрь 1913 года 244537 ведер водки. Считая по 8 р. 40 к. за ведро, в 5 месяцев на водке Симбирск пропил 2054110 р. 80 к. да не меньше на пиве... Наконец, никто не будет отрицать того факта, что со времени прекращения торговли спиртными напитками в городе стало спокойнее, больше порядка и сократилась преступность...», – вторил батюшке гласный Серебряков⁶.

С другой стороны, увеличилась изготовление самогона и разного рода суррогатов. В заметке под названием «Спиртогон» газета «Трудовой день» писала: «В ночь на 29 апреля в поселке Куликовка чинами сысского уголовного бюро задержан крестьянин с. Покровского, Козловской волости Ардатовского уезда Иванов. Чины сысского уголовного бюро, будучи в обходе, заметили огонёк в квартире Иванова. Время было около 3 час. ночи. Иванов был уже зарегистрирован сысским отделением за порочное поведение, и чины сыска поинтересовались заглянуть, что делается в квартире Иванова. Они увидели, что Иванов гонит посредством аппарата спирт. Они тут же вошли в квартиру. Иванов не успел погасить огонь в аппарате, и был захвачен на месте преступления. Иванов уже успел выгнать три бутылки спирта, который охлаждался в чулане. Дознание по этому делу передано в окружное акцизное управление»⁷. А вот сообщение на ту же тему, опубликованное в названной газете 9 мая: «В некоторых селениях Симбирского уезда появился особый спирт – «самогонка». Гонится местными крестьянами. Есть селения, имеющие 5-6 «винокурных заводов». Число винокуров увеличивается. Соблазняет лёгкая и большая нажива. Самогонка продаётся по 5-6 руб. за бутылку. Сельские граждане вполне сознают вред и опасность от этих предприятий, но вести борьбу с этим злом не в силах. Боятся отчаянных винокуров.

⁵ ГАУО. Ф.137. Оп.1. Д. 295. Л. 74.

⁶ ГАУО. Ф.137. Оп. 1. Д. 295. Л. 75.

⁷ Трудовой день. –1917, 6 мая.

Крестьяне говорят, что сегодня арестуют одного–двоих, а завтра компаньоны их сожгут все село. Самим нам никак нельзя. Вот если бы начальство... Под этим подразумеваются губернский и уездный исполнительные комитеты»⁸.

По стране прокатилась волна «пьяных» бунтов и погромов, хотя Симбирск она на первых порах миновала – власть пока контролировала ситуацию. Однако после февральского переворота, по мере нарастания всеобщего революционного хаоса и бардака, обстановка и здесь стала медленно, но верно накаляться.

2 марта 1917 г. управляющий акцизными сборами Хомчик докладывал симбирскому губернатору: «Вследствие личного поручения от сего числа имею честь препроводить Вашему Сиятельству сведения о местонахождении спирта в пределах Симбирской губернии, с указанием приблизительных количеств этих жидкостей в каждом из пунктов, за исключением казённых лавок с продажей денатурированного спирта и производящих торговлю ренсковых погребов, по которым наличное количество денатурированного спирта и питей не может быть указано, так оно постоянно меняется»⁹.

Согласно этим данным, на 58 заводах и казённых складах губернии хранилось в общей сложности 3 795 000 литров спирта. Как частного, так и казённого. В том числе более 2 726 000 – очищенного ректификата, из которых 359 500 литров – расфасованных в стеклянные бутылки¹⁰. Но были ещё казённые лавки, а также ренсковые погреба – магазины, торгующие виноградными винами, пивные лавки и пивоваренные заводы.

По данным того же ведомства, запасы водки и коньяков в одном только Симбирске насчитывали 6500 литров, виноградных и ягодных вин 39 500, пива – более полумиллиона литров¹¹. А были ещё уездные Сызрань, Ардатов,

⁸ Трудовой день. –1917, 9 мая.

⁹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1540. Л. 25.

¹⁰ ГАУО. Ф.76. Оп.7. Д. 1540. Л. 25-26.

¹¹ ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1540. Л. 27-28.

Буинск и отдельные села, где также имелись солидные запасы спиртного. И все это богатство следовало как-то уберечь от восставшего народа.

Памятуя об этом, 8 марта только что назначенный губернским комиссаром Ф. А. Головинский шлет председателю Карсунской земской управы телеграмму, в которой говорится: «От моего имени просите начальника гарнизона направить на все винокуренные заводы уезда для охраны спирта воинские караулы.

По соглашению с заместителем комиссара Чернышевым примите меры оповестить население: спирт признан государственной собственностью, необходимую для выделки пороха и взрывчатых веществ.

До постановки солдат немедленно установите ответственную охрану спирта волостною сельскую администрацию. Просите земство оказать всякое содействие перевозке на заводы воинских частей. Исполнение телеграфируйте»¹².

Забота именно об этом уезде была не случайной – в нём работало наибольшее число винокуренных заводов – 21, на которых в общей сложности находилось больше трети всех запасов спирта губернии.

Однако на все склады и заводы воинских команд просто не хватало. И тогда на заседании Симбирского губернского исполкома от 5 мая было принято нестандартное управленческое решение: разбавлять (денатурировать) спирт касторовым маслом, широко оповестив об этом население¹³. И уже 20 мая на первых полосах Симбирских газет появилось крупно напечатанное предостережение: «Довожу до сведения населения г. Симбирска, что согласно постановления Симбирского губисполкома мною сделано распоряжение о денатурировании спирта касторовым маслом.

Касторовое масло даже в самых малых примесях вызывает тошноту, расстройство желудка, рвоту.

¹² ГАУО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.

¹³ Симбирские губернские ведомости. – 1917, 5 мая.

Людей безвольных, употребляющих денатурированный спирт в качестве напитка, разбавляя его водой, квасом и т.п. ПРЕДУПРЕЖДАЮ, что вся ответственность за последствия употребления денатурированного спирта падает на них самих.

Губ. Комиссар Вр. Пр. Головинский».

Предостережение публиковалось на первых полосах всех городских газет в течение нескольких недель.

На том же майском заседании было принято еще два решения – о перевозке красного вина из Тереньги на Симбирский епархиальный склад под охраной бойцов Легиона свободы и об уничтожении запасов пива.

«Усилить охрану спирта, установить за правило, чтобы все удостоверения на право приобретения денатурированного спирта были проверены и выдавались вновь по удостоверениям районных комитетов», – говорится в постановлении губисполкома¹⁴.

На заседании 16 июня исполком опять вернулся к «пьяному» вопросу, на сей раз в связи с частным случаем: уездный комитет Инзы просил запретить торговлю пивом, которую ведёт в поселке некто Марков. Просьба обосновывалась тем, что через Инзу проходит множество воинских эшелонов и «массы пришлых рабочих». Видимо, власти всерьёз опасались инцидентов, подобно тому, что случился на станции в марте, когда толпа солдат буквально растерзала местного землевладельца Гельшерта.

Исполком постановил: «так как продажа пива воспрещена повсеместно в России, и Маркову никем разрешения на производство и торговлю дано не было, поручить начальнику Карсунской уездной милиции провести об этом дознание, и в случае, если слухи о торговле подтвердятся, привлечь Маркова к законной ответственности»¹⁵.

Однако и у милиции взаимоотношения с зелёным змием были непростыми. Даже в губернском Симбирске.

¹⁴ Симбирские губернские ведомости. – 1917, 5 мая.

¹⁵ Симбирские губернские ведомости. – 1917, 16 июня.

Днём 4 августа 1917 г., посетители, оказавшиеся в канцелярии 3-го участка Симбирской милиции, стали свидетелями неприятной сцены: в примыкавшей к помещению канцелярии кухне, пьяный мужик скандалил с какой-то женщиной и даже ударил её. Дебошира, правда, быстро скрутили, а помощник начальник участка Михаил Петрович Сперанский (21 год, православный, под судом и следствием не состоял) запер его в арестантскую, откуда тот продолжал ругаться и грозить милиционерам. «Я с вами еще посчитаюсь! Все равно мне в тюрьме сидеть! Так уж за все сразу! Мы еще выведем вас на свежую воду! Покажем, кто мы! Все равно вам несдобровать!», – кричал дебошир.

В принципе ситуация привычная для любого милицейского подразделения, что сейчас, что тогда – мало ли всякой пьяни туда доставляют. Однако пикантность описываемого инцидента заключается в том, что усмирять и сажать под замок пришлось... милиционера Ефима Казанкина.

В тот день, с утра начальник части В. А. Ящак отправил Казанкина в город по делам службы. Вернулся тот около двух часов дня, пьяный и никаких поручений не выполнивший. Когда начальник принялся распекать подчиненного, тот молча развернулся и ушел. Чтобы закончить прерванный воспитательный процесс, Ящак, прихватив с собой своего помощника Адрианова, отправился в каретный сарай, где жил недисциплинированный милиционер.

Пришли и видят: сидят рядышком нетрезвый Казанкин и некто Константин Максимович Китаев, проживавший в номерах «Прогресс». У обоих в руках по бутылке. У Казанкина – большая четверть (около 3 литров). У Китаева емкость поменьше, в которую уже налито немного густого крепкого чая на ежевике. А поверх неё Ефим цедит из своей четверти спирт. Смешиваясь с настойкой, денатурат делается похожим на коньяк.

Ящак отобрал бутылки и прогнал постороннего с территории части. А Казанкин ушел сам. Разбираться с сожительницей, которая кашеварила для

милиции и, по мнению Ефима, «заложила» его хмельную коммерцию начальству. Свидетелями этого скандала и стали в тот день посетители третьей милицейской части.

7 августа Казанкина уволили, а через два дня он давал показания судебному следователю.

В протоколе приведены анкетные данные обвиняемого, которые позволяют получить некоторое представление о том, кто служил в новой правоохранительной структуре, и могла ли она при таком личном составе быть эффективной.

Итак, Ефим Александрович Казанкин, 36 лет. Крестьянин Казанской губернии, Царевококлейского уезда Петровской волости, деревни Негодяевой (!). Проживает по Петропавловскому спуску в доме Волкова. Рождение небрачное. Православный, грамотный, холостой, занятие – земледелие, имущества не имеет. От воинской службы освобождён.

Виновным себя Казанкин не считал, хотя «возможно, я и ругал матерной руганью комиссара 3 участка городской милиции, и позволил себе в его присутствии высказывать оскорбления о нем, – самокритично признался экс-милиционер. – 4 августа я напился пьяным и что было, не помню. Если я обругал комиссара матерными словами и замахнулся на него рукой своей, то я сделал это по-товарищески». В этот же день с обвиняемого взяли «подписку о не отлучке», а 9 сентября расследование было закончено и дело направлено товарищу Симбирского окружного прокурора. Но вот дошло ли оно до суда, не известно¹⁶.

Описанный выше инцидент ясно показывает, что из плескавшегося в губернии гигантского хмельного моря, свою толику мог зачерпнуть каждый. Даже милиция, призванная его неусыпно охранять, этого не чуралась. Говорить в таких условиях о недоступности или хотя бы относительной безопасности спирто-водочных запасов от посягательств со стороны революционных масс просто не приходилось. А активность этих масс с каждым днём лишь

¹⁶ ГАУО. Ф. 108. Оп. 48. Д. 21.

росла, что не могло не тревожить власть, особенно её представителей, лично ответственных за сохранность стратегических спиртовых запасов.

3 октября надзиратель 2-го округа Симбирского акцизного управления (входило в структуру министерства финансов империи [В.М.] сообщал Управляющему акцизными сборами Симбирской губернии:

«По газетным сведениям, во многих городах России происходят солдатские бунты, сопровождающиеся разгромом казенных винных складов и расхищением хранящихся в них спиртовых запасов.

Сведения эти заставляют предполагать возможность возникновения подобного рода событий и в Сызрани, тем более, что полгода тому назад аналогичные беспорядки имели уже в нём место. Несомненно, память о них сохранившаяся у солдат местного гарнизона и в связи с приходящими отовсюду вестями о разгромах винных складов, составляет очень благоприятную почву для погромной агитации разного рода безответственных элементов. В виду изложенного, и принимая в расчет, что так называемое «большевистское» течение все усиливается в народной и солдатской массе, в том числе и в населении города Сызрани и его гарнизоне, и что на это течение указывают часто происходящие в городе под предводительством местных «большеви́ков» митинги, выносящие резолюции крайнего направления, я считаю себя обязанным донести Вам, Г. Управляющий, что с моей стороны представляется крайне желательным скорейшее освобождение местного склада от запасов вина, хранящегося в количестве около 15000 вед. в его подвале. Вывоз этого вина, по-видимому, возможен лишь в очень недалёком будущем, так как для такового вывоза я не располагаю ни надлежащими перевозочными средствами, ни нарядами на доставку разлива куда-либо по железной дороге. Почему единственно осуществимой мерой является лишь уничтожение вина путем постепенного спуска его в поглощательный колодезь через специально устроенные для того приспособления.

Операция эта, произведённая без оглашения и спокойно, могла бы в течение 5–10 дней совершенно освободить склад от излишнего балласта, оста-

вив в запасе лишь некоторую часть сырца для денатурации и ректификат, постепенно вывозимый на нужды пороховых заводов и хранящийся в складе в сравнительно ограниченном количестве...

Не могу при этом умолчать о грозящей складу опасности со стороны ожидающихся в городе в близком будущем частично демобилизуемых солдат, долженствующих проезжать через г. Сызрань довольно значительными отрядами и способных при совершенной их распущенности и продовольственных неурядицах на крайня и в высшей степени буйные выступления.

Подписали: окружной надзиратель Епифанов, делопроизводитель Соколов»¹⁷.

Отметим два момента: во-первых, война ещё не закончилась, а с фронта эшелонами возвращаются демобилизованные солдаты. Во-вторых, распропагандированная большевиками «революционная масса» намерена захватить не «почту-телеграф-телефон», как в столице, а запасы вина и спирта. В связи с чем возникает вопрос: что же на самом деле стало движущей силой пролетарской революции?

К 25 октября обстановка накалилась и в Симбирске. Накалилась настолько, что временно исполнявший дела начальника гарнизона подполковник Медянов вынужден был выступить с заявлением, которое опубликовали все городские газеты. В заявлении говорилось: «Тревожные события последних дней породили среди населения г. Симбирска слухи о могущих быть в городе беспорядках и погромах со стороны солдат. Слухи эти волнуют население, заставляют в лихорадочном ожидании беспорядков прерывать занятия и вообще, нарушать нормальное течение жизни в городе.

От имени всех войск гарнизона и всех военных демократических организаций я, как начальник гарнизона, утверждаю, что нет никаких оснований гражданам города Симбирска опасаться каких-либо выступлений со стороны солдат гарнизона, могущих повлечь за собой беспорядки, погромы или насилие над населением.

¹⁷ Архив УВД.

Пусть граждане спокойно продолжают свой повседневный труд, т.к. верные революции солдаты гарнизона, руководимые своими организациями совместно с командным составом, сознают гибельность подобных выступлений для пострадавшей Родины и завоеванной свободы, и не только не позволят себе нарушить порядок в городе, но и считают для себя обидным предположение о возможности с их стороны беспорядков, сами выражают твердую готовность приложить все усилия к подавлению таковых в случае возникновения их под влиянием агитации темных сил, памятуя о том, что нет семьи на всем пространстве нашего Отечества и, в частности, в г. Симбирске, кто бы не имел своих отцов, братьев и сыновей в рядах защитников Родины»¹⁸.

* * *

Беспорядки начались на следующий день. И, вопреки заверениям начальника гарнизона, солдаты принимали в них самое непосредственное участие. Во всяком случае, значительная их часть. Вот как описывала начало событий газета «Симбирское слово» в заметке под заголовком «Погром»:

«С двух часов дня начался разгром магазинов. Начав с магазина Подругина, где было разграблено вино, пьяная толпа солдат пошла громить подряд все магазины.

Пьяные солдаты тащат все, что попадется: меха, корсеты, кружева, конфеты.

В 8 часов вечера нам сообщили, что толпа начинает громить уже Волжско-Камский банк.

Приняты меры с применением вооруженной силы. Слышны выстрелы»¹⁹.

Красноречивую картину рисуют мемуары: «26 октября. В городе громят. У Подругина в магазине нашли вино и портвейн. Они напились и теперь разграбят винные лавки. А на Беляевском переулке винная лавка.

¹⁸ Симбирские губернские ведомости. – 25 октября 1917 г.

¹⁹ Симбирское слово. – 26 октября 1917 г.

Беляевский входит в нашу Театральную улицу, напротив него лавочка, а рядом с ней наш дом. Но я не боюсь! Мы живем во дворе, да если бы и в большом доме жили, то я все равно не боялась бы - ведь бог не без милости!!!

27 октября. Везде палят. Коля всю ночь охранял город. Он усмирял пьяных бунтовщиков и пришел домой в 4 утра. Он рассказал нам, что на Гончаровской улице, где одни магазины, правую сторону всю разгромили, а на левой разгромили только один магазин «Новосережкин». Коля с товарищами отстояли магазин «Семенов» и хозяйка в знак благодарности подарила Коле брелок. Сегодня он опять пошел охранять город. Он опять придет в 4 утра. Но сегодня опасность уже миновала - к нам в Симбирск пригнали казаков! Сейчас всё время палят. Это и хорошо, потому что кто палит, тот за усмирение. Люда сейчас ходила в баню - не понимаю, что в такое тревожное время бани открыты!!!»²⁰.

На Гончаровской улице среди не пострадавших оказался и магазин Абушева. Его спасло то, что в доме рядом находилось помещение офицерского собрания и вооруженные офицеры подействовали на толпу «умиротворяющее». Позже, правда, факт спасения абушевского заведения стал поводом для слухов о том, будто бы главными погромщиками были татары и будто бы именно они потом торговали награбленными папиросами. Дабы пресечь эти опасные сплетни, 3 ноября «Симбирское слово» опубликовало опровержение. Однако, вернёмся в толпу погромщиков.

«...Вечером 26 октября около спиртового завода Сусколова собралась трехтысячная толпа с требованием немедленно открыть ворота и «дать народу то, что ему принадлежит по праву». Администрация сумела убедить жаждущих отложить решение этого вопроса до утра, поскольку «в темноте невозможно будет братское и справедливое разделение спирта».

С рассветом надо было ожидать атаки люмпен-пролетариата и разложившегося гарнизона на цистерны со спиртом. Тогда дирекция сусколовско-

²⁰ Козлова Л. Шепот веков. – Ульяновск, 2006. – Стр. 62-65.

го завода, опасаясь пьяного погрома, решила в тайне, ночью слить все алкогольные запасы в Свягу»²¹.

Иную версию принятия решения излагает пресса того времени: «По распоряжению Совета рабочих и солдатских депутатов в виду тревожного настроения в городе был спущен весь спирт из винного склада и с завода Сусоколова в Свягу и Стрижев овраг. Узнав об этом, солдаты и жители пригородных слобод бросились к трубам, через которые выливалась эта грязная спиртовая жидкость, и спешили наполнить принесенные с собой посуды этой зловещей, смешанной с навозом, черной жидкостью. Появилось немало пьяных.

От охраны города были посланы патрули, которые, разгоняя толпу, производили стрельбу вверх. Стрельбу можно было слышать и в ночь на 28 октября»²².

Подробно события «пьяных дней» излагает местный корреспондент: «В ночь на 26 октября из завода бывшего Сусоколова было спущено несколько тысяч ведер спирта. Зеленый змий потоком лился по канализационной трубе в реку Свягу, всполошивши Набережную, Конную улицу и расположенные вблизи казармы.

Солдаты, первыми почувствовавшие запах спирта, носились с ведрами, чайниками, как угорелые. Слышны были крики:

– Скорее беги! Давай ведра! Ведра скорее! Да что ты, серый черт, стакан-то взял. Бери ведро скорей!

– В чем дело? – спрашиваю бежавшего солдата с чайником в руках.

– Шпирт пустили, бегите скорей туда, сильно бежит, аж с ног сшибает, – поясняет серая фигура.

Около спиртового фонтана происходило какое-то столпотворение, представляющее из себя какую-то кучу серого тряпья.

Солдаты лезли, давили друг друга, чтобы скорее зацепить ведро спирта

²¹ Точеный Д. С., Точеная Н. Г. Октябрь в Симбирске и алкогольный бум // Прошлое и настоящее России. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 1999. – С. 81-82.

²² Симбирская «Народная газета». – 1917, 29 октября.

и явиться за следующим. Но вскоре был водворен порядок, и все выстроились в затылок, составив длинный хвост.

Некоторые барахтались в реке Симбирке, смешанной со спиртом, откуда доносилась пьяная песня:

Ты ль меня, я ль тебя вымазала,

Ты ль меня, я ль тебя высушила.

Толпа у фонтана в это время росла, в центре хвоста, размахивая чайником, какая-то пьяная фигура кричала:

– Пей, товарищи! А потом и за государственные дела примемся, после этого случая нашу Расею мы доведем не только до Учредительного, а до какого хошь собрания. Уж тогда, брат, держись!

К утру был вызван конный патруль, который несколькими выстрелами разогнал толпу.

В 8 часов утра спиртовой фонтан, насытивший двуногие существа, прекратил свою деятельность.

Оба дня на улицах происходило оживление: одни пиликали на гармошке и пели вульгарные пьяные песни, другие просто чертили носом по дороге²³.

Однако досталось не только магазинам и винным складам. Подвергся тотальному разгрому и Симбирский Окружной суд, занимавший второй этаж здания на углу Гончаровской и Дворцовой (ныне К. Маркса) улиц.

Около двух часов дня там шло судебное заседание, когда снаружи раздавался какой-то шум, крики, звон разбиваемого стекла. Выглянув в окна, члены суда увидели толпу солдат, громивших расположенный на первом этаже табачный магазин Шаповалова. Тем не менее, присяжные решили не прерывать заседание. Однако, вскоре сделать это все же пришлось – расправившись с магазином и подвалом, толпа пошла наверх...

В протоколе, составленном 28 октября 1917 г. председателем Окружного Суда А. А. Поляковым и прокурором А. А. Дедюлиным так

²³ Симбирское слово. – 1917, 1 ноября.

описываются последствия революционной стихии: «Стекла во всех почти окнах, как в залах заседаний, так равно и в других комнатах уголовного и гражданского отделений суда, камере прокурора и нотариального архива выбиты. Находившиеся там дела, книги, бумаги и документы также разбросаны в беспорядке по полу, частично разорваны и выброшены из помещений суда на площадь и улицу. Мебель и прочие предметы обстановки и канцелярские принадлежности разломаны и похищены. Шкафы, пишущие машинки разбиты. Дела, хранящиеся в шкафу в комнатах около уборной, выброшены на пол и частично обожжены. Потолок и стены этой комнаты закопчены и носят следы пожара»

Полностью разгромленными оказались и находившиеся в этом же помещении конторы нотариусов В. Диевского и В. А. Цимбалы. Погромщики повывали в помещениях двери, выломали оконные рамы и даже перегородки. Книги и документы разорваны в клочья. В груды обломков и осколков превращена вся мебель, зеркала, электроарматура, телефоны. «Восставший народ» взломал несгораемый шкаф и забрал оттуда деньги, а также векселя и печати. Правда, две пишущие машинки нотариусам позже вернули из Дома Свободы, но обе были непоправимо испорчены. А чуть позже принесли и одну из печатей – прохожий нашел её, валявшейся в пыли на улице Старо-Казанской (ныне Красноармейская)²⁴.

Ну, а что же власть? Она-то куда смотрела и что предпринимала? Надо отдать должное, несмотря на то, что погром застал всех врасплох, власть сумела мобилизоваться и подавить бунт в кратчайшие сроки с минимальными жертвами – погиб лишь один человек – солдат 5 роты 142-го пехотного запасного полка Леонтий Чернотынский. Он участвовал в пресечении беспорядков и умер от раны, полученной в стычке с погромщиками на Гончаровской улице²⁵.

²⁴ ГАУО. Ф 454. Оп. 48. Д. 13. Л. 1, 2, 6.

²⁵ Симбирское слово. – 1917, 14 ноября.

«Беспартийный поручик Мороз кое-как уговорил солдат 5 роты 142 пехотного полка чудом оставшихся трезвыми, взять оружие и разогнать разношерстную массу, потерявших человеческий облик», – пишут в своей статье, посвящённой тем событиям ульяновские историки Д. С. и Н. Г. Точёные²⁶.

Однако старый большевик, член партии с 1913 года Никита Гаврилович Самойлов считает, что лавры усмирителей по праву достались как раз большевикам: «Контрреволюции удалось все же вызвать большой погром в Симбирске 26 октября (8 ноября). Толпы уголовников, бывших полицейских, переодетых в солдатскую форму, мешочники, спекулянты и разные деклассированные элементы разбивали окна и двери у винных магазинов и складов и расхищали содержимое, на улицах возникали драки, усилился бандитизм в городе...

Помню, как я вышел на Гончаровскую улицу, чтобы выяснить, что же происходит. У одного из винных магазинов пьяная толпа тащила из погреба бутылки с вином, разбивала их и пила тут же, обрезая себе руки и лицо. Меня поразило, что в этой толпе оказался прапорщик, который иступленно кричал: «Все, что здесь хранится – народное, товарищи! Берите все!». Я пробрался к этому агитатору и как член Совдепа, хотел его арестовать, но несколько громил набросились на меня с площадной руганью.

Немедленно я поспешил в Дом Свободы. Там я нашел тов. Гимова. Он звонил по телефону в милицейские участки, но, видимо, не добивался толку. Мне он сказал: «Иди за своими солдатами и поступи с погромщиками, как подобает, по-военному».

Я побежал в казармы и по боевой тревоге вывел почти всю свою роту.

Толпы погромщиков на главной улице еще больше увеличились. Начали громить уже другие магазины, не только винные.

Мы дали залп вверх. Многие погромщики стали разбегаться. Сразу же мы арестовали значительную группу бандитов, одетых в солдатские шинели, и повели их в ближайшую милицейскую часть.

²⁶ Точёный Д. С., Точёная Н. Г. Указ соч. – С. 82.

На улицы города тем временем вышли другие революционные части, а также рабочая красная гвардия»²⁷.

В этом заочном споре на тему «кто подавил бунт», истина, скорее всего, где-то посередине. Перед лицом вспыхнувших беспорядков объединились все представители новой власти – уже в три часа дня 26 октября в городском театре состоялось экстренное собрание полковых и ротных комитетов, а также представителей общественных революционных организаций. Было решено создать в городе Временный военно-революционный комитет при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В этот чрезвычайный орган власти вошли президиумы Советов, по 3 представителя от каждого полкового комитета, от социалистических партий, от городского самоуправления, заводских комитетов и рабочих профессиональных организаций. К Комитету перешла вся военная и гражданская власть в городе, а в случае надобности – в губернии. Руководство всеми военными силами передано избранному собранием начальником гарнизона подпоручику Морозу.

С момента своего образования Временный военно-революционный комитет непрерывно заседал в «Доме Свободы», «принимая все меры к прекращению погромного движения и сохранению безопасности граждан». О его создании уже 27 октября сообщили все городские газеты. В тот же день было опубликовано Обязательное постановление Комитета, запрещавшее «всякие сборища и митинги под открытым небом в пределах г. Симбирска без разрешения Временного военно-революционного комитета». «Всякое скопление на улицах и площадях будет рассеиваться вооруженной силой. Участники грабежей и покупатели награбленного будут предаваться военно-революционному суду», – говорится в постановлении.

С отдельным воззванием выступил и Совет солдатских и рабочих депутатов Симбирска. К этому времени уже была получена телеграмма о

²⁷ Самойлов Н. Г. Год революционной борьбы // Борьба за власть Советов в Симбирской губернии. Сборник воспоминаний. – Ульяновск, 1957. – Стр. 110-111.

событиях в столице, поэтому авторы воззвания выступают уже от лица новой центральной власти: «В виду низвержения Временного коалиционного правительства и перехода власти в руки Советов, Симбирский Совет Рабочих и солдатских депутатов призывает Вас к спокойствию, заявляя, что всякие единоличные и неорганизованные выступления, могущие внести смуту в население и вызвать беспорядки, будут Советом подавляться самым беспощадным образом.

Начальником Симбирского гарнизона назначается подпоручик Мороз»²⁸.

Это было, по сути, военное положение. И оно сыграло свою, в прямом смысле отрезвляющую роль: к вечеру 27 октября волнения пошли на спад. Спустя несколько дней – 2 ноября – начальник гарнизона подпоручик Мороз через газеты сообщил о том, что «в виду наступившего успокоения военное положение г. Симбирска с 6 час. вечера 30 сего октября отменено. Всех граждан города призываю к спокойствию, прошу не верить вздорным слухам и предупреждаю, что с отменой военного положения охрана города усиливается и всякое преступление будет с корня подавляться вооруженной силой»²⁹.

Массовые беспорядки столь же массовым выходом на улицу «вооруженной силы» пресечь действительно удалось. Но вот против мелкой уголовщины, вопреки заверениям начальника гарнизона, войска были, увы, бессильны.

А хмельные погромы, между тем, бушевали уже в уездах. 3 ноября революционные массы начали крушить магазины и склады в Карсуне. Вот хроника событий, восстановленная по переписке губернского комиссара и местного начальника милиции (Архив УВД УО):

«Военная. Карсун. Начальнику милиции Чернышову.

12 ноября 1917 года.

²⁸ Симбирское слово. – 1917, 27 октября.

²⁹ Симбирское слово. – 1917, 2 ноября.

Получил телеграмму «Спирт Троицком винокуренном заводе 58 заводе выпустить не успели. Крестьяне разбили подвал, грабят имение. Имеется много готового лесного материала, сданного железным дорогам и военному ведомству. Убедительно покорно прошу послать немедленно станцию Инза надёжных драгун для отображения вещей и охраны складов. Карпов». Прошу немедленно принять самые решительные меры.

Губкомиссар Головинский».

«Военная. Карсун. Начальнику милиции.

16 ноября 1917 г.

Командированный Репьевку для проверки охраны спирта прапорщик Миртов телеграфирует: «Настроение погромное. Пришлите команду офицера». Ввиду важности сохранения спирта прошу срочно установить усиленный караул с офицером.

Губкомиссар Головинский».

Не помогло. За месяц в уезде было расхищено и истреблено 86 сорокаведёрных бочек спирта, 26 000 бутылок иностранных вин и 36 сорокаведёрных бочек пива.

Хмельной джин, выпущенный революцией из бутылок, будет бушевать ещё долго – до конца 1917 года и почти весь 1918.

**Импортные поставки боеприпасов к стрелковому оружию в
Россию первой четверти XX века
(на примере винтовочных гильз с территории Особо охраняемой
природной территории «Винновская роща»)**

**Supplies of ammunition for small arms in Russia,
the first quarter of the XXth century
(for example, the small shells from the territory of «Vinnovskaya grove»)**

В статье ставится задача изучить особенности поставок боеприпасов к стрелковому оружию из стран Западной Европы, США и Японии в Россию в первой четверти XX века на локальном примере винтовочных гильз, обнаруженных на Особо охраняемой природной территории (ООПТ) «Винновская роща» (г. Ульяновск). В результате анализа автор выделяет основные этапы поставок боеприпасов, а также им устанавливаются страны-поставщики боеприпасов и степень их доминирования.

The author explores the features of the supply of ammunition for rifles from Western Europe, USA and Japan in Russia in the first quarter of the XXth century on a local example of rifle cartridges discovered on the Specially protected natural territories (SPNT) "Vinnovskaya grove" (Ulyanovsk). In the analysis the author identifies the main stages of the supply of ammunition, and set the countries that exported ammunition and place of their domination.

Ключевые слова: *поставки вооружения, импорт вооружения, Первая мировая война, винтовочные гильзы, боеприпасы стрелкового оружия.*

Keywords: *the supply of weapons, import weapons, the First World War, rifle cartridges, ammunition.*

Военные конфликты первой четверти XX века привели к радикальным изменениям в тенденциях развития мировой цивилизации. Для Российской империи, как части мировой цивилизации, наиболее важными в этом смысле были Русско-японская (1904–1905 гг.) и Первая мировая (1914–1918 гг.) войны, которые являлись катализаторами революций 1905–1907 гг. и 1917 г. соответственно.

Одной из основных причин поражения России в этих войнах была значительная отсталость военно-технического сектора экономики, неспособного

обеспечить армию современными образцами вооружения и боеприпасами в полном объёме.

В период указанных войн Российская империя была вынуждена прибегать к закупкам вооружения у своих союзников. В отличие от ленд-лиза Второй мировой войны, попытки Российской империи преодолеть недостаток боеприпасов и вооружений при помощи импортных поставок оказались незаслуженно обойдены вниманием историков-исследователей.

Военно-технические поставки союзников имели очень широкий спектр: от пуговиц до аэропланов, но всё же основным расходным элементом войны были и остаются боеприпасы. Можно представить, как изменился бы ход истории, если бы у армии Российской империи оказалось достаточно патронов в самые критические моменты Русско-японской и Первой мировой войн, или Белое движение в годы гражданской войны смогло бы наладить выпуск собственных боеприпасов, а не зависеть от стран Антанты. Всё это позволяет считать заграничные закупки боеприпасов к стрелковому оружию Российской империей в первой четверти XX века актуальной научной проблемой, изучение и осмысление которой поможет более глубокому пониманию проблем во взаимоотношениях современной России и стран Запада и преодолению имеющихся разногласий.

Цель исследования – изучение особенностей поставок боеприпасов к стрелковому оружию из стран Западной Европы, США и Японии в Россию в первой четверти XX века на локальном примере винтовочных гильз, обнаруженных на Особо охраняемой природной территории (ООПТ) «Винновская роща» (г. Ульяновск).

Исходя из поставленной цели, решались следующие задачи:

- 1) установить этапы поставок боеприпасов;
- 2) установить страны-поставщики боеприпасов и степень их доминирования на рынке.

Материал и методы

С 1983 по 2012 гг. на территории ООПТ «Винновская роща» автором было собрано 819 шт. винтовочных гильз, из них отечественного производства – 625 шт., иностранного производства – 123 шт., не определённого производителя и без маркировки – 71 шт.

Чтение маркировки гильз и определение производителя проводилось по методике и образцам, указанным в специальной литературе¹ и на интернет-сайтах².

Результаты и их обсуждение

Из многочисленных литературных и архивных источников известно, что на северной окраине современной ООПТ «Винновская роща» в мае – июле 1918 г. размещалась военная лётная школа³, а 21–22 июля и 12 сентября 1918 г. здесь шли упорные бои между белыми и красными за г. Симбирск⁴. Кроме того, на этой территории располагались: в 1920–1921 гг. подразделение Частей Особого Назначения – ЧОН⁵, с 1922 г. лагеря 2-го Симбирского (Ульяновского) стрелкового полка (1-я Казанская стрелковая дивизия), впо-

¹ Клейма на патронах и оружии (Австралия, Австрия, Австро-Венгрия, Англия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Буркина Фасо, Венгрия, Венесуэла, Вьетнам Южный, Гватемала). Справочное пособие для экспертов-криминалистов. – М., 1995. – С. 12-35, 97-111; Клейма на патронах и оружии (Германия, ГДР, ФРГ, Греция, Дания, Доминиканская республика, Египет, Израиль, Индия, Индонезия, Иран, Ирак). Справочное пособие для экспертов-криминалистов. – М.: Можайск-Терра, 1996. – С. 6-79; Клейма на патронах и оружии (Испания, Италия, Камбоджа, Камерун, Канада, Китай, Колумбия, Корея Северная, Корея Южная, Куба, Ливан, Литва, Малайзия, Марокко, Мексика, Монтенегро (Черногория), Нигерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Перу, Польша, Португалия, Россия, Румыния, СССР, Тайвань). Справочное пособие для экспертов-криминалистов. – М., 1997. – С. 133-165; Клейма на патронах и оружии (Саудовская Аравия, Сербия, Сингапур, Сирия, Судан, США, Таиланд, Турция, Уругвай, Филиппины, Финляндия, Франция, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Эфиопия, ЮАР, Югославия, Япония). Справочное пособие для экспертов-криминалистов. – М., 2000. – С. 13-91, 108-153.

² URL: <http://ammocollection.com/index.php>; <http://www.municion.org>

³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

⁴ Ермолаев А. Д., Яблочков В. А. Радость дорог: (путеводитель для туристов). – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1990. – С. 227-229; Гай Г. Д. В боях за Симбирск (Краткий очерк гражданской войны в губернии). – Ульяновск, 1928. – С. 30-31; Гимельштейн Н. С бронепоездом «Свобода или смерть» // 1918 год на родине Ленина. – Куйбышев, 1936. – С. 217-218.

⁵ ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

следствии – лагеря 100-го стрелкового полка⁶, лагеря ОСОАВИАХИМа⁷, а в 1942–1944 гг. зенитно-артиллерийская позиция⁸. Все эти формирования в той или иной степени занимались стрелковой подготовкой, существовало даже особое «Винновское стрельбище», на котором проводились тактическо-стрелковые учения с имитированием группового боя⁹, где применялись как холостые, так и боевые патроны. Очевидно, холостые патроны использовались также и при подготовке служебных собак и голубей в Клубе служебного собаководства и голубеводства¹⁰.

Все вышеописанные исторические события оставили после себя многочисленный вещественный материал, в первую очередь, винтовочные гильзы.

Необходимо признать, что часть гильз с маркировкой по 1918 г. включительно могла попасть на исследуемую территорию в период Гражданской войны. Однако, есть факты, позволяющие предполагать, что большая часть патронов с маркировкой по 1918 г. оказалась в культурном слое в 20–40-е гг. XX века. Например, была обнаружена ямка размером 25 x 25 см, заполненная 38 гильзами: из них 21 шт. производства Российской империи в период с 1896 по 1912 гг.; 15 шт. производства РСФСР 1921 и 1922 гг.; 2 шт. производства Германской империи в 1905 и 1906 гг. Кроме того, вместе с гильзами была обнаружена английская рамочная патронная обойма к винтовкам Ли-Энфилд образца 1904 г.

⁶ ГАУО. Ф. Р-4062. Оп. 1. Д. 37. Л. 5; ГАУО. Ф. Р-4258. Оп. 1. Д. 40. Л. 101; Вуколов Н. Газовая атака. Всегда наготове. Киндяковку врагу не отдадим. (2-й Ульяновский стрелковый полк) // Пролетарский путь – 1925, 25 июля. – С. 3.

⁷ Наш вклад в оборону страны (в краевом Осоавиахимовском лагере) // Пролетарский путь – 1935, 1 августа. – С. 2; Дубов А. Быстрые, смелые, верные // Пролетарский путь – 1936, 5 июня. – С. 3.

⁸ ГАУО. Ф. Р-4062. Оп. 1. Д. 34. Л. 29.

⁹ Кулешов. Показательный бой около Винновки // Пролетарский путь – 1925, 9 августа. – С. 2; 18; Лютов А. 4-го октября показательный бой под Винновкой // Пролетарский путь – 1925, 3 октября. – С. 2.

¹⁰ Дубов А. Указ. соч.; ГАУО. Ф. Р-4258. Оп. 1. Д. 40. Л. 101.

Гильзы от 7,62 мм отечественного винтовочного патрона (7,62x53 R)

В Российской империи 7,62 мм отечественные винтовочные патроны (7,62x53 R) или, по терминологии того времени, трёхлинейные винтовочные патроны, изготавливались тремя патронными заводами – двумя казёнными (Петербургским/Петроградским и Луганским) и одним частным (Тульским), не уступавшим по мощности казённым¹¹.

В марте 1918 г. под угрозой наступления немцев¹² Петроградский завод получил распоряжение срочно привести в нерабочее состояние все ответственные станки и механизмы. Затем завод было решено эвакуировать в г. Симбирск, где ещё в 1916 г. было начато строительство нового патронного завода, в который и было решено влить Петроградский завод.

В мае 1918 г. в г. Симбирск прибыл первый эшелон, после чего были начаты работы по монтажу оборудования. В конце июля 1918 г. город был занят войсками Комуца и мятежным Чехословацким корпусом, в результате эвакуация была приостановлена. Чехословаками было потоплено восемь барж с особо ценным грузом (медь, никель, инструментальная сталь, гильзы, пули и прочее).

Ликвидация Петроградского патронного завода, вовлечение в сферу военных действий периода Гражданской войны территорий, на которых располагались Симбирский и Луганский патронные заводы определили необходимость создания ещё одного патронного завода. Новый патронный завод было решено организовать на базе завода Зингера в г. Подольске. В связи с этим грузы Петроградского патронного завода были направлены вместо г. Симбирска, занятого белыми, в г. Подольск и продолжали туда поступать до освобождения г. Симбирска от белых в сентябре 1918 г. С этого времени грузы Петроградского патронного завода стали направляться по двум адресам: в г. Подольск и в г. Симбирск. Распределение производилось с таким расчётом,

¹¹ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в Мировую войну. – М., 1937. – С. 436; Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Том II. – М., 1949. – С. 305–314; Михайлов В. С. Очерки по истории военной промышленности. – М., 1928. – С. 137–151.

¹² Барсуков Е. З. Указ. соч. – С. 309.

чтобы Петроградский патронный завод планомерно и комплектно, по мере возможности, наплат своим оборудованием оба новых завода.

В декабре 1918 г. эвакуация Петроградского патронного завода была завершена. Симбирский патронный завод к январю 1919 г. уже выпускал до трёх миллионов патронов в месяц¹³.

В первой четверти XX века 7,62 мм отечественный винтовочный патрон (7,62x53 R) использовался в следующих видах стрелкового оружия: 7,62 мм (трёхлинейная) винтовка (карабин) Мосина образца 1891/1930 гг., пулемёт «Максим» образца 1910/1930 гг., ручной пулемёт «Льюис» (производства США).

На территории ООПТ «Винновская роща» обнаружено 701 шт. гильз от 7,62 мм отечественного винтовочного патрона, из них 171 шт. (24,4%) выпущены в Российской империи за период с 1895 по 1917 гг. (таблица 1), 454 шт. (64,8%) выпущены в РСФСР/СССР (таблица 2) и 76 шт. (10,8%) – иностранного производства (таблица 3).

Максимальное количество обнаруженных гильз выпущены в СССР/РСФСР: 89 шт. – 1928 г., 77 шт. – 1923 г. и 74 шт. – 1922 г.

Гильзы Российской империи, РСФСР и СССР произведены на всех существовавших в исследуемый период отечественных патронных заводах.

Среди производителей Российской империи (Таблица 1) первое место занимает Луганский патронный завод (68 шт. – 39,8%), второе – Петербургский/Петроградский патронный завод (59 шт. – 34,5%) и третье – Тульский патронный завод (44 шт. – 25,7%), т.е. доминируют казённые патронные заводы.

Из Таблицы 1 видно, что отечественных гильз периода Первой мировой войны встречается меньше относительно других годов. Такое соотношение можно объяснить тем, что все патроны этого периода выпуска, ввиду острой нехватки боеприпасов в действующей армии, направлялись напрямую на фронт.

¹³ Михайлов В. С. Указ. соч. – С. 390–392.

Среди гильз производства Российской империи значительно доминируют гильзы от холостых патронов (137 шт. – 80,1%). Очевидно, это вызвано тем, что боевые патроны в первую очередь направлялись на фронты Русско-японской и Первой мировой войн, а холостые оставались в тыловых частях и позднее «по наследству» перешли Рабоче-Крестьянской Красной Армии – РККА.

Из производителей РСФСР/СССР (Таблица 2) первое место занимает Симбирский патронный завод (188 шт. – 41,4%), второе – Тульский патронный завод (182 шт. – 40,1%), третье – Луганский патронный завод (54 шт. – 11,9%), четвёртое – Подольский патронный завод (26 шт. – 5,7%), пятое – Петроградский/Петербургский патронный завод (4 шт. – 0,9%). Среди гильз производства РСФСР/СССР значительно доминируют гильзы от боевых патронов (361 шт. – 79,5%).

Из Таблицы 3 видно, что поставки 7,62 мм отечественного винтовочного патрона (7,62x53 R) иностранного производства имеют два этапа:

I этап – 1905–1906 гг. – вызван русско-японской войной (1904–1905 гг.);

II этап – 1916–1917 гг. – вызван Первой мировой войной (1914–1918 гг.).

На I этапе поставлялись преимущественно холостые патроны, а на II этапе – исключительно боевые.

Кроме того, из Таблицы 3 видно, что на I этапе боеприпасы поставлялись из трёх государств: Австро-Венгерской империи (52,6%), Германской империи (42,1%) и Королевства Бельгия (5,3%). Из Австро-Венгерской и Германской империй боеприпасы поставлялись двумя патронными заводами, а из королевства Бельгия – одним. На II этапе боеприпасы поставлялись из двух государств: Британской империи (18,4%) и США (81,6%). Здесь отмечено численное доминирование гильз производства США. Из Британской империи боеприпасы поставлялись четырьмя патронными заводами, а из США – тремя.

В целом, за всё время основная доля поставок принадлежит США (40,8%), далее в порядке убывания – Австро-Венгерской империи (26,3%),

Германской империи (21,1%), Британской империи (9,2%) и Королевству Бельгия (2,6%).

Общая доля иностранных гильз от 7,62 мм отечественного винтовочного патрона относительно общего количества гильз иностранного производства разного калибра составляет 61,8%.

Таблица 1

Гильзы производства Российской империи от 7,62 мм отечественного винтовочного патрона (7,62x53 R), шт.

Патронный завод	Годы											
	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Петербургский ¹	1 (1/0)*	6 (0/6)	5 (3/2)	2 (1/1)	1 (1/0)	1 (0/1)	1 (0/1)	–	–	3 (0/3)	11 (2/9)	5 (0/5)
Тульский ²	–	3 (0/3)	1 (0/1)	–	–	–	–	–	–	–	4 (0/4)	–
Луганский ³	–	2 (0/2)	11 (0/11)	3 (0/3)	–	2 (1/1)	–	4 (0/4)	8 (0/8)	2 (1/1)	16 (0/16)	8 (0/8)
<i>Итого</i>	1 (1/0)	11 (0/11)	17 (3/14)	5 (1/4)	1 (1/0)	3 (1/2)	1 (0/1)	4 (0/4)	8 (0/8)	5 (1/4)	31 (2/29)	13 (0/13)
Патронный завод	Годы											
	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	Σ
Петербургский	2 (0/2)	6 (4/2)	–	–	4 (1/3)	5 (0/5)	–	–	1 (1/0)	5 (5/0)	–	59 (19/40)
Тульский	–	–	9 (0/9)	11 (0/11)	–	1 (0/1)	1 (0/1)	1 (1/0)	3 (2/1)	7 (4/3)	3 (2/1)	44 (9/35)
Луганский	–	1 (0/1)	1 (0/1)	4 (0/4)	1 (0/1)	1 (0/1)	–	1 (1/0)	1 (1/0)	1 (1/0)	1 (1/0)	68 (6/62)
<i>Итого</i>	2 (0/2)	7 (4/3)	10 (0/10)	15 (0/15)	5 (1/4)	7 (0/7)	1 (0/1)	2 (2/0)	5 (4/1)	13 (10/3)	4 (3/1)	171 (34/137)

Примечание:

* – Здесь и далее в скобках: в числителе указано количество гильз от боевых патронов, а в знаменателе – от холостых. Жирным шрифтом выделено общее количество гильз. Гильзы от холостых патронов отличались от боевых по завальцовке ободка дульца гильзы, кроме того, начиная с 1915 г. у Тульского патронного завода (позднее и у всех остальных патронных заводов) – по дульцу с обжатыми лепестками.

Поставщики латуни кодировались следующими литерами: Г – «Торговый дом фон Гилленшмидта, Стандершельда и Шекаразина», г. Тула; К – «Товарищество Кольчугина», п. Кольчугино Владимирской губернии; Р – «Завод Розенкранц», г. Санкт-Петербург; Т – «Акционерное об-

щество Тульских меднопрокатных и патронных заводов», г. Тула; Ф – «Общество франко-русских заводов», г. Санкт-Петербург. I, II, III – обозначение трети года выпуска патрона.

¹ – Маркировка: П 95 К III; П 96 Г I; П 96 Р I; П 96 Ф II; П 96 Ф III; П 97 К II; П 97 Ф I; П 97 Ф III; П 98 Р III; П 98 Ф I; П 99 Ф I; П 00 Р II; П 01 Ф II; П 04 К III; П 04 Ф III; П 05 III; П 05 Р I; П 05 Р II; П 05 Т I; П 05 Т II; П 05 Т III; П 05 Ф II; П 05 Ф III; П 06 Р I; П 06 Р II; П 06 Т I; П 06 Ф I; П 07 Ф III; П 08 Р II; П 08 Т III; П 08 Ф I; П 08 Ф II; П 11 К III; П 11 Т III; П 12 Т II; 15 П; 16 П.

С 1914 г. Петербургский патронный завод стал называться Петроградским.

² – Маркировка: Л 96 Г; Л 96 К I; Л 97 Г II; Л 97 К I; Л 98 Г I; Л 900 Г II; Л 900 Г III; Л 902 Г III; Л 902 К I; Л 902 К II; Л 902 К III; Л 903 К II; Л 904 Р III; Л 904 Ф III; Л 905 К II; Л 905 К III; Л 905 Р II; Л 906 Г I; Л 906 К III; Л 908 Г III; Л 909 Р II; Л 910 К III; Л 910 Т I; Л 910 Т II; Л 910 Ф I; Л 911 Т II; Л 912 Т I; Л 914; Л 915; Л 916; Л 917.

³ – Маркировка: П. ТУЛЬСКИЙ З. 96; П. ТУЛЬСКИЙ З. 97; П. ТУЛЬСКИЙ З. 905; Т 09; Т 10; Т 12; Т 13; Т 14; Т 15; Т 16; Т 17.

Таблица 2

Гильзы производства РСФСР/СССР от 7,62 мм отечественного винтовочного патрона (7,62x53 R), шт.

Патронный завод	Годы							
	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Петроградский ¹	2 (2/0)	2 (0/2)	–	–	–	–	–	–
Тульский ²	–	3 (3/0)	5 (3/2)	13 (9/4)	69 (66/3)	4 (2/2)	4 (2/2)	8 (5/3)
Луганский ³	–	–	–	3 (0/3)	1 (0/1)	2 (2/0)	6 (6/0)	2 (1/1)
Подольский ⁴	–	–	–	6 (5/1)	2 (0/2)	–	4 (0/4)	–
Симбирский ⁵	–	2 (2/0)	6 (5/1)	12 (10/2)	2 (0/2)	71 (71/0)	2 (1/1)	3 (0/3)
<i>Итого</i>	2 (2/0)	7 (5/2)	11 (8/3)	34 (24/10)	74 (66/8)	77 (75/2)	16 (9/7)	13 (6/7)

Патронный завод	Годы							Σ
	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	
Петроградский	–	–	–	–	–	–	–	4 (2/2)
Тульский	26 (24/2)	6 (4/2)	36 (27/9)	7 (1/6)	–	1 (1/0)	–	182 (147/35)
Луганский	12 (10/2)	14 (7/7)	7 (0/7)	3 (3/0)	2 (1/1)	1 (0/1)	1 (0/1)	54 (30/24)
Подольский	–	4 (1/3)	5 (0/5)	4 (0/4)	–	1 (1/0)	–	26 (7/19)
Симбирский	15 (15/0)	5 (3/2)	41 (40/1)	–	–	27 (27/0)	2 (1/1)	188 (175/13)
<i>Итого</i>	53 (49/4)	29 (15/14)	89 (67/22)	14 (4/10)	2 (1/1)	30 (29/1)	3 (1/2)	454 (361/93)

Примечание:

¹ – Маркировка: 18 П; 19 П.

² – Маркировка: 3 Т 19; 4 Т 19; Т 20; 3 Т 20; 4 Т 20; 1 Т 1; 2 Т 1; 1 Т 2; 2 Т 2; 3 Т 2; 4 Т 2; 1 Т 3; 2 Т 3; 1 Т 4; Т 25; Т 26; Т 27; Т 28; Т 29; Т 31.

³ – Маркировка: Л 21-I; Л 21-II; Л 21-III; Л 22-1; Л 3-23; Л 1-24; Л 3-24; Л 1-25; Л 3-25; Л 26; Л 1-26; Л 3-26; Л 4-26; Л 27; Л 1-27; 60 28; 60 29; 60 30; 60 31; 60 32.

⁴ – Маркировка: П 21; П 22; П 24; П 27; 17 28; 17 29; 17 31.

⁵ – Маркировка: 19 С; 20 С; 21 С; 22 С; 23 С; 24 С; 25 У; 26 У; 27 У; 28 ЗВ; ЗВ 31; ЗВ 32.

С 9 ноября 1922 г. Симбирский патронный завод № 3 стал именоваться заводом им. Володарского.

Таблица 3

Гильзы импортного производства от 7,62 мм отечественного винтовочного патрона (7,62x53 R), шт.

Патронный завод	Годы				Σ
	1905	1906	1916	1917	
<i>Австро-Венгерская империя</i>					
Hirtenberger Patronen Zündhütchen und Metallwarenfabrik ¹	10 (0/10)	2 (1/1)	–	–	12 (1/11)
Manfred Weiss Patronenfabrik ²	4 (0/4)	4 (0/4)	–	–	8 (0/8)
<i>Германская империя</i>					
Deutsche Waffen und Munitionsfabriken ³	9 (0/9)	1 (0/1)	–	–	10 (0/10)
Polte Armaturen und Maschinenfabrik ⁴	5 (0/5)	1 (0/1)	–	–	6 (0/6)
<i>Королевство Бельгия</i>					
Fabrique Nationale ⁵	2 (1/1)	–	–	–	2 (1/1)
<i>Британская империя</i>					
George Kynoch & Co. ⁶	–	–	–	3 (3/0)	3 (3/0)
Royal Laboratory ⁷	–	–	–	1 (1/0)	1 (1/0)
Birmingham Metal and Munition Co. Factory in Birmingham ⁸	–	–	–	2 (2/0)	2 (2/0)

Таблица 3
(Продолжение)

Патронный завод	Годы				Σ
	1905	1906	1916	1917	
British National Cartridge Factory (Government Factory N° 1) ⁹	–	–	–	1 (1/0)	1 (1/0)
<i>Соединённые Штаты Америки</i>					
Winchester Repeating Arms Co. ¹⁰	–	–	6 (6/0)	1 (1/0)	7 (7/0)
Remington Arms Co. ¹¹	–	–	–	6 (6/0)	6 (6/0)
United States Cartridge Co. ¹²	–	–	16 (16/0)	2 (2/0)	18 (18/0)
<i>Итого</i>	30 (1/29)	8 (1/7)	22 (22/0)	16 (16/0)	76 (40/36)

Примечание:

¹ – Маркировка: X 05; X 06.

² – Маркировка: В 1905; В 1906.

³ – Маркировка: DM 1905; DM 1906.

⁴ – Маркировка: 19 P 05 M; 19 P 06 M.

⁵ – Маркировка: FN 1905.

⁶ – Маркировка: КАЙНОКЪ 1 17.

⁷ – Маркировка: RAL 17 7.62.

⁸ – Маркировка: В-17 7.62.

⁹ – Маркировка: G.17.F-1 7.62.

¹⁰ – Маркировка: W 16; W 17.

¹¹ – Маркировка: REMINGTON 17.

¹² – Маркировка: U.S.C.Co. 16; U.S.C.Co. 17.

Гильзы от 7,7 мм английского винтовочного патрона (.303 British)

7,7 мм английский винтовочный патрон (.303 British) использовался в следующих видах стрелкового оружия: винтовка Ли-Энфилд образца 1904 г., пулемёт «Виккерс», ручной пулемёт «Льюис» (производства Британской империи).

Как видно из Таблицы 4, данный патрон поставлялся в Российскую империю в период Первой мировой войны (1915–1918 гг.) шестью патронными заводами Британской империи и одним – США.

Общая доля гильз от 7,7 мм английского винтовочного патрона относительно общего количества гильз иностранного производства разного калибра составляет 8,9%.

Таблица 4

Гильзы от 7,7 мм английского винтовочного патрона (.303 British), шт.

Патронный завод	Годы				Σ
	1915	1916	1917	1918	
<i>Британская империя</i>					
Kings Norton Metal Co. ¹	–	2 (2/0)	–	1 (1/0)	3 (3/0)
Nobel Dynamit Co. (Manchester branch office) ²	–	1 (1/0)	–	–	1 (1/0)
Birmingham Metal and Munition Co. Factory in Waltham ³	–	2 (2/0)	1 (1/0)	–	3 (3/0)
Birmingham Metal and Munition Co. Factory in Birmingham ⁴	1 (1/0)	–	–	–	1 (1/0)
British National Cartridge Factory (Government Factory N ^o 1) ⁵	–	–	–	1 (1/0)	1 (1/0)
Royal Laboratory ⁶			1 (1/0)		1 (1/0)
<i>Соединённые Штаты Америки</i>					
Peters Cartridge Co. ⁷		1 (1/0)			1 (1/0)
<i>Итого</i>					11 (11/0)

Примечание:

¹ – Маркировка: K-16 VII; K-18 VII Z.;

² – Маркировка: M-16 VII.

³ – Маркировка: J-16 VII; J-17 VII.

⁴ – Маркировка: B-15 VII.

⁵ – Маркировка: G.18.F.I VII.Z.

⁶ – Маркировка: RAL.

⁷ – Маркировка: P 16 VII.

Гильзы от 8 мм французского винтовочного патрона (8x50 R)

8 мм французский винтовочный патрон (8x50 R) использовался в следующих видах стрелкового оружия: винтовка (карабин) Лебель образца 1886/93 гг., винтовка (карабин) Бертье образца 1892/1916 гг., пулемёт «Гочкисс», ручной пулемёт Шоша.

Как видно из Таблицы 5, данный патрон поставлялся в Российскую империю в период Первой мировой войны (1916 и 1918 гг.) двумя патронными заводами Французской республики.

Общая доля гильз от 8 мм французского винтовочного патрона относительно общего количества гильз иностранного производства разного калибра составляет 13,0%.

Таблица 5

Гильзы от 8 мм французского винтовочного патрона (8x50 R), шт.

Патронный завод	Годы		Σ
	1916	1918	
Atelier de Fabrication de Vincennes ¹	4 (4/0)	–	4 (4/0)
Atelier de Construction de Versailles ²	–	12 (12/0)	12 (12/0)
<i>Итого</i>	4 (4/0)	12 (12/0)	16 (16/0)

Примечание:

¹ – Маркировка: 3 ART.D 16 A. RS. M; 5 ART.D 16 A. RS. M; 6 ART.D 16 A. RS. M.

² – Маркировка: VS 18 T 3; VS 18 I 3; VS 18 P 2; VS 18 R 2.

Гильзы от 11 мм винтовочного патрона (11x59 R Gras)

11 мм винтовочный патрон (11x59 R Gras) использовался для винтовок (карабина) Гра образца 1874 г. и Гра-Кропачек образца 1884 г.

Как видно из Таблицы 6, данный патрон поставлялся в Российскую империю в 1915–1917 гг. из США (один патронный завод) и Французской республики (один патронный завод).

Общая доля гильз от 11 мм винтовочного патрона относительно общего количества гильз иностранного производства разного калибра составляет 5,7%.

Таблица 6

Гильзы от 11 мм винтовочного патрона (11x59 R Gras), шт.

Патронный завод	Годы			Σ
	1915	1916	1917	
<i>Соединённые Штаты Америки</i>				
Western Cartridge Co. ¹	3 (3/0)	1 (1/0)	1 (1/0)	5 (5/0)
<i>Французская республика</i>				
Société Française des Munitions ²	2 (2/0)			2 (2/0)
<i>Итого</i>				7 (7/0)

Примечание:

¹ – Маркировка: WESTERN 9-15; WESTERN 5-16; WESTERN 2-17.² – Маркировка: * S.F.M * GG. Год производства не указан, точные сроки поставок определить невозможно.*Гильзы от 6,5 мм японского винтовочного патрона (6,5x51 SR Arisaka)*

6,5 мм японский винтовочный патрон (6,5x51 SR Arisaka) использовался исключительно для винтовки Арисака образца 1905 г.

Как видно из Таблицы 7, данный патрон поставлялся в Российскую империю в 1915–1917 гг. из Британской империи (один патронный завод) и Японской империи (один патронный завод).

Общая доля гильз от 6,5 мм японского винтовочного патрона относительно общего количества гильз иностранного производства разного калибра составляет 10,6%.

Таблица 7

Гильзы от 6,5 мм японского винтовочного патрона (6,5x51 SR Arisaka)

Патронный завод	Годы			Σ
	1915	1916	1917	
<i>Британская империя</i>				
Kings Norton Metal Co. ¹	–	3 (3/0)	7 (7/0)	10 (10/0)
<i>Японская империя</i>				
Не установлен ²		3 (3/0)		3 (3/0)
<i>Итого</i>				13 (13/0)

Примечание:

¹ – Маркировка: К 16; К 16 П; К 17 П.

² – Маркировка: гильза без маркировки, что соответствует производству непосредственно в Японии¹. Прямые поставки патронов из Японии осуществлялись с 1915 по 1916 гг. Кроме того, есть сведения о производстве данного типа боеприпасов из японских комплекующих на Петроградском патронном заводе², а после его расформирования – на Подольском и Симбирском патронных заводах до 1924 г.³.

Заключение

1. Можно выделить два этапа импортных поставок боеприпасов к стрелковому оружию: I этап – 1905–1906 гг. – вызван русско-японской войной (1904–1905 гг.); II этап – 1915–1918 гг. – вызван Первой мировой войной (1914–1918 гг.).

2. Страны-поставщики боеприпасов к стрелковому оружию:

I этап – Австро-Венгерская империя, Германская империя, Королевство Бельгия; II этап – Британская империя, Соединённые Штаты Америки, Французская республика, Японская империя.

3. На I этапе производилась поставка боеприпасов исключительно для отечественного оружия – винтовки Мосина, а на II этапе – для всех образцов, состоящих на вооружении. Относительно II этапа можно отметить, что поставки ранее не выпускавшихся в странах Антанты и США 7,62 мм отече-

¹ URL: <http://ammocollection.com/index.php>

² Залюбовский А. П. Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулемётами, револьверами и патронами к ним. – Белград, 1936. – С. 103–106.

³ URL: <http://ammocollection.com/index.php>

ственных винтовочных патронов (7,62x53 R) начались только в 1916 г., а поставки других видов боеприпасов, которые ранее уже выпускались в этих государствах, – с 1915 г.

4. РСФСР, а позднее и СССР, в исследуемый период закупками боеприпасов не занимались, но активно эксплуатировали запасы, доставшиеся от Российской империи, в том числе и боеприпасы импортного производства.

5. На I этапе поставлялись преимущественно холостые патроны, а на II этапе – исключительно боевые.

Лев Николаевич Лютов
Lev N. Liutov

**Великая война, коммунистическая национализация и
социалистический Комуч**

**The First World War, the Communist and the socialist nationalization of
the Committee of the constituent Assembly (Komuch)**

Статья посвящена вопросам реализации декрета о национализации крупной промышленности в Среднем Поволжье. Автор раскрывает особенности, формы и виды деятельности в реализации этой политики. Особое внимание обращается на мероприятия Комуча по денационализации. На основе анализа можно констатировать, что, несмотря на сепаратный мир, война продолжала серьёзно влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в России. Чехословацкий корпус и социалистический Комуч сыграли определённую роль в том, что в Среднем Поволжье впервые возникает социалистическая альтернатива коммунистическому огосударствлению экономики. Кроме того, можно отметить, что процесс национализации промышленности в Среднем Поволжье имел свои особенности.

The article is devoted to the realization of the decree on the nationalization of major industries in the Middle Volga region. The author disclosed the features, forms and types of activities in the realization of this policy. The author draws special attention to the events of Komuch on denationalization. On the base of the analysis it can be stated that, despite the separate peace, the war continued to seriously affect the political situation in Russia. The Czechoslovak corps and the socialist Komuch played a role in the fact that in the Middle Volga region for the first time emerges the socialist alternative to the Communist nationalization of the economy. It can be noted that the process of nationalization of industry had its own characteristics in the Middle Volga region.

Ключевые слова: *Первая мировая война, военный коммунизм, национализация, комитет Учредительного собрания, мятеж Чехословацкого корпуса, Среднее Поволжье, губернский совет народного хозяйства.*

Keywords: *the First World War, War Communism, nationalization, Constituent Assembly Committee, revolt of the Czechoslovak Corps, Middle Volga region, The Provincial council of the national economy.*

Несмотря на сепаратный Брестский мир с Германией и выход Советской России из Великой войны, которая по-прежнему, самым серьёзным образом воздействовала на внутренние процессы в стране. В данной статье речь пойдёт о реализации военно-коммунистического декрета о национализации крупной

промышленности от 28 июня 1918 г. В Среднем Поволжье процесс национализации имел свои особенности в связи с событиями, связанными с выступлением чехословацкого корпуса. Как известно, это выступление, было вызвано попыткой коммунистического руководства в мае 1918 г. задержать все эшелоны, а потом разоружить и расформировать части чехословацкого корпуса. Телеграмма наркомвоенмора Троцкого 25 мая «всем совдепам по линии от Пензы до Омска» не оставляла никаких сомнений в решительных намерениях советских властей. Однако попытки разоружить легионеров привели к тому, что в ряде мест власть большевиков была свергнута.

8 июня 1918 г. в захваченной чехословаками Самаре было организовано первое в России социалистическое правительство – Комитет членов учредительного собрания (Комуч). В первом приказе оно объявило советскую власть, власть компартии в Самарской губернии «низложенной». Одновременно восстанавливались все органы местного самоуправления.

Самарский губернский совет народного хозяйства (ГСНХ) сохранил название, но изменилось содержание его деятельности. 21 июня была создана комиссия по его реорганизации, которая руководствовалась следующими принципами: 1) экономический орган должен быть узко компетентным с областной сферой действия (однако включать в себя не только Самарскую губернию, но и районы, экономически тяготеющие к ней); 2) представительство в пленуме [губсовнархоза – Л.Л.] общественно-демократических групп предполагалось сохранить, но одновременно отмечалось, что «чрезвычайная громоздкость представительства от общественных, рабочих и кооперативных организаций делало пленум неработоспособным»; 3) за основу реорганизации взяли положение Временного правительства о районных экономических комитетах¹.

Исходя из первого принципа, ГСНХ на прилегающих территориях должны были ликвидироваться. Поэтому после захвата 22 июля 1918 г. Сим-

¹ ГАСО (Государственный архив Самарской области). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 25. Л. 34 об.

бирска для ликвидации местного ГСНХ была создана специальная коллегия². Уездные СНХ также упраздняли, и вместо них для «упорядочения хозяйственной жизни уезда» уездному уполномоченному Комуча предлагалось образовывать совещательные органы, «приглашая в состав их местных деятелей, зарекомендовавших себя деловой опытностью вне зависимости от их партийной принадлежности»³.

В дальнейшем Самарский ГСНХ лишился целого ряда функций, передавая их различным министерствам и ведомствам⁴. В условиях восстановления частной собственности на крупные предприятия, орган призванный централизованно управлять хозяйственной жизнью и, в частности, промышленностью, просто не мог существовать. Поэтому он и превратился при власти Комуча в фикцию.

Уже 8 июня Комучем создаётся комиссия по денационализации заводов и предприятий, которая постановила признать, что: «1) В пределах Самарской губернии национализированных по декрету Совета Народных Комиссаров предприятий нет. 2) Право собственности владельцев на захваченные и отобранные у них предприятия не [является] уничтоженным». Комиссары и заведующие советскими предприятиями обязаны были в трёхдневный срок сдать все дела восстановленным органам»⁵. Для разъяснения деловым кругам дальнейшей политики Комуча его член И. М. Брушвит 9 июня созвал совещание представителей местных банков и торгово-промышленных кругов. На нём он заявил: «В области финансово экономической отменяются национализация банков, торговли, промышленности и вообще всякие стеснения личной инициативы и предприимчивости, частный торгово-промышленный аппарат должен

² ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 16. Л. 60.

³ Известия комитета защиты. Издание Ставропольского уездного комитета защиты Учредительного собрания. – Ставрополь. – 1918, 7 июля.

⁴ Известия Самарского губернского Совета Народного Хозяйства. – 1918. – № 14. – С. 8.

⁵ Самарская губерния в годы гражданской войны (1918-1920 гг.): Документы и материалы. – Куйбышев, 1958. – С. 32.

быть восстановлен»⁶. Уже через несколько дней, 12 июня, Комуч издаёт приказ №16 о денационализации частных банков, а 17 июня финансовый совет при Комуче объявил о восстановлении частной собственности на процентные бумаги⁷. Следующим шагом Комуча стала денационализация фабрично-заводских предприятий (приказ №19) в начале июля⁸.

Все эти мероприятия Комуча означали реставрацию рыночной экономической системы. Да этого и не скрывали его социалистические лидеры. Так, председатель Комуча В.К. Вольский заявил: «...капиталистический строй в настоящее время отменен быть не может. Капиталистическая промышленность должна существовать, и класс капиталистов должен иметь возможность вести промышленность»⁹. Совет Самарского общества заводчиков и фабрикантов в воззвании к членам общества не скрывал радости по поводу того, что после «более чем полугодовой анархии» образовалась вменяемая власть¹⁰.

Документы свидетельствуют, что после реорганизации ГСНХ должен был разработать порядок возврата захваченных предприятий, обратив внимание на выяснение «причин захватов оных и ликвидацию отсюда убытков»¹¹. Для практического осуществления денационализации предприятий в начале июля 1918 г. была создана специальная комиссия¹². В начале сентября «для ускорения работ» она подготовила приказ об организации соответствующих уездных комиссий¹³.

Однако в Самарской губернии при попытке владельцев мельниц вернуть их профсоюз пищевых рабочих заявил категорический протест, пригрозив

⁶ Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. – Куйбышев, 1972. – С. 134.

⁷ Басин С. Г. Комуч в Самаре в 1918 г. // Уч. зап. (Куйбышев. пед. ин-т). Вып.18. – Куйбышев, 1957. – С. 109.

⁸ Гармиза В. Рабочие и большевики Среднего Поволжья в борьбе с самарской учредилкой // Исторические записки. Т. 53. – М., 1955. – С. 34.

⁹ Васильев Г. В. Большевики Среднего Поволжья – организаторы борьбы трудящихся против эсеровского «правительства» Комуча // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг. – М., 1974. – С. 136.

¹⁰ Волжское слово (Самара). – 1918, 3 июля.

¹¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 25. Л. 40.

¹² Попов Ф. Г. Указ. соч. – С. 160.

¹³ Известия Самарского губернского Совета Народного Хозяйства. – 1918. – №10. – С. 15.

всеобщей забастовкой¹⁴. Процесс денационализации встретился с сопротивлением не только рабочих. Крупные владельцы согласились на приватизацию лишь при условии компенсации убытков, понесенных вследствие национализации¹⁵.

Такие условия оказались неприемлемыми для социалистического Комуча, который признал действия Общества фабрикантов и заводчиков «не отвечающим государственным нуждам и интересам данного момента»¹⁶. Меншеvistский печатный орган «Вечерняя заря» охарактеризовал эти требования Общества фабрикантов и заводчиков как «дикие, ростовщические счета»¹⁷.

В конечном счёте, усилия Комуча договориться с владельцами крупных предприятий, которые заняли резко непримиримую позицию, оказались безрезультатными. В этой ситуации Комуч национализировал ряд предприятий¹⁸. Тем более, что приватизация порой ухудшала положение рабочих. Так, около 800 рабочих Богатовского сахарного завода (село Богатое, Самарская губ.) были уволены вследствие передачи завода владельцам. Возвращавшиеся собственники стремились к пересмотру штата предприятия и сокращению персонала¹⁹. В результате этого положение в промышленности еще более усугубляется, расстройство хозяйственной жизни усиливается. Как отмечалось в докладе заведующего отделам контроля Симбирского ГСНХ, состояние промышленных предприятий в это время было «самое критическое. Работали несколько лесопильных заводов, несколько мельниц и некоторое число других отраслей промышленности»²⁰. В Ставропольском уезде Самарской губернии отсутствие ремонта и расхищение машинных частей привела к тому, что в начале

¹⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 397. Л. 28.

¹⁵ Известия Самарского губернского Совета Народного Хозяйства. – 1918. – № 14. – С. 8.

¹⁶ Волжское слово (Самара). – 1918, 23 июля.

¹⁷ Вечерняя заря (Самара). – 1918, 9 августа.

¹⁸ Красная летопись: материалы к истории советского строительства в Самарской губернии (октябрь 1917 г. – апрель 1921 г.). – Самара, 1921. – С. 159.

¹⁹ Кряжимский С. В. Самарский губсовнархоз в первые годы Советской власти // Труды (Куйбышев. инженерно-строит. ин-т). Вып. VI. Кафедра общественных наук. – Куйбышев, 1958. – С. 133.

²⁰ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 21. Л. 202 об.

1919 г. из 35 мельниц половина не работала, а остальные были накануне остановки, так как им требовался значительный ремонт. Из семи лесопильных заводов ни один не работал из-за расхищения машинных частей, ремней. Разрушены были и кирпичные заводы²¹.

Ещё один сильный удар по промышленности Среднего Поволжья был нанесён в момент отступления белых частей. В Самаре, например, такие заводы как Трубочный, Сергиевский и другие остались без станков²². В Сызрани при эвакуации из города с предприятий было увезено всё – от книг до оборудования²³. После оставления Бугульмы белыми на мельницах и крупянках – единственных предприятиях в уезде – не осталось почти ни одного приводного ремня, а главные машинные части были сняты или испорчены²⁴. Уничтожалось, вывозилось не только оборудование, но и сырьё, топливо. Так, в Сызрани на городских складах топливо было слито из баков, а сами баки испорчены²⁵. Нефтепродукты были увезены при вступлении советских войск в Симбирск²⁶. Это усугубило тот кризис с топливом, который возник в Среднем Поволжье в конце 1918 – начале 1919 гг.

Понимая характер большевистской власти, с белыми войсками уходили предприниматели. Например, скрылись «неизвестно куда» многие хозяева лесопильных заводов Симбирской губернии²⁷. Ушла и значительная часть специалистов, что затруднило в дальнейшем восстановление промышленности. Именно на это обстоятельство в своём докладе обращал внимание Симбирского ГСНХ Буинский уездный совнархоз²⁸. Большая часть технического персонала кожевенных предприятий Самарской губернии также покинула губернию

²¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д.180. Л. 291.

²² Самарская губерния в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). – С. 140-142.

²³ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 32. Л. 56.

²⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 183. Л. 15.

²⁵ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 166. Л. 15.

²⁶ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 21. Л. 150.

²⁷ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 14. Л. 335 об.

²⁸ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

вместе с Комучем²⁹. Уходя, владельцы и технический персонал увозили с собой документацию. Так поступили инженеры распорядительной части Симбирского патронного завода, забрав часть его отчётности³⁰.

После ухода владельцев положение рабочих иногда становилось критическим. Они оставались не только без работы, но и без оплаты за уже проделанную работу. В таком положении оказались, например, рабочие, участвовавшие в ремонте Вырыпаевского дрожжевого завода А. А. Сачкова (Симбирская губ.)³¹. Исполком совета Сергиевского завода и окружающего района был вынужден обратиться 24 октября 1918 г. в Самарский ГСНХ ввиду критического положения рабочих заводов взрывчатых веществ, капсульного производства, кожевенного, мыловаренного. Угрожающая ситуация возникла вследствие отсутствия денег в заводских кассах³².

При попытках вывоза властями Комуча с фабрик сырья и оборудования рабочие сопротивлялись. Часто фабзавкомы (ФЗК) налагали запрет. Самарскому союзу металлистов удалось отстоять оборудование различных мастерских³³. Порой наблюдался раскол между верхушкой и рядовыми членами профсоюза. Вопреки позиции правления профсоюза самарских печатников работники смогли помешать эвакуации из Самары оборудования типографий и бумаги³⁴.

Многие рабочие самарских заводов, пытавшиеся противодействовать разрушению заводов, подвергались аресту³⁵. Драматично складывались события в начале октября 1918 г. у разъезда Иващенко близ Самары. Здесь 1 октября, выполняя постановление Комуча, администрация оружейных заводов попыталась вывезти ценные станки. Рабочие решили помешать этому: спрята-

²⁹ Зубцова Н. Самарское профессиональное движение 1917-1918 гг.: К десятилетию Октябрьской революции. – Самара, 1927. – С. 94.

³⁰ ГАУО. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 107. Л. 17.

³¹ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 17. Л. 57 об.

³² ГАКО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.

³³ Зубцова Н. Указ соч. – С. 37, 68.

³⁴ Бубнов А. А. Самарские профсоюзы в период Комуча // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. 3. – Куйбышев, 1973. – С. 85.

³⁵ Попов Ф. Г. Указ. соч. – С. 227.

ли инструменты и наиболее важные части станков для выигрыша времени, а затем, вооружившись, выбили с разъезда местный гарнизон и, таким образом, сорвали эвакуации заводского оборудования. Но на следующий день власти Комуча ввели в Иващенко-во крупныи силы. В результате боевых действий из его шеститысячного населения погибло около тысячи человек [!?!]³⁶. Отступая, белогвардейские войска разрушали дороги, взрывали железнодорожные и гужевые мосты, портили и уничтожали всё, что представляло собой хоть какую-то ценность, лучшие квалифицированные рабочие «увозились»³⁷.

Восстанавливая в сентябре-октябре 1918 г. контроль в Среднем Поволжье, коммунистические власти вновь ликвидировали демократические органы, воссозданные социалистическим Комучем. В Самарской губернии сразу же после захвата Самары было ликвидировано губернское земство и земская управа³⁸. Одновременно восстанавливалась властная инфраструктура большевиков. Ленин 26 октября 1918 г. подписывает постановление СНК от 24 октября об отпуске 10 млн. рублей Наркомвнудел на восстановление советских учреждений в Самарской и Уфимской губерниях³⁹. В ноябре 1918 г. Самарское отделение Народного банка возобновило свою работу и организовало отделения в таких уездных городах как Бузулук, Мелекес, Балаково и др.⁴⁰. Перед финотделом исполкома Симбирского совета в феврале 1919 г. была поставлена задача реэвакуации из Нижнего Новгорода в Симбирск ценностей банков, вывезенных при наступлении чехословаков⁴¹.

Восстанавливались и СНХ, которые должны были поставить на учёт оставленные владельцами предприятия и запустить производство, а также провести инвентаризацию сырья, топлива и организовать снабжение предприятий. Но главное – продолжить национализацию промышленных предприятий.

³⁶ Гармиза В. В. Указ соч. – С. 48.

³⁷ Национализация промышленности в СССР: Сб-к документов и материалов, 1917-1920 гг. – М., 1954. – С. 783.

³⁸ Красное слово (Самара). – 1918, 11 октября.

³⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. – М., 1975. – С. 185.

⁴⁰ Солдат, рабочий и крестьянин (Самара). – 1918, 21 ноября.

⁴¹ ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 27. Л. 215.

Вскоре после возобновления работы 10 октября 1918 г. Самарский ГСНХ принимает постановление о необходимости тщательного осмотра фабзавкомами и профсоюзами тех промышленных предприятий, что были оставлены владельцами. Предлагалось: «1) взять немедленно на учет всё находящееся в промышленных предприятиях, как то: станки, машины, оборудование, инвентарь, готовые изделия, запасы материалов и т.д.; 2) не позднее 22 октября сего года представить материалы по учету имущества в совет народного хозяйства для принятия соответствующих мер»⁴².

С октября 1918 г. по январь 1919 г. Самарским ГСНХ совместно с ФЗК и профсоюзами была проведена огромная работа по учёту промышленных предприятий, и в этом ГСНХ опирался на местные совнархозы. Большая и плодотворная деятельность по учёту предприятий была проведена Симбирским ГСНХ. К концу декабря 1918 г. им было учтено около 1700 предприятий различных отраслей промышленности. Со всеми ними была установлена связь через ФЗК, профсоюзы, контрольные комиссии, волостные советы, артели с целью инструктирования и информирования⁴³. Работа Симбирского ГСНХ оказалась успешной и весьма высоко оценивалась центром. Так, на 7-м губернском съезде советов отмечалось, что «Симбирский Губсовнархоз, даже по мнению центра, один из лучших губсовнархозов Советской Республики»⁴⁴. А на 1-м Симбирском губернском съезде совнархозов представитель ВСНХ заявил, что у него сложилось «яркое представление о прекрасной работе Президиума Губсовнархоза и, если бы в таком положении находились и Совнархозы других губерний, то лучшего нельзя было бы желать»⁴⁵. К концу декабря 1918 г. задача по учёту промышленных предприятий в Самарской и Симбирской губерниях была в основном выполнена.

Можно констатировать, что несмотря на сепаратный мир с немцами, Великая война продолжала серьёзно влиять на внутривластную ситуацию в

⁴² Национализация промышленности в СССР. – С. 438-439.

⁴³ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 21. Л. 203.

⁴⁴ Пролетарий (Симбирск). – 1919, 19 января.

⁴⁵ Экономический путь (Симбирск). – 1919, 11 марта.

России. Чехословацкий корпус и социалистический Комуч сыграли определяющую роль в том, что в Среднем Поволжье впервые возникает социалистическая альтернатива коммунистическому (тотальному) огосударствлению экономики. Кроме того, можно отметить, что процесс национализации промышленности большевиками в Среднем Поволжье имел свои особенности, в частности, на территории данного региона он затормозился из-за выступления чехословацкого корпуса и деятельности Комуча.

Татьяна Юрьевна Кочепасова
Tatyana Y. Kochepasova

Влияние военных конфликтов на морально-психологическую атмосферу в поволжских губерниях в 1920-е гг.

The impact of military conflict on the moral-psychological situation in the Volga provinces in the 1920s

Статья посвящена историческому осмыслению психоневрозам в поствоенном провинциальном обществе 1920-х гг., которые были связаны с переживаниями, тяготами войны, угрозой жизни и благополучию, болезнью или смертью родных, друзей, сослуживцев. Показано, что война вызвала серьезные невротические расстройства и проявления, которые получили массовый характер.

The article is devoted to the historical interpretation of the psychoneuroses living in post-war provincial society of the 1920s, which were associated with the experiences, hardships of war, threat of life and well-being, illness or death of relatives, friends, colleagues. The author found that the war caused serious neurotic disorders and manifestations, which have got mass character.

Ключевые слова: *психологические потери, психоневрозы, психологическое состояние общества, военная медицина, послевоенный синдром, Среднее Поволжье, голод 1921-1922 гг.*

Keywords: *the psychological loss, the psychoneuroses, the psychological condition of society, military medicine, the post-war syndrome, the famine of 1921-1922 in the Volga region,*

Состояние морально-психологической ситуации в начале XX в. определялось особенностями исторической эпохи. Военные действия, революция, голод, послевоенные испытания породили особую социальную психотравмирующую обстановку. Уровень психических расстройств среди участников войны и мирного населения достиг таких размеров, что появился специальный термин «психологические потери»¹.

Непосредственно в армии наибольшее распространение получили так называемые *травматические психозы*. Своим происхождением они обязаны, прежде всего, негативным переживаниям, тяготам войны, связанных с

¹ Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Психологическая помощь военнослужащим в годы Первой мировой войны // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2014. – № 2. – С. 101-110.

угрозой жизни и благополучию, болезнью или смертью родных, друзей, сослуживцев. Война создавала ситуацию открытой, болезненной «усталости жертвовать». Как показывают сводные данные за 1914-1918 гг. по лечебным учреждениям основных фронтов Первой мировой войны, заболевания по психическим показаниям составили в среднем 1,5%. Но эти статистические данные включали главным образом больных с выраженными формами психозов, в то время как больные с пограничными состояниями – невротами и психоневротами – к этой категории не относились. Между тем, больные с невротами составляли 7,1% к числу всех психических болезней и ранений нервной системы, а вместе с травматическим невротом – около 44,7% к числу всех раненых и больных этой категории. По данным обследования раненых и больных в лазаретах Средне-Волжского военного округа, в них было 20% нервноболевных, из которых 4% имели тяжёлые формы².

На основные психозы в русской армии приходилось 40% от числа всех эвакуированных с фронта психических больных. Их характеризовали депрессивные состояния, реактивные параноиды, эмоциональный ступор, сумеречное помрачение сознания, пуэрилизм, маниакальные картины, патологические реакции возбуждения с последующей амнезией и т.п. У 60% эвакуированных наблюдались психогенные формы³. Последствия нервного перенапряжения продолжали сказываться в армии и в мирные годы: в 1924 г. среди больных солдат 21,7% принадлежали к истеричным⁴. Особенностью проявления «военного синдрома» был и убедительный рост в 1920-е гг. эпилептических психоневротозов среди молодежи. Но их вспышки приходились, главным образом, на призывные кампании. По всей вероятности, здесь мы можем наблюдать специфическую форму уклонения от воинской повинности.

Комиссия по обследованию санитарных последствий Первой мировой войны установила, что наибольшее распространение имели ранения конечностей рук и ног (1/3 всех ранений), которые в 30,4% случаев завершались ампутациями, в 15% – параличами и атрофиями, в 11% – ограничением подвижности. Основу реактивных состояний составляли травмы и болезни,

² Иванов Ф. И. Реактивные психозы в военное время. – Л., 1970. – С. 32; Хаханьян Г. Д. Основы военной психологии. – М.-Л., 1929. – С.229.

³ Иванов Ф. И. Указ. соч. – С. 40.

⁴ Хаханьян Г. Д. Указ. соч. – С. 225.

полученные на фронте. Среди ранений 7,8% выпадало на контузии, в том числе – в 61,6% случаев – контузии головы. Трагизм ситуации состоял в том, что подавляющее большинство инвалидов составляли молодые люди 21-29 лет (более 50%) и 30-35 лет (19,7%). Более 42% из них одновременно страдали тифом и дизентерией, в особенности молодые люди 20-24 лет; 49% солдат-инвалидов в возрасте 25-29 лет были больны цингой, сифилисом и пр.⁵ Последнее обстоятельство, а именно высокая заболеваемость солдат венерическими болезнями, была также типичной ситуацией для фронтовой жизни. Уже в первый год службы сифилисом заболело до 10% солдат, на второй год службы – ещё 13,4%, к третьему году больным сифилисом оказывался каждый третий солдат⁶. Всё это особым образом усугубляло клиническую картину травматических психоневрозов.

Подверженные травматическим психозам больные, согласно медицинским описаниям, характеризовались такими чертами как угнетение, душевная тупость, потеря энергии и трудоспособности, спутанность моторики и сознания. Многие больные продолжали остро переживать эпизоды боя, сопровождая их иногда галлюцинациями или бредовым толкованием. Особой, весьма распространенной формой травматических психозов, был так называемый психогенный ступор или «гипноз битв». Человек как бы временно выпадал из нормальной ситуации, отличался тупой задумчивостью, амнезией, отказывался от пищи и общения, не узнавал своих товарищей. На фоне течения инфекционной болезни или алкоголизма наблюдалось депрессивное, тоскливое состояние, неудовлетворенность и опасения возвращения к мирной жизни.

Основным психоневрозом, поразившим уже послевоенное общество, был *психоз истощения*. В марте 1921 г. в губерниях Поволжья разразился голод, который к июлю принял угрожающие размеры. Полное отсутствие хлеба вынуждало людей собирать жёлуди, смешивать их с мякиной и из такой размолотой смеси приготавливать себе нечто вроде хлеба, отчего стали регистрироваться заболевания цингой со смертельным исходом. Уничтожив жёлуди, население начало питаться различными травами, кореньями, нако-

⁵ Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. 1914-1920 / Под ред. М. М. Гран, П. И. Куркина, П. А. Кувшинникова. Вып. 1. – М-Пг., 1923. – С. 181-201.

⁶ Шостак Н. Я. Сифилис и венеризм и борьба с ним. – Ульяновск, 1924. – С. 7.

нец, даже павшими животными. Отмечались случаи разрытия захоронений трупов животных и употребления таковых в пищу. Люди распродавали последнее имущество за бесценок, отдавая все деньги за хлеб, но и этот способ к началу осени 1921 г. стал невыносим, так как на свободном рынке стоимость хлеба поднялась до 300 тыс. руб. за пуд⁷. На фоне катастрофического роста стоимости прожиточного минимума – в 345 раз с 1919 г. по 1921 г. – номинальная заработная плата стала символической. В 1920 г. минимальная ставка заработной платы составляла 7,7% от общей стоимости прожиточного минимума, в 1921 г. – 0,8%⁸. Местные власти закрывали больницы, расформировывали детские дома, выпускали преступников из тюрем.

В сентябре 1921 г. на саратовских базарах появился хлеб из «колоба» – смеси из жмыха семян льна, подсолнечника, ржаной, овсяной или чечевичной муки. Хлеб был слабо пропечённым – на половину он состоял из воды, часто в нем попадались примеси из соломы, древесной коры, картофельной шелухи. Полфунта такого хлеба составляли основу продовольственного пайка жителя Саратова.

К январю 1922 г. голод в губерниях Среднего Поволжья достиг своего пика. Самарский губком телеграфировал в Политбюро ЦК «товарищам Ленину, Троцкому, Сталину, Каменеву, Зиновьеву, Молотову»: «К настоящему времени голодает до 2-х млн. из 2 млн. 800 тыс. жителей губернии. Смертность от голода чрезвычайно высока. Развивается усиленно тиф: по одной только Самаре смертность достигла до 3-х тыс. человек в месяц. Смертность от тифа в виду истощения – 80%. Скот во многих волостях сведен на нет... На почве голода развивается людоедство, принявшее уже массовые размеры в Пугачевском, Бузулукском уездах и начинается в Ставропольском и Балаковском... Местами начались убийства людей для пропитания. Мы решили виновных в трупоедстве не изолировать, чтобы избежать симуляции, а осуждать Нарсудом условно к лишению семенной ссуды и гражданских прав, т.е. права на землю и т.п. Людоедов-убийц карать расстрелом через ЧК...»⁹.

⁷ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 84. Д. 62. Л. 21-23.

⁸ Вестник Самарского губернского статистического бюро. – 1921. – № 2 (январь – март). – С. 25.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 351. Л. 3.

12 января 1922 г. следователь Самарского ревтрибунала Багтер допрашивал по делу о людоедстве 29-летнюю Марию Трибунских, жительницу с. Вайгоровки Андреевской волости Самарской губернии. Мать двоих малолетних детей, сама измученная голодом, отчаялась на жуткий поступок, о котором и рассказывала следователю: «С Пасхи мы не имели хлеба и питались до настоящего времени собаками, кошками, травой, кости молоты. В последнее время ничего не стало. Детишки просили есть... Соседка Петрова предложила принести труп. У нас трупов много. Они валяются везде. Их складывают в общественный амбар, но зарывать их нет охотников, так как все без сил от голода, и никто не идет рыть могилы... Мы отправились на кладбище и взяли труп трехлетней девочки... Золовка Петровой разрубила труп на части. Но скоро пришел председатель сельского совета и арестовал нас...»¹⁰.

Медицинское освидетельствование, которое прошла Мария Трибунских в числе прочих заключённых Дома принудительных работ, замеченных в людоедстве, показало, что «совершение актов некрофагии явилось феноменом или последней стадией длительного, нарастающего и прогрессирующего чувства голода, каковое постепенно ослабило все препятствия, всякую борьбу с собой, и немедленно влекло к той форме удовлетворения, которая оказалась единственно возможной при данных условиях. Все освидетельствованные находились в полном сознании, ориентировались в окружающей обстановке, обнаруживали достаточную по своему развитию и воспитанию сообразительность, не представляли никаких редких дефектов памяти, внимания и иных умственных процессов. Ни у кого из них не обнаружено ни бреда, ни галлюцинаций, ни маниакального возбуждения, ни меланхолического состояния и т.п. Но все они в большей или меньшей степени представляли признаки явного истощения, общего упадка энергии, вялости, подавленности, изученности, отчасти, тупости и безразличия»¹.

Данные патологоанатомических исследований, производившихся в 1922 г. при вскрытии умерших от голода в Петрограде, показывали, что в результате длительного голодания человеческий организм терял свою жизнеспособность, в частности, мозг терял до 3% жизнеобеспечивающих функ-

¹⁰ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 351. Л. 7.

¹ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 351. Л. 12.

ций, в том числе объём мозговых функций сокращался на 30%, кости слабели на 14%, кишечник – на 18%, почки – на 20%, лёгкие – на 18%, кровь – на 27%, печень – на 54%, подкожный жировой слой уменьшался на 97%¹². Наблюдения в июне 1922 г. за больными 7-ой Советской, «голодной», больницы г. Саратова показывали, что преобладающий возраст голодающих составлял 18-45 лет (более 50%), из которых 25% приходилось на женщин. Детей насчитывалось до 15%. У всех больных отмечалось резкое ослабление памяти, сильное падение способности счёта, упадок интеллекта, близкий к состоянию идиотизма. Люди находились в апатичном состоянии, доходили до полной потери нормальных психических функций. Общая смертность больных на почве голода даже при условии оказания им медицинской помощи составляла 31%¹³.

С весны 1922 г. в уездных и губернских городах Среднего Поволжья начались первые мероприятия по снабжению населения продовольственными пайками. Они были нерегулярными и зависели от наличия средств в губкомпомголоде. В марте-месяце суточный паек взрослого человека включал в себя полфунта хлеба и картофеля, четверть фунта мяса или рыбы, четверть фунта кислой капусты, немного крупы, соли, томатов, в общей сложности дающий 850-900 калорий или около 1/3 нормального суточного рациона питания. Детям дополнительно полагалось немного риса, сахара, сгущённого молока, какао и белого хлеба¹⁴. По большому счёту, такое питание обрекало ослабевших людей на гибель.

Продовольственная проблема в губерниях Среднего Поволжья оставалась насущной и в последующие годы. Преобладающим продуктом был хлеб, занимавший 70% рациона питания. На картофель и овощи приходилось 6,3% всех продуктов, на крупы – 3,4%, на мясо и рыбу – 5,1%, на молоко, масло, яйца – 12,6%¹⁵. В результате питание взрослого городского жителя в 1923 г. в среднем составляло 3023 калорий, что было выше предыдущих лет, но всё ещё уступало уровню 1918-1919 гг., когда на одного взрос-

¹² Саратовский вестник здравоохранения. – 1923. – № 1. – С. 40.

¹³ Саратовский вестник здравоохранения. – 1923. – Октябрь. – С. 12.

¹⁴ Богословский С.М. Состояние здоровья промышленных рабочих и служащих (статистика патологической напряженности). – М., 1928. – С. 11.

¹⁵ Артищев Р.Т. Бюджеты самарских рабочих. – Самара, 1925. – С. 56.

лого едока в рабочей семье г. Симбирска приходилось 3399 калорий, в Самаре – 4132¹⁶.

Острое и постоянное недоедание создавало серьезные проблемы для физического и психического самочувствия населения. Медико-социологическое исследование, проведенное в середине 1920-х гг. Московской врачебно-санитарной организацией под руководством С.М. Богословского, установило, что 27% рабочих и 43% служащих промышленных предприятий города, имели слабое физическое развитие, 80% всех обследованных страдали хроническими болезнями (79,9% мужчин-рабочих, 82,6% мужчин-служащих, 82,9% женщин-работниц, 83,6% женщин-служащих). Среди патологических состояний преобладали туберкулёз (треть больных мужчин и женщин) и анемия (треть больных женщин и 1/6 больных мужчин). Наиболее уязвимыми оказывались молодые возрастные группы – 20-29-летних (35,4% среди рабочих и 54,3% среди служащих) и 30-39-летних (соответственно – 24,7%, 38,9%) – потенциально самые дееспособные и социально-активные представители общества¹⁷.

В 1928 г. в Самарской губернии из числа призывников 1905 года рождения прошедших врачебные комиссии, годных к военной службе оказалось 38,5%¹⁸. Средний рост призывника равнялся 166,46 см, вес – 60,45 кг, окружность грудной клетки – 86,71 см¹⁹. Приводимые антропометрические данные по самарским призывникам оказались на 1-2 единицы меньше аналогичных показателей, которые мы встречаем в исследованиях Богословского, Дементьева, Пескова, Эрисмана для 23-х летних юношей²⁰. Период их подросткового полового созревания пришёлся на 1914-1921 гг., что неблагоприятным образом отразилось на их здоровье. Среди болезней, установленных у призывников, на первом месте находилась трахома (8,6%), затем малярия и связанное с ней малокровие (7,1%), туберкулёз легких (5%), болезни сердца (5%), физическое недоразвитие. Городские призывники гу-

¹⁶ Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923 гг. За 5 лет работы. – М., 1924. – С. 377-379.

¹⁷ Богословский С.М. Указ. соч. – С. 13-21.

¹⁸ Бельский. Здоровье молодежи 1905 года рождения Самарской губернии // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. – Самара. – 1928. – № 2. – С. 12.

¹⁹ Квашнев А.Н. Физическое состояние и заболеваемость лиц призывного возраста по Аткарскому уезду в 1927 г. // Саратовский вестник здравоохранения. – 1928. – № 8-9. – С. 103.

²⁰ См.: Богословский С.М. Указ. соч. – С. 50-51.

бернии демонстрировали физическую годность к военной службе порядка на 3-5% выше, чем их деревенские ровесники. С точки зрения профессиональной принадлежности наибольшее число годных к службе призывников давали техники – 50,5%, далее шли рабочие-металлисты – 47%, чернорабочие – 46,4%, деревообделочники и строители – 44,6%, менее всех конторщики и почтово-телеграфные работники – 36%²¹.

Во время Первой мировой войны заболеваемость инфекционными болезнями первоначально заметно упала (за исключением сыпного тифа). Но условия голода создали благоприятную почву для инфекционной заболеваемости и связанной с ней инфекционным психоневрозом. Последующее время – гражданская война, совпавшая с неплановой демобилизацией армии, отсутствием карантина, разрушением санитарной службы в губерниях, недостатком медицинского персонала и медикаментов – изменило положение. С осени 1919 г. по июнь 1920 г. наблюдался устойчивый рост эпидемии тифа. Если к тифу прибавить еще тяжёлые формы дизентерии, особенно свирепствовавшие летом и осенью 1919 г. оспу, испанку, холеру, то в виде эпидемиологических болезней мы получим фактор, играющий действительно большую роль в формировании инфекционного психоневроза.

Рассадниками тифа были не только зараженные водоёмы, но и солдатские лазареты, эвакуационные пункты, лагеря беженцев, общественные столовые. Чрезвычайная комиссия по борьбе с сыпным тифом, отмечала, что на территории Пензенской губернии в конце 1919 г. «санитарное состояние, как лазаретов военного ведомства, так и казарм местного батальона весьма плачевно. Отхожие места расположены далеко от казарм, без дверей. Кругом и внутри них нечистоты. Выгребные ямы, очевидно, давно не чистились, т. к. переполнены сверх меры. При ревизии продовольственных складов обнаружено, что продукты располагаются на грязном полу, причем, все здание также переполнено человеческими нечистотами, несмотря на то, что склады охраняются часовыми»²². При обследовании пациентов лазаретов открывалась та же печальная картина: «Белья у красноармейцев только по одной паре, новой одежды не выдают, и солдаты лежат в той самой одежде, в которой ходили в батальоне. В ней же, выздоровев, они возвращаются об-

²¹ Бельский. Указ. соч. – С. 18-19.

²² ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 482. Оп. 2. Д. 154. Л. 12-12 (об).

ратно и ложатся рядом со здоровыми товарищами – отсюда, понятно, почему распространяется зараза... Больные – несчастные, исхудалые люди, в полубреду все же стараются изловить паразитов в полной мере поедающих их тело»²³.

Состояние медицинской помощи характеризовалось как отвратительное. В частности, в Симбирской губернии в 1922 г. $\frac{3}{4}$ всех больниц, открытых в довоенное время, не функционировали из-за недостатка дров и питания для больных. Часть зданий не работала из-за отсутствия окон. Пришли в негодность водопровод и канализация. Оказывалась только амбулаторная помощь и то без раздачи лекарств. «Нет хины, нет йода, нет касторки, нет перевязочного материала, инструменты и предметы ухода за больными пришли в негодность, нет мыла для стирки белья, нет бумаги для выписки рецепта, медперсонал не получает жалования, неизвестно, чем питается», – докладывал в Наркомат здравоохранения симбирский губздравотдел²⁴. В мае 1922 г. из с. Астрадамовки Алатырского уезда молодой командированный туда врач пришёл пешком назад в Симбирск, заявив, что «он там голодал, т. к. ни население, ни уздрав не оказали ему никакой помощи устроиться в пустующей больнице»²⁵.

Осенью 1921 г. – летом 1922 г. в губернии Среднего Поволжья прошла вторая волна тифа, более жестокая, совпавшая с наступлением голодом. Население оставляло свои дома, хозяйство и уходило в те районы, где, по их сведениям, был хлеб и спасение от голодной смерти – на Украину и Кубань. Пресса сообщала, что Саратовскую губернию покинули около 350 тыс. человек, т.е. 15% уездного населения. Некогда цветущая область немцев Поволжья почти опустела. В Казанской губернии с насиженных мест поднялось более 400 тыс. человек. С другой стороны, Саратовская и Казанская губернии приняли к себе около 750 тыс. переселенцев²⁶. Самара, Саратов, Симбирск, а также крупные поволжские пристани и железнодорожные узлы – Хвалынский, Вольск, Балашов, Сызрань – превратились в перевалочные пункты, принимавшие десятки тысяч беженцев из Сибири, Семипалатинска, Тургая, Акмолинской области, Уфы, Казани и прочих голодающих мест.

²³ Там же. Л. 12-12 (об.).

²⁴ ГАРФ. Ф. 482. Оп. 4. Д. 395. Л. 8.

²⁵ Там же. Л. 9.

²⁶ Маслов С. С. Россия после 4-х лет революции. – Париж, 1923. – С. 6.

Толпы беженцев располагались вокруг городов лагерем в ожидании эвакуации. Питались травой, листьями, незрелыми овощами и ежедневно с этих стоянок приходилось убирать трупы умерших.

В октябре 1921 г. в Саратове остановились зимовать около трёх тысяч беженцев, которые были размещены в Беженском городке, а также в здании старой семинарии и «приемнике для беженцев» на берегу Волги. Ничего худшего этих зданий придумать было нельзя: без окон, без дверей, без печей, без канализации; невероятная скученность, грязь, при отсутствии какого-либо административного и санитарного надзора. «В небольшой комнате вместо окон – отверстия, закрытые тряпками, примитивный очаг, «почёрному», вокруг которого расположилась семья. Дети совершенно голые, взрослые в лохмотьях. А рядом другая комната, приспособленная под мертвецкую, в которой в беспорядке лежат несколько трупов, поджидающих своих соседей»²⁷.

Потеряв последние крохи своего имущества и отчаявшиеся своими силами изменить положение, беженцы превращались в стаю бездомных нищих, одержимых всеми пороками. Они не проявляли желание трудиться и переставали элементарно следить за собой. В города беженцы несли детскую преступность, проституцию и попрошайничество как способы выживания. Нередко между беженцами и старожилками происходили кровавые столкновения.

В мае 1922 г. через Симбирскую губернию прошло до 20 тыс. беженцев. В Симбирске они располагались на Базарной площади, на голой земле под навесами бывших мучных, железных, скорняжных, керосиновых лавок. «Некоторые живут так по 3 недели и более. В виду долгой неотправки и неполучения пропусков, многие из них совсем прожились и были принуждены ходить собирать милостыню, но голодающее население города само не в состоянии хорошо питаться, тем более делиться куском хлеба с просящим. За отсутствием хлеба, чтобы утолить мучительный голод, беженцы едят зелень и заболевают желудочно-кишечным расстройством и даже холерой. В дождевых болотах многие женщины моют пеленки своих детей и грязные тряпки, как, например, недалеко от Часовни на Дворцовой ул. Все эти беженцы пьют сырую воду, готовят на кострах скудную пищу и едят ее часто в недо-

²⁷ Вестник Саратовского здравоохранения. – 1922. – Октябрь. – С. 30-38.

варенном виде. Среди беженцев наблюдалась голодная смерть... На Ярмарочной площади слышен плач голодных детей, изможденные от голода дети лежат на земле от слабости...»²⁸.

Губернии Поволжья опережали другие регионы страны в печальной статистике заболеваемости и смертности. Так, в 1922 г. по инфекционным заболеваниям Симбирская губерния превышала средние показатели Европейской России: в 3-3,5 раза – по малярии, в 4 раза – по дизентерии, в 2 раза – по тифу. Число заболевших холерой в 1920 г. в два с лишним раза превысило размах холерной эпидемии 1891 г.²⁹ В 1925 г. Саратовская губерния лидировала среди губерний РСФСР по числу людей, укушенных бешеными животными, находилась на третьем месте по числу больных малярией, на четвертом – больных гонореей, на пятом – сифилисом, корью и сибирской язвой, на шестом – страдавших от цинги и дизентерии, на седьмом – подверженных скарлатине и на десятом – больных дифтерией³⁰.

Максимально высокие показатели заболеваемости в Поволжье – в 1,5-2 раза превышающие уровень заболеваемости по Европейской России³¹ – становились причиной значительного увеличения смертности населения. В 1919-1921 гг. уровень смертности городского населения Саратовской губернии превысил показатели 1911-1914 гг. на 106%. В процентном отношении это увеличение относительно 1914 г. составило: 115% – в 1919 г., 120% – в 1920 г., 140% – в 1921 г.³².

Наивысшей опасности были подвержены наиболее слабые – дети до 10 лет. В условиях абсолютной антисанитарии и отсутствия педиатрической службы инфекционные болезни ежегодно уносили жизни от 4% до 15% детей разных возрастных групп. В 1922 г. в Симбирске из числа родившихся 25% не дожили до одного года и 18,2% умерли в когорте от 1 года до 5 лет. В 1923 г. эти цифры составили соответственно 17,5% и 10,5%. Даже в относительно экономически благоприятном 1924 г. наблюдалось сокращение рождаемости на 54% по сравнению с предыдущим годом и рост младенче-

²⁸ ГАРФ. Ф. 482. Оп. 2. Д. 196. Л. 307 (об.).

²⁹ ГАРФ. Ф. 482. Оп. 4. Д. 395. Л. 6-8.

³⁰ Саратовский вестник здравоохранения. – 1927. – № 8-9. – С. 23.

³¹ ГАРФ. Ф. 482. Оп. 4. Д. 395. Л. 8.

³² Саратовский вестник здравоохранения. – 1926. – № 6-7. – С. 65.

ской смертности на 20%³³. Помимо тяжёлого течения эти болезни давали серьёзные осложнения для детского организма. В результате ожидаемая средняя продолжительность жизни для новорожденных в поволжских губерниях в 1919-1920 гг. составляла 24 – 27 лет³⁴.

В начале 1920-х гг. возродились *интоксикационные психозы*. Прежде всего, они были связаны с употреблением алкоголя и наркотических средств. До войны алкогольные психозы составляли 10% от всех душевных расстройств. Количество поступлений больных в психиатрическую больницу г. Саратова с алкогольными формами душевных болезней равнялось 10-40% к общему числу всех поступлений³⁵. Основанием для такого положения дел было большое потребление алкоголя в России, и в губерниях Среднего Поволжья в частности. До Первой мировой войны в годовом продовольственном бюджете крестьянина Симбирской губернии, равного 24 руб. 42 коп., расходы на водку составляли 4 руб. 62 коп. в год и уступали только расходам на хлеб – на него в год тратилось 13 руб. 56 коп.³⁶ Неуклонно повышался и уровень потребления 40 градусной водки: с 9,2 бутылей на душу в 1911 г. до 10,8 бутылей в 1913 г.³⁷ Прекращение торговли вином в 1914-1915 гг. привело к тому, что значительно снизилось число больных алкогольной формой невроза. В 1919-1920 гг. такие больные составляли только 1,5-1%³⁸.

Уровень потребления водки и самогона стал вновь повышаться с 1923 г., достигнув к 1925 г. показателей 1913 г., из года в год превышая их на 2 л во второй половине 1920-х гг.: 1926 г. – 13,3 л, 1927 г. – 17,8 л, 1928 г. – 19,8 л³⁹. Вместе с ними начали расти и алкогольные психозы. Одновременно фиксируется высокий процент отравлений алкоголем с летальным исходом – 21,5% случаев смерти в графе несчастных случаев⁴⁰.

³³ Шостак Н.Я. Детская смертность и борьба с ней. – Ульяновск. – 1925. – С. 10-11.

³⁴ Саратовский вестник здравоохранения. – 1926. – № 10-11. – С. 42-43.

³⁵ Вестник Саратовского здравоохранения. – 1925. – № 1-2. – С. 70.л

³⁶ Ковалев И. На борьбу с пьянством. Изд. Симбирского отдела здравоохранения. – Симбирск, 1924. – С. 9.

³⁷ Шостак Я. Н. Материалы по изучению санитарного состояния Симбирской губернии в связи с экономическим благосостоянием, войной, голодом. – Ульяновск, 1925. – С. 76.

³⁸ Вестник Саратовского здравоохранения. – 1925. – № 1-2. – С. 68.

³⁹ Герцензон А. А. Преступность и алкоголизм в РСФСР. – М., 1930. – С. 73.

⁴⁰ Саратовский вестник здравоохранения. – 1928. – № 8-9. – С. 82.

Согласно заключению С.С. Богословского, исследовавшего состояние здоровья промышленных рабочих и служащих в середине 1920-х гг., наиболее подвержены алкогольным психозам были люди 40-59-ти лет (83,0% и 39,9% рабочих – мужчин и женщин, 72,2% и 12,5% служащих). Довольно значительное количество потребляющих алкоголь было среди подростков: 20% в среде вспомогательных рабочих, 18% среди служащих и 17% среди производственных рабочих⁴¹. По данным московских амбулаторий, наркодиспансеров и больниц 91,5% алкоголиков начинали пить до 25 лет, причем на долю детских и юношеских лет приходилось 75%. До 15-ти лет начинали пить 22,4%⁴².

С целью выяснения распространения среди крестьянских детей и подростков винопития и курения в одном из сёл Самарской губернии в 1926 г. было опрошено 200 детей – 88 мальчиков и 112 девочек 11-13-ти лет, обучающихся в 3 и 4 классах школы I-ой ступени. На вопрос: «Пил ли самогон, горькую, пиво, виноградное вино?» удовлетворительно ответили 60 детей (30% опрошенных), из которых 45 мальчиков (51,2% от числа опрошенных мальчиков) и 15 девочек (13,4% от числа опрошенных девочек). Чуть больше девочек – 33% – уже курят⁴³. Эти данные сходятся с результатами других исследований. Доктор Боголюбов в 1927-1928 гг. установил, что из 2420 опрошенных московских школьников 8-16 лет пьют 55%, по сведениям доктора Дейчмана, работавшего в 1926 г. также с московскими учащимися, пьющих было 78%⁴⁴.

В 1920-е гг. довольно распространённым становится особый «схизофренический тип личности» с ярко выраженным маниакально-депрессивным психозом. В Симбирской губернии в 1922 г. было зафиксировано 53 случая самоубийства, в 1923 г. – 68, в 1924 г. – 65. В Самарской губернии в 1922 г. зафиксировано 22 случая самоубийства, в 1925 г. – 71, в 1926 г. – 93⁴⁵. Наибольшую склонность к суициду проявляли молодые люди

⁴¹ Богословский С. М. Указ. работа. – С. 11.

⁴² Просвещение Среднего Поволжья. – Самара. – 1929. – № 2. – С. 59.

⁴³ Там же. – С. 60, 62.

⁴⁴ Там же. – С. 62.

⁴⁵ Статистический справочник по Ульяновской губернии. Издание губстатбюро. – Ульяновск, 1925. – С. 37; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923. За 5 лет работы. Издание ЦСУ. – М., 1924. – С. 82; Статистический ежегодник за 1927 г. – Самара, 1927. – С. 77.

в возрасте 20-24 лет (14,4% от общего числа самоубийц), юноши и мужчины в ближайших к ним возрастных группах – 16-19 лет (12,4%) и 25-29 лет (9,4%), а также женщины 18-19 лет⁴⁶. Причины этого в большинстве случаев сводились к душевным и нервным заболеваниям, а также к физическим недугам. Частые депрессии, резкое истощение, психическая неустойчивость, злоупотребление алкоголем являлись причинами данного нервного расстройства, принявшего характер социальной эпидемии. Из 224 обследованных медицинской комиссией в 1926 г. ответственных работников Саратовской губернии все были больны неврастением, в особенности работники 30-36 лет и 17-29 лет⁴⁷. Типичные характеристики их самочувствия – вялость, апатия, головные боли, навязчивые, путанные идеи, мудрствование, логический тупик, невозможность придумать что-то осознанное, расстройство восприятия внешнего мира, нереальность всего окружающего, плаксивость, вспыльчивость, агрессивность, неуравновешенность.

Таким образом, война вызвала серьезные невротические расстройства и проявления, которые в 1918-1923 гг. получили массовый характер. Массовые невротические состояния распространялись в обществе как психические эпидемии: доминировал невротический стиль общения и деятельности, снижались продуктивность и способность людей к действиям, преобладали эмоционально-негативные состояния – растерянность, смятение, конфликтность, жалобы на усталость, потерю жизненного смысла. Социальное поведение людей в большинстве случаев характеризовалось как агрессивное, грубое, нарушающее социальные и моральные нормы, что свойственно состоянию ослабления психической саморегуляции.

Осознание невротического конфликта осуществлялось в основном путём личного переживания. Пренебрегая результатами научных исследований первой половины 1920-х гг., государство навязывало общественному мнению мысль, что только социально неполноценные люди, слабохарактерные, изверившиеся в мощь и силу партии склонны к психическим рецидивам. С точки зрения партийных идеологов «та нервно-психическая атмосфера, которая создавалась в советском обществе, являлась лучшим преду-

⁴⁶ Гернет М. Н. Самоубийства в 1925 и 1926 гг. // Гернет М.Н. Избранные произведения. – М., 1974. – С. 504.

⁴⁷ ЦДНИСарО (Центр документации новейшей истории Саратовской области). Ф. 27. Оп. 4. Д. 47. Л. 1-38.

преждением и лечебным средством для борьбы с нервно-психическими болезнями». Однако действительность противоречила этим бодрым реляциям. В 1930 г. 10,5% населения Средне-Волжского края страдали психопатическими заболеваниями⁴⁸.

⁴⁸ Здравоохранение Средневолжского края. – Самара. – 1930. – № 16. – С. 44.

Лев Николаевич Лютов
Lev N. Liutov

**Некоторые изменения в экономической и политической системах
СССР в 1941-1945 гг.**

**There were some changes in the economic and political systems of the
USSR in 1941-1945**

Статья посвящена отдельным изменениям экономической и политической систем в годы Великой Отечественной войны. Показано, что в ходе войны взяв на себя функции по руководству экономикой (вплоть до заводов, цехов, участков) партаппарат вмешивался в функции хозяйственных органов и не способствовал раскрытию их инициативы, что было важно в условиях войны.

The author explores the individual changes of the economic and political systems in the years of the Great Patriotic war. It shows that during the war the party apparatus took responsibility for the management of the economy (including factories, shops, stations), began to interfere with the functions of economic authorities. This action contributed to the disclosure initiative that was important in war.

Ключевые слова: *экономическая система, планово-централизованная экономика, партаппарат, Великая Отечественная война, совнарком, распределение, милитаризация экономики, ведомственный монополизм.*

Keywords: *economic system, planned and centralized economy, the party apparatus, the Great Patriotic war, the Soviet government, distribution, militarization of the economy, departmental monopoly.*

Для окончательно утвердившейся в СССР в 1930-е годы централизованно-плановой экономической системы (ЦПЭС) характерными были: отсутствие экономического интереса у непосредственного производителя, который компенсировался внеэкономическим принуждением к труду, бюрократизм, ведомственный монополизм, диспропорции в экономике, расточительность природных ресурсов, замедление научно-технического прогресса, остаточный принцип по отношению к социальной сфере. Это приводит к появлению в экономике СССР уже в конце 1930-х годов застойных явлений, снижению жизненного уровня.

Условия войны заставляли уменьшать жёсткость централизации управления в ЦПЭС. К проявлению децентрализаторских тенденций в экономике привело требование инициативы и самостоятельности для решения вопросов связанных с самим существованием государства. Так, в соответствии с поста-

новлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени», наркомы получили право самостоятельно, без специального согласования с правительством (СНК) распределять и перераспределять материальные ресурсы, излишки материалов и оборудования, резервировать в своем распоряжении до 5% фонда зарплаты, допускать частичные отступления от утверждённых проектов и смет строительства, списывать убытки предприятий и учреждений, создавать подсобные хозяйства¹. Вскоре, 18 июля, это постановление было распространено на наркомов РСФСР и Украинской ССР.

Иногда предприятия передавались из ведения союзных республик автономным, из областного подчинения переходили к исполкомам городских советов. Известная свобода предоставлялась директорам предприятий в маневре сырьевыми ресурсами, производственными фондами. Всё это вынуждала делать чрезвычайная, быстро меняющаяся обстановка военного времени. В связи с потребностью в резком повышении оперативности изменилась адресность планов. До войны Государственная плановая комиссия при Совнаркоме (Госплан) планировала производство продукции по наркоматам, ведомствам и союзным республикам. В ходе войны основным адресатом планирования становится предприятие. В какой-то степени, это уменьшало зависимость предприятий от ведомств.

Война же вынуждала преодолевать межведомственные барьеры. Так, по инициативе председателя Госплана Н. А. Вознесенского² в нём были созданы пять отделов по основным отраслям военного производства (вооружению, боеприпасам, судостроению, авиа- и танковой промышленности), которые ведали планированием выпуска продукции всеми предприятиями данной отрасли независимо от их ведомственного подчинения³. На местах межведомственность стремился преодолеть партийный аппарат.

Война и работа на конечный результат привели к резкому сокращению штатов наркоматов, различных учреждений и всего управленческого аппарата. Так, в наркоматах авиапромышленности, вооружения, боеприпасов и других

¹ Решения партии, и правительства по хозяйственным вопросам, т.3. М., 1968. С.40-41.

² Одновременно он являлся 1-м заместителем председателя Совнаркома СССР, членом Государственного Комитета обороны (ГКО).

³ Комаров Н. Руководство экономикой в годы Великой Отечественной войны // Плановое хозяйство. – 1989. – №5. – С.105-111.

оборонных наркоматов число служащих уменьшилось вдвое. В «гражданских» сокращение было ещё большим. Специалисты из учреждений направлялись на заводы, фабрики, цеха.

Для повышения материальной заинтересованности в результатах труда на ряде предприятий оборонной промышленности в 1944 году стали применяться элементы хозрасчёта⁴, в которые включались материальное вознаграждение за выполнение работ меньшим числом рабочих, экономию энергии и материалов. Рабочие получали возможность больше зарабатывать и приобретать товары в открывшихся коммерческих магазинах свободной продажи, где цены были выше, чем для нормированного отпуска по талонам и карточкам⁵.

В СССР произошло радикальное перераспределение ресурсов в пользу военных отраслей. Более радикально, чем в других крупных странах-участницах войны. Если из общего фонда потребления на долю гражданского населения приходилось в 1940 г. 70%, то в 1944 г. – 49.5%. Свидетельством резкого уменьшения доли личного и коллективного потребления гражданского населения является динамика розничного товарооборота: в 1942 – он снизился до 34%, а в 1943 – до 32% по отношению к 1940 г. Сокращение товарных ресурсов сопровождалось повышением розничных цен. Индекс цен (в государственной, кооперативной и рыночной торговле) в 1945 г. составил 325% по отношению к 1940 г. Однако рост потребительских расходов не компенсировался увеличением зарплаты. Поэтому реальная зарплата в 1945 г. сократилась до 43% к 1940 г.⁶ Для военного потребления в СССР использовалось 57-58% национального дохода (в 1940 г. – 15%)⁷, в Англии это соотношение увеличилась с 43% в 1940 г. до 52% в 1941 г., в США соответственно с 2.2 до 10.9 %⁸. Даже руководство нацистской Германии не было готово на такое резкое перераспределение ресурсов. В декабре 1939 г. Гитлер отклонил предложенную

⁴ Хозяйственный расчёт – ограниченный допуск в социалистическую экономическую систему товарно-денежных отношений. Предусматривал хозяйственную самостоятельность предприятий (самоокупаемость, самофинансирование, самоуправление), материальную заинтересованность их коллективов и каждого отдельного работника в результатах своей хозяйственной деятельности, что должно было приводить к увеличению объема производства, улучшению качества продукции и увеличению заработной платы.

⁵ Советский тыл в годы войны. – URL: // <http://edu.znate.ru/docs/2054/index-1042957-13.html>

⁶ Орлов Б. П. Советская промышленность в период Великой Отечественной войны // Экономика и организация промышленного производства. – 1985. – № 5. – С. 9, 10.

⁷ Там же. – С.13.

⁸ URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000169/st057.shtml>

ему идею существенного расширения базы военной промышленности, создания запасов сырья, повышения производства и накопления предметов тылового обеспечения (её высказывал, например, начальник военной экономики и вооружения Объединённого командования вермахта (ОКВ) генерал Г. Томас), т.к. это потребовало бы значительного ограничения производства невоенной продукции для населения⁹.

Централизации политической системы СССР достигает крайней степени уже в канун войны, с началом же войны происходит лишь её легализация. Чрезвычайный орган, образованный 30 июня 1941 г., Государственный комитет обороны (ГКО) становится над всеми конституционными советскими органами. Он являлся высшим органом власти и управления, принимал решения, которые имели силу закона и были обязательны для всех советских, партийных, хозяйственных, военных, комсомольских и других органов, а также и для граждан России. Компетенция сталинского ГКО была значительно шире ленинского Совета рабочей и крестьянской обороны. К ГКО перешли функции, которые в мирное время являлись прерогативой высших конституционных органов власти и управления, естественно, это повлекло изменение их компетенции. Хотя Верховный совет СССР и «функционировал»¹⁰, тем не менее, трудно сравнить его деятельность с ВЦИК времен гражданской войны. Второстепенные, в общем, вопросы решал и его Президиум (в основном это награждения), который в межсессионный период должен был выполнять функции Верховного совета. Происходит легализация всевластия Сталина: он одновременно занимал посты наркома обороны, Верховного главнокомандующего, генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя СНК и ГКО. Такое сосредоточение власти в руках одного человека обеспечивало максимальную централизацию управления страной, лишая его гибкости, оперативности, компетентности. На решение важных вопросов военного времени уходило много времени. Распределение обязанностей среди многочисленных заместителей Сталина (только по наркомату обороны их было 16¹¹) не придавало четкости управлению, т.к. все они были исполнителями без права принимать окончательное

⁹ Мерцалов А. Н. Глазами буржуазных историков // Экономика и организация промышленного производства. – 1985. – № 5. – С.47.

¹⁰ За годы войны состоялось лишь три его сессии: в июне 1942, январе-феврале 1944 и в апреле 1945 г., когда были утверждены договоры со странами антигитлеровской коалиции, расширены права союзных республик в сфере внешнеполитической деятельности.

¹¹ Кулиш В. К вопросу об уроках и правде истории // Наука и жизнь. – 1987. – № 12. – С.13.

решение по важным вопросам. Отказ Сталина от созыва высших руководящих органов партии¹² и государства, от коллективного обсуждения проблем и выработки решений по различным вопросам отрицательно влиял на страну. Всё это сковывало инициативу партийных, советских и хозяйственных органов, отдельных людей.

Не способствовало четкому руководству экономикой и дублирование хозяйственных органов партийным аппаратом, который стремился централизовать её управление у себя. Вмешательство в хозяйственные функции шло через уполномоченных и комиссии ЦК ВКП(б), выезжавших на места. В годы войны значительно расширился институт отраслевых секретарей в местных партийных органах¹³: по авиационной, танковой, минометной промышленности, по боеприпасам, торговли, пищевой промышленности и т.д. Расширен был и институт партторгов ЦК ВКП(б), а также ЦК КП союзных республик, крайкомов и обкомов. Через них партийные органы непосредственно направляли производственную деятельность предприятий. Такую же роль в сельском хозяйстве и на транспорте играли политотделы. В МТС и совхозах они были созданы в ноябре 1941 г. И сразу же возникает иерархическая пирамида по руководству деятельностью политотделов: политуправления при Наркоматах земледелия и совхозов СССР, политсекторы при краевых и областных земельных управлениях. Всего возникло 14 политуправлений, более 200 политсекторов и 7200 политотделов. Обременительность этой бюрократической вертикали в условиях всё ухудшающейся деятельности сельскохозяйственной сферы экономики привела к ликвидации политотделов в мае 1943 г. На железнодорожном транспорте систему политотделов возглавило Политическое управление НКПС, которое действовало на правах отдела ЦК ВКП(б). Имевшие широкие полномочия политотделы дорог и отделений были построены по принципу централизма.

Таким образом, взяв на себя функции по руководству экономикой (вплоть до заводов, цехов, участков) партаппарат вмешивался в функции хозяйственных органов и не способствовал раскрытию их инициативы, что было важно в условиях войны.

¹² В январе 1944 г. состоялся единственный за всю войну пленум ЦК ВКП(б), который рассмотрел вопрос о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений, одобрил введение нового государственного гимна СССР.

¹³ Он создан по решению XVIII съезда ВКП(б).

Усилилась в годы войны и практика подмены советских органов партийными, происходило дальнейшее свёртывание советской «демократии». Проявлялось это, прежде всего, в ещё большем ослаблении, как уже отмечалось, роли и значения как высших представительных органов власти – Верховного совета СССР, так и местных советов. В структурах последних всё более усиливалась роль исполкомов. Расширение деятельности исполкомов шло за счёт сужения сессионной деятельности советов, ослабления активности их постоянных комиссий. Советы вплоть до областных и краевых нарушали сроки созыва и порядок проведения своих сессий. Более того, имело место стремление руководящих работников аппарата совета подменить сессию совещанием исполкома с активом. В тоже время нерегулярность сессионной работы вела к ослаблению контроля исполкомов со стороны советов. На всё более административно-приказной основе стали строиться взаимоотношения вышестоящего совета по отношению к нижестоящему. Всё более узкий круг аппарата исполкома принимал решения. Этому способствовало то, что заседания исполкома проводились не регулярно, а решения многих вопросов осуществлялось опросным порядком. Вследствие того, что сессии советов собирали редко, исполкомы руководили и деятельностью постоянных комиссий совета. И это всё при том, что почти половина членов исполкомов не являлись депутатами, они были кооптированы в них. Такой способ пополнения являлся отступлением от конституционных норм¹⁴.

Обычно всё это – уменьшение роли представительных органов власти, нарушение конституционных норм, централизация власти – объяснялось чрезвычайными условиями войны. Однако состоялось же за три года гражданской войны восемь Всероссийских съездов советов, три съезда и две партийные конференции РКП(б), регулярно проводились заседания ЦК партии, совещания СНК. Не война определяла сверхцентрализацию советской общественной системы, хотя она, конечно, способствовала этому, а логика развития самой системы. В первое послевоенное десятилетие эта тенденция продолжала усиливаться, что и привело советскую систему на рубеже 40-50-х гг. XX в. к общему кризису, из которого удалось выйти, осуществив её модернизацию («оттепель»).

¹⁴ Куликова Г. Б. Советы депутатов трудящихся в 1941-1945 гг. // Советский тыл в Великой Отечественной войне. – М., 1974. – С85-88.

В области национально-государственного строительства в условиях войны происходило углубление тенденции по всё большему приглушению федералистских начал в связи с расширением полномочий союзных органов (наркоматов, чрезвычайных органов). В отношении к некоторым народам на основании неверия в их благонадёжность, якобы участия в борьбе против власти, обвинений в сотрудничестве с государством-агрессором осуществлялись меры репрессивного характера. В начале войны были выселены из своих родных мест и заключены в лагеря или включены в трудовые армии немцы Поволжья, имевшие с первых лет советской власти свою автономию. В конце войны такая же участь постигла некоторые народы Северного Кавказа, калмыков, крымских татар¹⁵.

Однако условия войны потребовали, как уже отмечалось, предоставления союзным республикам некоторой самостоятельности в решении экономических вопросов. Кроме этого, согласно закону, принятому ВС СССР 1 февраля 1944 г., им было разрешено иметь свои национальные войсковые соединения. Правда, в послевоенные годы они так и не воспользовались этим правом¹⁶. Декларировалось расширение прав союзных республик в сфере внешней политики. Некоторые из них могли вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами: заключать с ними договоры, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами, участвовать в деятельности международных организаций. Однако всё это санкционировалось центром, партийно-государственным руководством, в связи с конкретными внешнеполитическими целями Сталина. Поэтому расценивать эти меры как какое-то восстановление суверенитета республик вряд ли возможно.

Итак, политическая система СССР не претерпела серьёзных изменений в условиях войны. Имели место лишь, с одной стороны, легализация авторитарно-деспотической власти и всё большая формализация деятельности представительных органов власти (от местных советов до ВС СССР), а с другой – декоративного характера подвижки в сторону федерализма, т.к. власти во время войны было невыгодно напряжение в национальных отношениях, после же войны ей это было выгодно во внешнеполитических целях.

¹⁵ Бугай Н. 20-40-е годы: трагедия народов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 1992. – №2. – С.122-123.

¹⁶ Конституция СССР: Политико-правовой комментарий. – М., 1982. – С. 226.

Светлана Александровна Шапорова
Svetlana A. Shapороva

**История Первой мировой войны в фондах
МРОКМ им. И. Д. Воронина¹
(по материалам выставки «Первая мировая война. 1914-1918 гг.»)**

**The history of the First World War in the collections of
the Museum. I. D. Voronin
(on materials of the exhibition "The First World War. 1914-1918")**

Статья посвящена вопросам музеефикации Первой мировой войны в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее имени И. Д. Воронина.

The article is devoted to the problem of museification of the First World War in the Mordovia Republic United Museum of local lore named after I. D. Voronin.

Ключевые слова: *Первая мировая война, музейные фонды, музейная экспозиция, выставка, музеефикация, коллекция музея*

Keywords: *the First World War, Museum collections, Museum exhibition, exhibition, exhibition, the Museum's collection*

Фонд Первой мировой войны в нашем музее формировался на всем протяжении его существования, продолжает формироваться и сегодня. Территория современной Мордовии в годы Первой мировой войны находилась глубоко в тылу, военных действий здесь не было. Поэтому источниковая база состоит из письменных источников, материалов по воинским частям, расквартированных в нашем крае и материалов по землякам – участникам войны.

Письменные источники – телеграммы, воззвания, обращения благотворительных обществ, газеты этого периода составляют большую часть фондовых материалов. Деятельность благотворительных обществ в годы великой войны приняла еще более массовый характер. Помимо уже существующих, возникла большая сеть благотворительных организаций, носивших патриотический характер, оказывающих помощь нашим солдатам и офицерам (например, Всероссийский союз помощи больным и раненым воинам), беженцам, ра-

¹ Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина

неным воинам и военнопленным. В фондах музея хранятся листовки и воззвания крупнейших благотворительных обществ и комитетов, выпущенных в годы Первой мировой войны и призывающих жертвовать денежные средства на различные благотворительные цели. Среди них Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, Общество призрения сирот лиц, павших жертвами долга, Татьянинский комитет, Всероссийское общество памяти воинов русской армии, павших в войну с Германией, Австрией и Турцией. Среди письменных источников большой интерес представляют дневники участников боев, их личные документы (увольнительные билеты, формулярные списки, воспоминания). С первых дней войны в мордовском крае возникали лазареты, больницы, общества помощи раненым солдатам (эти материалы переданы в музей из Центрального государственного архива Республики Мордовии – далее ЦГА РМ).

Самый крупный по количеству единиц хранения – фонд фотографических источников (более 200 единиц): это фотографии воинских соединений, формировавшихся и располагавшихся на территории современной Мордовии, снимки с построения полков перед мобилизацией по городам края, фотографии непосредственных участников войны – наших земляков. Чаще всего фотографии аннотированы только фамилиями и именами снятых, но около половины всех фотографий, к сожалению, безымянные.

Хороший фондовый материал собран по расквартированному в Саранске в 1910-1914 гг. 180 Виндавскому пехотному полку. Полк был сформирован в Митаве (ныне Елгава, Латвия) в 1811 году, однако название полк носил по городу Виндава (современный Вентспилс). В апреле 1909 г. была утверждена новая дислокация войск императорской армии. Согласно ей, 45-я пехотная дивизия, в состав которой входил Виндавский полк, переводилась из Прибалтики в Казанский военный округ. 23 июля 1910 г. подразделения Виндавского полка прибыли из Митавы в Саранск. Для размещения военных в Саранске был построен военный городок в 1910-1914 гг. Он располагался в конце современных улиц Мордовская и Красноармейская, на территории нижнего городского вы-

гона для скота. В архиве сохранились метрические книги Виндавского полка, который имел собственную полковую церковь, разрушенную в 30-е годы прошлого века. Во время войны жители города Саранска и уезда пополняли число солдат этого полка и участвовали в боях на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах. В 1914 г. от 180-го Виндавского полка был отделён полк в составе 19 офицеров и 280 нижних чинов, из которых с пополнением за счёт мобилизованных жителей Пензы и Саранска был сформирован в столице нынешней Мордовии 320-ый пехотный Чембарский полк, направленный на Юго-Западный фронт. В 1914 г. он воевал в Галиции, у Люблина, на Верхней Висле; в 1915–1916 гг. – в верховьях Днестра и у реки Стырь, в 1917 г. – на Румынском фронте. В фондах хранится резное деревянное блюдо – дар горожан полку, личный (увольнительный) знак нижнего чина, обыскная книга церкви 180-го пехотного Виндавского полка, а также фотографии служивших в этом полку. Уникальным экспонатом является полковая фотография (120x50 см), количество снятых насчитывает 1100 человек, восхищает уровень мастерства фотографа.

Фалеристическая коллекция музея (30 ед. хр.) по Первой мировой войне включает кресты Ордена Св. Георгия, медали «За храбрость» и «За усердие», медали по отличному выполнению мобилизации, нагрудные знаки к юбилею различных полков, медаль ветерана I мировой войны (Германия).

Фонд Первой мировой войны содержит несколько предметов обмундирования войск и оружие. Из первой части особый интерес вызывают мундир и брюки гусара, драгунская каска, мундир младшего унтер-офицера, немецкие каски и каска воина Экспедиционного корпуса русской армии, офицерский саквояж.

В постоянной экспозиции под тему Первой мировой войны выделена витрина общей площадью 3 м² (2 м x 1,5 м). Телеграммы о ходе военных действий, сообщения о росте цен и денежные знаки, призванные отражать экономическое положение в стране. Представлены несколько документов и фотографий земляков – участников войны и мобилизации войск в Саранске, награ-

ды, оружие (артиллерийский тесак бобут и ящик для патронов) и обмундирование. В одной витрине с Первой мировой войной соседствует тема смены власти и отречения Николая II.

Для сменной выставки было отведено три витрины по 1,6 м², общей площадью 5 м². Экспонировалось более 50 экспонатов. В первой витрине было решено представить начало войны: телеграфные бланки с сообщениями о ходе военных действий, фотографии о проведении мобилизации в Саранске и Темникове, открытки патриотического характера. Во второй витрине экспонировались материалы по воинским частям и землякам-участникам войны, в третьей витрине были выставлены оружие и награды.

В общей сложности из уездов мордовского края за годы войны было мобилизовано 152 456 человек, то есть почти 50% всех трудоспособных мужчин. На территории современной Мордовии в годы Первой мировой войны формировалось несколько полков, носящих имена наших городов: 196-й Инсарский пехотный полк, 167-й запасной пехотный полк в Инсаре, 407-й Саранский пехотный полк, 445-й Темниковский полк, 529-й Ардатовский полк. Эти события отражены на выставке фотографиями и предметами. При составлении тематико-экспозиционного плана выставки встал вопрос отбора фотографий участников войны. Было решено экспонировать в витринах фотографии и личные вещи тех нескольких участников войны с наиболее характерной и интересной судьбой, в фондах которых имеются личные вещи, дневники, Георгиевских кавалеров, а остальных представить в информационном киоске, располагавшемся рядом с выставкой.

Впервые для экспонирования был представлен уникальный экспонат – фотоальбом «Жизнь на фронте». Он был изготовлен в годы Первой мировой войны непосредственным участником боевых событий Макаровым Александром Авдеевичем, который служил в штабе XI-й армии. После войны он проживал в Саранске, работал в типографии «Красный Октябрь». XI-ая армия принимала участие в боевых действиях на Юго-Западном фронте, в 1914-1915

гг. она осаждала и захватила первоклассную австрийскую крепость Перемышль.

В альбоме более 90 фотографий, отражающих все страницы военной жизни: фотографии разрушенных городов, взорванных австрийцами перед сдачей города мостов, бронированного поезда, змейкового (наблюдательного) аэростата, огнестрельных орудий (6-дюймовой гаубицы, 48-мм мортиры, 11-дюймового орудия), конной железной дороги, огнемёта, аэропланов, захваченных у австрийцев, внутреннего вида окопов. Напомню, что именно в годы Первой мировой войны появилась «окопная тактика» ведения войны с целью изматывания противника. В альбоме представлены фото заграждений из колючей проволоки, пленных австрийцев, раненых и убитых воинов, братских (коллективных) и офицерских могил. Там же мы видим фотографии, повествующие о военных буднях солдат – тут и стирка белья после боя, свободные минутки, купание в реке после взятия крепости Радзивилов, есть даже фотография снежной бабы с надписью «Вильгельм».

В альбоме представлена война глазами солдат, из окопа. Снимки полкового фотографа отличаются от работ штатных фотографов газет, для него не существовали многие табу и запреты, не всегда технически совершенные фотографии донесли до нас «окопную правду» войны. Все фотографии из альбома были отсканированы и демонстрировались на информационном киоске с авторскими подписями.

Выставка представила разные образы войны. Война многолика: из окопа, в лазарете Красного Креста и со страниц прессы она выглядит иначе, и везде есть своя правда. Для тыла война обернулась эшелонами раненых и подъёмом благотворительности, для прессы – патриотическими картинками, схемами сражений и жизнеутверждающими текстами, для солдата и офицера на фронте – опытом соприкосновения со смертью.

Подлинные вещи начала XX века и оружие Великой войны позволили посетителям окунуться в прошлое и проникнуться духом эпохи. Большое значение для презентации темы войны имеет коллекция оружия МРОКМ. В ней

хранятся образцы оружия воюющих сторон: трёхлинейная винтовка С. И. Мосина образца 1891 г., винтовка-берданка, охотничьи ружья-двустволки, холодное оружие. Для осмотра были представлены уже указанная винтовка системы Мосина, сабля офицерская в ножнах (Германия), штык клинковый к винтовке системы Гра (Франция), шашка драгунская солдатская образца 1881 г. (Россия).

В годы войны по инициативе Российской империи и Франции в рамках интернациональной помощи и обмена между двумя союзниками по Антанте на территории Франции действовал Экспедиционный корпус русской армии. В экспозиции представлена каска, которая находилась на вооружении русских войск во Франции. Эта каска принадлежала одному из директоров музея Д. Д. Ануфриеву, участнику Первой мировой войны.

В строящемся музее под тему Первой мировой войны выделено 11 м². Надеемся, нам удастся отразить все стороны тыловой и фронтовой жизни в новом музее.

*Елена Анатольевна Горбунова
Elena A. Gorbunova*

**Отражение Первой мировой войны в экспозиции
Ульяновского Музея-мемориала В. И. Ленина**

**The reflection of the First World War is in the exhibition
Ulyanovsk Museum of V. I. Lenin**

В статье рассматривается проблема показа музейными средствами одного из важнейших событий XX века, заложившего последующие кардинальные изменения в мире – Первой мировой войны. Описываются выставочные проекты, посвященные данной теме и реализованные в последние годы в Ульяновском Музее-мемориале В.И. Ленина, а также отражение данного события в постоянной экспозиции музея.

In the article the author considers the problem of displaying the Museum by means of one of the most important events of the Twentieth century, who laid the subsequent drastic changes in the world – the First World War. He describes the exhibition projects devoted to this topic and implemented in recent years in the Ulyanovsk Museum of V. I. Lenin and the reflection of this event in the Museum's permanent exhibition.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Ульяновский музей-мемориал В.И. Ленина, музейное пространство, экспозиция, выставочный проект.*

Keywords: *The First World War, the Ulyanovsk Museum of V. I. Lenin, Museum area, exhibition, exhibition project*

В 2014 г. Россия, как и всё мировое сообщество, отмечало 100-летие начала одного из самых масштабных вооруженных конфликтов в мировой истории – Первой мировой войны. В нашей стране появляются новые памятники, проводятся научные конференции, издаются монографии, посвященные событиям и конкретным историческим личностям «Великой войны». Это событие в отечественной истории нашло отражение и в музейном пространстве. Практически все российские музеи откликнулись на него созданием выставок, посвященных различным аспектам Первой мировой войны.

Следует отметить, что «в советский период сложилась весьма обширная историография войны, были выработаны хорошо обоснованные концепции всей её истории и важнейших, связанных с ней проблем. Среди недостатков советской историографии Первой мировой войны принято указывать заидеологизированность и, как следствие, методологическую ограниченность, а так-

же чрезмерную включенность исследований о ней в социально-политическую проблематику»¹.

Между тем, в советский период она была слабо отражена в музейном пространстве. Ей практически не уделялось внимание в отечественных СМИ, множество ярких и интересных событий этой войны никак не освещались в популярной литературе и искусстве. И когда в первой половине 1990-х гг. о событиях 1914-1918 гг. заговорили вновь, Первая мировая война стала ассоциироваться в общественном сознании как «неизвестная», «забытая». По сути, так оно и было.

В 1990-е гг. произошли кардинальные перемены в направленности поисков и методологии историков, занимавшихся изучением Первой мировой войны. Характерными чертами стали отказ от традиционных подходов советской эпохи, обращение к ранее недоступным документальным материалам, попытки переосмыслить на их основе наиболее острые моменты отечественной истории. Общий рост интереса наблюдался в отношении проблем недостаточно раскрытых прежней историографией: военного потенциала царской России и оборонной политики правительства, военной истории Первой мировой войны, международных отношений 1914-1918 гг.

Постепенно и отечественные музеи начали уделять внимание этому событию, в основном, через реализацию выставочных проектов, посвящённых Первой мировой войне.

Ульяновский Музей-мемориал В. И. Ленина, позиционирующий себя как музей политической истории XX века, не мог обойти стороной событие, влияние которого проявилось в политической, экономической, социальной, демографической, духовной сферах жизни российского общества в этот период, событие, явившееся катализатором потрясений, обрушившихся на страну.

В экспозиции Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина событиям Первой мировой войны было уделено минимальное внимание, поскольку в разделе, посвящённом этому периоду, акцент был смещён на деятельность В. И. Ленина, его концепции превращения войны империалистической в войну гражданскую.

¹ Гребенкин И. Н. «Забытая» война? Современные тенденции исторических исследований // Первая мировая война в истории российской нации. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. – Пенза, 2014. – С. 34.

К 95-летию начала Первой мировой войны был реализован выставочный проект «Неизвестная великая война». На выставке было представлено более 150 подлинных экспонатов, посвящённых этому событию. Выставка состояла из следующих разделов: «Начало Первой мировой войны», «Военные операции», «Герои Второй Отечественной», «Война и российское общество», «Геополитические последствия войны».

При создании раздела основной экспозиции «Россия накануне революций 1917 г.» были использованы наработки данной выставки. Данный раздел раскрывает внутривнутриполитическую обстановку в Российской империи и её внешнюю политику в 1912-1916 гг., и события Первой мировой войны играют здесь ключевую роль.

На основе фондового собрания Музея-мемориала В. И. Ленина в разделе сконцентрировано внимание на отражении социально-политических отношений в обществе, психологических изменений человеческой личности под влиянием войны, а также затронуты проблемы проведения военных кампаний 1914-1916 гг. на Восточном фронте со стороны России и её противников (Германии, Австро-Венгрии, Турции). Особое внимание уделено общественно-политическому кризису в стране, порождённому военными событиями и приведшему к революции.

В экспозиции представлены официальные документы, живопись и графика, фотографии, посвящённые событиям войны, коллекция благотворительных плакатов, открытки периода Первой мировой войны из российских коллекций филокартии, географические карты. Интерес представляет многотомное художественное издание «Великая война в образах и картинах», выпущенное Д. Я. Маковским в 1914-1917 гг. и явившееся «повременной хронологической иллюстрацией великой войны»². В разделе представлены личные комплексы участников войны Г. А. и М. А. Ушаковых, Д. П. Горячева, С. А. Новокрещенова, Н. А. Успенского, К. Ф. Машковского и др.

В экспозиции представлены материалы, посвящённые началу войны, настроениям в российском обществе накануне и после объявления Германией и Австро-Венгрией войны России, отражены особенности начального периода войны, ход военных действий в 1914-1916 гг., сконцентрировано внимание на

² Маковский Д. Я. Предисловие [Текст] // Великая война в образах и картинах. Т. I / Под ред. И. Лазаревского. – М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1914. – С. 3.

социальных и психологических аспектах войны: повседневной жизни людей на фронте и в тылу, отношении общества к войне и участие населения в оказании помощи армии, мобилизации и эвакуации. Уделено внимание отношению к войне различных политических партий, их лидеров, в том числе и В. И. Ленина.

К 100-летию начала Первой мировой войны была подготовлена выставка «Милосердие. Медики на фронтах Второй Отечественной». Выставка – совместный проект сотрудников Ленинского мемориала, Ульяновского отделения союза филателистов России, коллекционера А. А. Мальцева, семьи Р. С. Николаева-Балла – правнука В. Н. Николаева, штабс-капитана медицинской службы, участника Первой мировой войны.

Есть в русском языке одно очень тёплое слово, ещё недавно несправедливо забытое – милосердие. Образ женщины в сознании многих неразрывно связан с этим понятием. Сестры милосердия – так называли женщин, посвящавших себя очень тяжёлому, но прекрасному делу – служению в те минуты, когда к человеку приходит беда – болезнь. Многие женщины становились сестрами милосердия в годы Первой мировой войны. С самого её начала повсюду в России стали открываться госпитали для раненых, многие из которых были созданы на частные средства. Пример подала царская семья. Уже осенью 1914 г. в Большом Царскосельском дворце был открыт большой госпиталь имени императрицы Александры Федоровны. Сама государыня и её дочери великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны прошли курс обучения хирургической сестры милосердия, получили установленные дипломы и постоянно работали в палатах. Немало сестёр милосердия за храбрость на фронтах Первой мировой войны было награждено наградами – Георгиевскими крестами и медалями. Военные врачи были не просто участниками Великой войны, а ведущими фронтовыми специалистами. Работая в прифронтовой зоне и в тылу, не отходя от операционного стола, порой сутками без перерыва на отдых, они разрабатывали новые методы лечения, совершенствовали организационные мероприятия по эвакуации раненых.

В трагические для страны дни, особенно в первый период, люди стремились помочь во всём Отечеству и воинству. На организацию госпиталей, лазаретов жертвовали денежные средства люди и организации. В Симбирской губернии насчитывались десятки госпиталей и лазаретов. Только при Губерн-

ской земской больнице насчитывалось 950 коек, в Дворянском собрании 150 коек и др. Большую работу проводило Симбирское отделение общины сестёр милосердия. Немало было открыто лазаретов в частных владениях.

На выставке было представлено свыше 500 экспонатов. Многие из них уникальны. Особый интерес представляли личные комплексы врачей и сестер милосердия В. Н. Николаева, Н. Н. и В. Н. Никифоровых, Д. И. и М. И. Ульяновых, М. А. Попова, А. П. Любимова, подлинные материалы, посвящённые единственной женщине, награждённой офицерским орденом Святого Георгия IV степени, сестре милосердия Р. М. Ивановой.

В заключение хотелось бы отметить, что, учитывая работу, проделанную музеями в последний период, можно сказать, что Первая мировая война вышла из полосы забвения. И Ульяновский Музей-мемориал В. И. Ленина внёс в эту работу свою лепту.

Отражение событий Первой мировой и Великой Отечественной войн в личных фондах Государственного архива Ульяновской области

The reflection of the events of the First World War and Great Patriotic War in the personal funds of the State archive of the Ulyanovsk region

В статье рассматриваются личные фонды и коллекции Государственного архива Ульяновской области, где отложились документы, отражающие события Первой мировой и Великой Отечественной войн. Отмечается роль государственных архивов РФ в сохранении исторического наследия и документального богатства личного происхождения.

In this article, the author explores the personal funds and collections of the State archive of the Ulyanovsk region, where the documents reflect the events of the First World War and Great Patriotic War. Was highlighted the role of the state archives of the Russian Federation in preservation of historical heritage and documentary wealth of personal origin.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Великая Отечественная война, личные фонды, документы, письма, воспоминания, Государственный архив Ульяновской области.*

Keywords: *The First World War, the Great Patriotic War, personal funds, documents, letters, memoirs, State archives of the Ulyanovsk region.*

В Государственном архиве Ульяновской области (далее ГАУО) особенно ценными источниками, отражающими события трагических войн XX века, являются документы личных фондов, как самих участников военных действий, где отложилась субъективная история войн, так и материалы об участниках войн, уроженцах Симбирской губернии–Ульяновской области собранные в личных фондах известных учёных и преподавателей, краеведов нашего региона.

Впервые о сохранении истории Первой мировой войны озаботились сами члены Симбирской губернской учёной архивной комиссии (далее СГУАК): П. А. Александров, В. Н. Поливанов¹.

¹ Государственный архив Ульяновской области. Личные фонды и коллекции: Справочник указатель. – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2004. – 104 с.; Пу-

П. А. Александров (1863–1932) – заведующий архивом, библиотекарь, хранитель музея СГУАК, сотрудник Ульяновского губернского архивного бюро собрал коллекцию агитационных изданий: брошюры, открытки, листовки, посвящённые Первой мировой войне. Хранящиеся в личном фонде П. А. Александрова названные документы относятся к начальному периоду войны и изображают победные атаки русских войск, бегущих врагов, портреты Императора, правителей союзных держав, полководцев и солдат. На плакате «Без победы не вернемся» изображены проводы солдат на войну².

Фронтовые письма солдат, участников театра военных действий, бережно сохранены в личных фондах П. А. Александрова³, В. Н. Поливанова (1850–1915) – основателя СГУАК⁴, А. Н. Степанова (1882–1919) – преподавателя Симбирской первой мужской классической гимназии⁵.

Воспоминания о путешествии за границу летом 1914 г. оставил А. В. Ястребов (1886 – 1969) – преподаватель Ульяновского государственного педагогического института им. И. Н. Ульянова⁶.

В письмах, воспоминаниях участников Первой мировой войны отражены отдельные сюжеты и эпизоды, рассказывающие о славной истории и горькой правде войны.

Участником военных событий Первой мировой войны был И. В. Писарев (1877–1962), уроженец с. Найманы Ардатовского уезда Симбирской губернии, кавалер орденов Святого Станислава II и III степеней, Святой Анны III степени, ордена Ленина. Он окончил Дерптский университет. С декабря 1911 по август 1914 гг. Иван Вениаминович работал врачом Ромодановской земской больницы Пензенской губернии. Начавшаяся мировая война заставила его переквалифицироваться из земского доктора в военно-полевого хирурга. В сере-

теводитель по фондам Государственного архива Ульяновской области. Часть 1. – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2012. – 312 с.

² Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 832. Оп. 1. Д. 202, 203.

³ ГАУО. Ф. 832. Оп. 1. Д. 205.

⁴ ГАУО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 8.

⁵ ГАУО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 87–89.

⁶ ГАУО. Ф. Р 4217. Оп. 1. Д. 2.

дине августа 1914 г. И. В. Писарев был мобилизован на Юго-Западный фронт – в города Львов и Винницу, где состоял младшим ординатором Пензенского госпиталя № 13 Красного Креста. В 1915 г. работал хирургом на передовой, в полевых госпиталях: с 17 по 23 мая находился в передовом отряде в районе города Рудки (Украина), с 28 сентября по 5 декабря работал в передовом отряде в городе Ровно, после чего возвратился в госпиталь. 12 мая 1916 г. И. В. Писарев был назначен старшим врачом 81-го передового отряда Красного Креста 3-й армии. Продолжал оперировать раненых.

Осенью 1916 г. И. В. Писарев, вместе с госпиталем, совершает переход от местности под названием Стоход (на Западной Украине) – в Карпаты, в село Гринёво Косовского уезда. Первую половину 1917 г. он находится в Карпатах, а затем переезжает вместе с госпиталем в город Винница Подольской губернии. Последние годы был врачом железнодорожной больницы города Инза Ульяновской области⁷. Службу военного врача в госпиталях запечатлели фотографии. Два его фотоальбома переданы в госархив с документами личного происхождения Б. В. Аржанцева (Ф.Р – 4226).

В трагические и тяжёлые годы Первой мировой войны рядом с жителями сёл и деревень, в глубинке российской империи, были священники. Они поддерживали и помогали своим прихожанам. А. В. Рекеев, известный чувашский педагог, миссионер, соратник И. Я. Яковлева, служил в приходе села Байглычево Тетюшского уезда Казанской губернии. Алексей Васильевич активно помогал и духовно, и материально сородичам, своим прихожанам. В личном фонде А. В. Рекеева сохранилось описание жизни села в годы Первой мировой войны и переписанные Алексеем Васильевичем письма солдат, бывших его учеников и прихожан. Солдаты в своих письмах описывали не только тяготы войны, но и трогательные встречи ими на позициях Великих Христианских праздников⁸. Из этих писем видны и личные переживания солдат, и внимательное отношение к ним приходского священника.

⁷ ГАУО.Ф.Р 4500. Оп. 1. Предисловие к описи; Д. 1.

⁸ ГАУО. Ф. 835. Оп. 1. Д.1. Л. 1-6.

В 2014 году, в год 100-летия начала Первой мировой войны, ГАУО в русле реализации проекта «Архивы: время, события, лица» (2014-2022) и в рамках акции «Сохраним историю вместе!» провёл сбор документов о жителях Симбирской губернии–Ульяновской области, участвовавших в Первой мировой войне. Н. А. Казаков, Р. С. Николаев-Балл, В. П. Блинкова, К. Ф. Белоусов, Н. В. Алеева, А. В. Мельникова, В. С. Бакашов, Н. Г. Грошев, В. В. Фролов откликнулись на обращение архивистов и передали из частных архивов документы своих родственников–участников Первой мировой войны.

На постоянное государственное хранение в архив от жителей нашего региона были приняты биографические документы, воспоминания об участниках Первой мировой войны, прохождении военной службы, индивидуальные и групповые фотографии участников Первой мировой войны.

Из собранных документов будут созданы личные фонды и отдельная коллекция документов по истории Первой мировой войны, а фотографии переведены в электронный вариант. Наиболее ценные документы, переданные в архив по акции, войдут в сборник планируемый к изданию.

Государственный архив бережно хранит личные фонды ветеранов и участников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., в том числе семи Героев Советского Союза. Фронтные реликвии солдат Победы являются бесценным документальным богатством. Особое отметим письма, дневники, воспоминания, фотографии, которые передают личные переживания самих солдат. Сквозь призму человеческого восприятия острее ощущается трагизм происходящих событий и непоколебимая вера в Победу.

Военные дневниковые записи П. С. Бейсова, которые он вёл на фронте и в госпитале в 1942-1943 гг., содержат ежедневные наблюдения фронтовика и собранные солдатские песни⁹. Военный дневник вёл и В. П. Новичков. С 1941 по 1943 гг., начиная с первых дней войны, записывал происходящие события: начало войны, учеба во 2-ом Ульяновском краснознаменном танковом учили-

⁹ ГАУО. Ф. Р 4061. Оп. 1. Д. 305 – 306.

ще им. М. И. Калинина, отправление на фронт и т.д.¹⁰. Трогательные и нежные письма солдат к родным и близким, где запечатлены тоска по дому, ожидание и вера в победу, содержатся в личных фондах М. В. Арефьева (Ф. Р -4470), пропавшего без вести военного фортификатора Г.С. Данилова (Ф.Р – 4247). В личном фонде В. А. Радыльчука (Ф. Р – 3863), участника Гражданской и Великой Отечественной войн, скрупулёзно собраны сведения об уроженцах Ульяновской области, полных кавалерах орденов Славы и Героев Советского Союза. Воспоминания ульяновцев о Яссо-Кишиневской операции, сражении под Ленинградом, об освобождении Венгрии от немецких захватчиков, форсировании Днепра и др. собраны в Коллекции участников Великой Отечественной войны (Ф. Р – 4205).

Во многих фондах участников и ветеранов войны имеются фотографии фронтовиков: К. М. Абрамова (Ф. Р – 3801), Н. Ф. Алабердина (Ф. Р – 4508), Н. Г. Левинтова (Ф. Р – 4343), В. А. Никифорова (Ф. Р – 4474), В. П. и Ю. Н. Тараненко (Ф. Р. – 44 69) и др.

ГАУО не только собирает (комплектует) и хранит, но и вводит в информационное пространство бесценные документальные свидетельства истории Первой мировой и Великой Отечественной войн. Сотрудники госархива активно используют материалы из личных фондов при подготовке выставок и презентаций, статей и публикаций, издании книг. Подлинные документы являются наглядным примером для патриотического воспитания подрастающего поколения.

¹⁰ГАУО. Ф. Р 4268. Оп. 2. Д. 50. Л. 1-45.

*Татьяна Михайловна Брыляева
Tatyana M. Brylyayeva*

Дом-музей В. И. Ленина в Великую Отечественную войну

The House-Museum of V. I. Lenin during the Great Patriotic War

Статья посвящена истории музея в годы Великой Отечественной войны, сотрудникам, которые вели огромную работу, помогли преодолеть страх и усталость, утвердить уверенность в грядущей Победе.

The article is devoted to the history of the Museum during the great Patriotic war, employees who conducted a great job, helped to overcome the fear and fatigue to approve the confidence in the coming Victory.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, дом-музей В. И. Ленина, история музея, Ульяновск*

Keywords: *The Great Patriotic War, the House-Museum of V. I. Lenin, the history of the Museum, Ulyanovsk*

Сегодня самым доступным способом соприкосновения с прошлым является посещение музеев. Страницам героической военной поры посвящена выставка в Доме-музее В. И. Ленина. В основе экспозиции – отзывы посетителей музея в 1941-1945 гг., предоставленные Государственным архивом новейшей истории Ульяновской области, и материалы фондов Музея-мемориала В. И. Ленина. Расскажем, как свою лепту в приближении светлого дня 9 мая 1945 г. внесли сотрудники музеев, которые вели огромную работу, словом и образом помогая преодолеть страх и усталость, утвердить уверенность в грядущей Победе.

Создание мемориально-бытовой экспозиции Дома – музея В.И. Ленина в 1929 г. сделало его важнейшей исторической достопримечательностью Ульяновска, самым посещаемым объектом в Поволжье. (См: Фото 1,2)

В связи с этим 18 июня 1941 г. К. Д. Гончаренко, директор Ульяновского филиала Центрального музея В.И. Ленина, издал приказ о ежедневной непрерывной работе музея. Но туристический сезон 1941 г. оказался коротким...

Фото 1. Дом-музей
В.И.Ленина.1942

Фото 2. Комната Александра Ульянова.1942

Последний плавучий лагерь «X лет «Комсомольской Правды» с учащимися Сталинграда и теплоход «Полина Осипенко» с отдыхающими посетили музей 24 июня. А с 29 июня в музейной книге записей впечатлений появляются строки со словами: «война», «враг», «фронт». *«Накануне отъезда на фронт борьбы с фашистской Германией мы, жители Кошкинского района, побывав в доме Владимира Ильича, поедем бить германских захватчиков так, как Гитлеру не снилось еще во сне. Красноармейцы: И. Бажаров, ...»*¹ Следующая запись повествовала: *«Я – ульяновец ... Отдам жизнь за разгром врага. С. Трешнов».*²

В записях первых страшных дней бомбардировок и смертей отражается уверенность красноармейцев в будущей победе. *«Кровожадный зверь напал на нашу священную Родину. В этот грозный час помним только одно: нашу родную священную землю отстоял, прежде всего, В. Ленин. За память простого человека я, младший лейтенант запаса, Новиков С. П. (учитель средней школы) каждую каплю своей крови с удовольствием отдам за один крик: «Вперед! За Родину! За Ленина!» 13 июля 1941г.»*. В этот же день сделана запись под

¹ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 441. Оп. 1. Д. 10. Л. 83об.

² ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 10. Л. 93об.

впечатлением первого обращения И. В. Сталина, главы Правительства СССР, к народу: *«Хорошо быть таким человеком, который может признать свои ошибки перед всей страной, который живет одной мыслью: «Я живу – это ерунда, лишь бы жил русский человек»³.*

«Накануне отъезда на фронт» – этими словами начинались многие записи красноармейцев. Здесь, в стенах музея, с особым проникновением произносились патриотические слова людьми, уходящими на смертельную битву: *«Командиры Мирошниченко С. Е., Баязитов С. И. посетили дом, где жил вождь В. И. Ленин. В минуту, когда фашистские изверги напали на наш народ и любимую Родину, мы даем в доме Ленина клятву, что для разгрома фашизма не пощадим силы, а если понадобится и жизнь. 26 августа 1941г.»⁴.*

В годы войны Ульяновск являлся кузницей командного состава Армии. В городе находилось четыре военных училища, авиашкола, курсы командирского и школа сержантского состава. Их слушатели перед отправлением на фронт в Доме-музее В. И. Ленина присягали отстоять Родину от захватчиков.

Фотокамера запечатлела 21 января 1942 года клятву курсантов Гвардейского танкового училища (См: Фото 3).

Фото 3. Клятва курсантов танкового училища 21 января 1942. ЦМЛ 3.02. – 23. 06. 1941

³ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Л. .88, 88об.

⁴ Там же. Л 103.

В нашем танковом училище обучался Александр Космодемьянский. Его навещала мама Любовь Тимофеевна в Ульяновске, при посещении музея ею была сделана следующая запись: *«С чувством глубокого благоговения я переступала из одной комнаты в другую, где жил великий человек, благодаря которому выросла наша страна в непобедимую армию фронта и тыла... Ленинский комсомол воспитал мою дочь Зою Космодемьянскую, которая храбро и стойко перетерпела нечеловеческие пытки фашистских палачей и храбро приняла смерть. 21 января 1943г.»*⁵. Впоследствии 102 командира-танкиста, среди которых был А.А. Космодемьянский, прославили ульяновское училище, получив за боевые подвиги звание Героев Советского Союза.

Великая Отечественная война оборвала беззаботное детство миллионов мальчишек и девчонок. Они вместе со взрослыми переносили все тяготы жестокого времени: голод, холод, утрату близких. Они, дети, учились при свете лучины и понимали, что их главный труд – вырасти, чтобы быть полезными своей Родине. Дом-музей В.И. Ленина был для многих местом, где они вспоминали мирные годы. В книге отзывов музея появлялись по-военному жёсткие записи, сделанные ученическим почерком: *«Здесь, в Доме-музее В. И. Ленина я клянусь все свои силы и знания, если надо и жизнь, отдать делу разгрома ненавистных захватчиков. Ученик 5 класса 7средней школы В. Шепелев»*⁶.

Музейной книге изливали своё горе женщины, потерявшие близких в военной пучине. Нередко на страницах можно увидеть размытые чернильные пятна, следы слёз горьких утрат: *«...как не хотелось уезжать из Москвы... так и сегодня не хочется уходить из этого домика... Я случайно нашла открытой страницу записи Дмитрия Ильича и несколько капель еще не высохших слез. Это плакала женщина, потерявшая недавно на фронте мужа. Дорогой Ильич, мы клянемся тебе биться до последней капли крови»*⁷.

⁵ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 11. Л. 393-394.

⁶ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

⁷ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 11. Л. 10об.

Вместе с тысячами эвакуированных Д. И. Ульянов с семьей прибыл в свой родной город 2 августа 1941 г. и проживал здесь до 28 июля 1942 г. (См.: Фото 4)

Фото 4. Д. И. Ульянов с женой и дочерью среди работников Дома-музея В.И.Ленина. 28.07.1942.

Будучи сам тяжело больным человеком, Дмитрий Ильич находил в себе силы посещать госпитали, многое делал для выздоровления раненных, беседовал с ними. Неоднократно Дмитрий Ильич посещал бывший свой родной дом, ставший музеем. В вышеупомянутой записи в книге отзывов Дмитрий Ильич дал высокую оценку работам по восстановлению мемориальной обстановки: *«Как будто вскрыто старое, давнишнее. Пахнуло давно забытым, но в то же время бесконечно родным. Во всём видится, слышится, чувствуются отец, мать и он, Володя, сначала маленький резвый мальчик, неизменно жизнерадостный, весёлый, абсолютно справедливый и безупречный во всём, затем более взрослый юноша непреклонно настойчивый. Бесконечно милые и дорогие образы. И слёзы подступают к старым глазам, но на душе так хорошо и уютно, что не хочется уходить из обстановки этого домика»⁸.*

⁸ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 11. Л. 103.

Многие из приехавших испытали весь ужас фашистской агрессии. С болью вспоминая пережитое, студенты Воронежского медицинского института сделали запись 21 января 1943 г.: *«В прошлом эвакуация под бомбами, под пулевым дождем немецких «асов» ... тысячи трупов ... смерть. Сейчас мы – молодежь Украины, Белоруссии, Польши, Литвы, выбравшиеся из фашистского ада, ... студенты пришли в домик Владимира Ильича»*⁹.

С особым чувством приходили люди в музей, когда армия освобождала города: *«Это посещение в день впечатляющей победы, взятия Киева, останется навсегда в нашей памяти. Семья Толстых 7.XI 1943 г.»*¹⁰. Или: *«Нет слов выразить все чувства, которые охватывают нас... Сегодня в день капитуляции Италии еще раз убеждены, глубоко верим, что день свободы нашей страны от изуверов – варваров ближе, чем когда-либо. Артисты симфонического оркестра Московской республиканской филармонии. 09.09.1943»*¹¹.

Книги отзывов Дома-музея В.И. Ленина содержат тысячи записей печали, радости, философских рассуждений и поэтических строк. Нельзя без волнения знакомиться с посланием, оставленным курсантом танкового училища Анатолием Аквиловым 2 марта 1944 г.:

Пусть голос живёт мой, – пока живётся!

Пусть песня поётся, – пока поётся!

А в жизнь молодую войдите навеки

*Стихи о бессмертии и человеке!*¹²

Среди тех, кто посетил музей и оставил записи в книге отзывов, были член Государственного Комитета Обороны К. Е. Ворошилов (24 мая 1942 г.)¹³, военные атташе Канады, Мексики, США. Представитель мексиканского правительства полковник Кальдерон записал: *«Я посетил одно из мест, которые более всего желал видеть. Ленин – это величайшее из современных имен ве-*

⁹ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 14. Л. 116.

¹⁰ Там же. Л. 170.

¹¹ Там же. Л. 63.

¹² Там же. Л. 144.

¹³ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 11. Л. 79об.

ка... Я оставляю в этом доме почтительную память освободителю и вождю трудящихся, так же как и основателю этой дружеской нации, искренней и доблестной. 10 августа 1943 г.»¹⁴.

В 1941-1943 гг. в музее побывали корреспонденты иностранных газет и журналов: представитель Объединённой иностранной прессы США – Гомер Смит и Ху Цзы Бань – обозреватель периодического издания «Культура Китая и СССР». Иозеф Нахт выразил свое впечатление от осмотра мемориального музея: *«Я – член союза советских писателей Украины, заслуженный польский поэт. Я издал четыре книжки, а здесь писать не могу, слишком много чувств. Здесь жил Ленин»¹⁵.*

В литературе последних лет учреждения, связанные с именем В. И. Ленина, отождествляют с инстанциями идеологического и политического диктатора, а посещение ленинских мест объясняют реализацией установок партийно-государственных органов. Но, перелистывая Книгу отзывов, трудно усомниться в их неискренности. Трудно не поверить записям бойцов, уходящих на передовую, и, вполне осознающих, что слова, оставленные после посещения музея, могут быть последними публичными в их жизни.

Книги отзывов Дома-музея В. И. Ленина содержат ценную информацию и служат источником, отражающим социально–психологическое состояние общества военного времени. Посещение экспозиции помогало избавиться от ощущения одиночества, неуверенности, а музей являлся своеобразным местом общения, выполняющим функцию социальной адаптации.

Научная деятельность музея определялась требованиями военного времени. В 1941 и 1944 гг. проводилась работа по составлению детального описания Дома–музея и надворных построек: описаны внешний вид каждой комнаты и каждого строения, формы, размеры дверей, окон, полов, потолков, печей, всего того, что нельзя увидеть на фото или чертеже плана.

¹⁴ Каверзина А. Музей В.И. Ленина в дни войны // Ульяновская правда. – 1944, 16 января

¹⁵ Там же.

В августе 1941 г. произведена фотосъемка всех архитектурных деталей (124 снимка). Срочно 16-17 сентября 1941 г. выполнена работа по оценке экспонатов. Сотрудники музея участвовали в подготовке передач Совинформбюро. В перечне тем, адресованным научному сотруднику музея А. Г. Медведевой, значились: «О работе в тылу», «О зверствах немцев» и по другим вопросам военного времени»¹⁶. Лекции по ленинской тематике, о текущем моменте, о сущности фашизма проводились для рабочих и военных в организациях, во Дворце пионеров и кинотеатре «Пионер». Сотрудники музея активно выступали как в местной, так и центральной печати, готовили радиопередачи, которые транслировались из Ульяновска, Казани, Москвы.

Дирекция музея особое внимание уделяла издательской деятельности. Посетители, как правило, не покидали Дом-музей В. И. Ленина без путевода-теля. Бойцы, уходившие на фронт, увозили с собой эти брошюры. Экземпляр издания 1940 г. подарил Д. И. Ульянов при посещении госпиталя выздоравли-вавшему красноармейцу, сделав на титульном листе надпись: «Дорогому бой-цу Владимиру Андрееву на добрую память»¹⁷. (См: Фото 5)

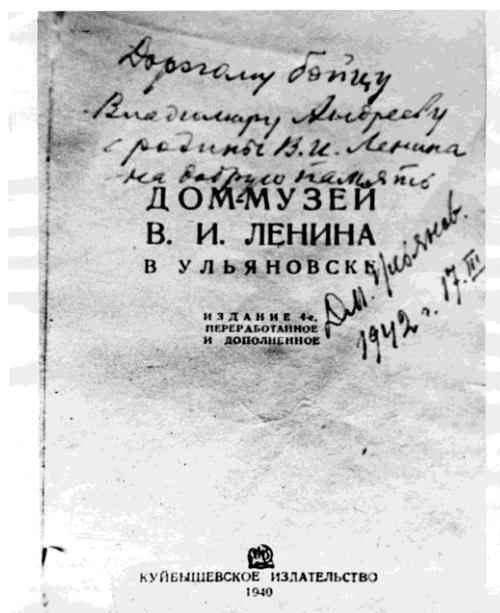

Фото 5. Путеводитель с автографом Д.И. Ульянова. 17.03.1942

¹⁶ Ульяновский музей Ленина (УМЛ). КП-3738.

¹⁷ УМЛ. КП-2052-в.

Несмотря на трудности военного времени, в 1942 г. был переиздан музейный путеводитель двадцатитысячным тиражом. Значение и популярность маленьких книжечек без переплёта, выполненных на газетной бумаге, трудно переоценить. В настоящее время экземпляры пятого военного издания путеводителя являются библиографической редкостью.

Благодаря сотрудникам в период войны фонды музея продолжали пополняться ценными источниками. Это материалы из архива соученика В. И. Ленина – М. Ф. Кузнецова. После смерти А. Ф. Щербо в музей поступили подлинники письма к ней Ольги Ульяновой.

Анна Григорьевна Медведева вела переписку с людьми, знавшими семью Ульяновых, бывавшими в их доме на Московской улице. Обращаясь в Москву к сыну И. Я. Яковлева – Алексею Ивановичу, Анна Григорьевна писала в 1944 г.: «Дом-музей очень дорожит воспоминаниями современников, тщательно их собирает и хранит, т.к. каждый факт, каждая черточка важны для исследователя жизни Ульяновых и юных лет В.И.Ленина»¹⁸.

В 1941-1945 гг. в Дом–музей В. И. Ленина обращались учёный Кондаков, профессор Волин, Петропавловский, кинорежиссёр Гейман, писательница Гринберг, композитор Титов, художник Памфилов, работавшие над ленинской тематикой. Для многих из них проводила консультации А. Г. Медведева. В письме к ней Б. М. Волин заметил: «Ваше любезное отношение ко мне дало возможность в небольшие сроки показать во многом архивы Дома-музея»¹⁹.

В сентябре 1944 г. по запросу А. Ф. Гринберг Медведева подготовила около 40 обоснованных ответов, касающихся деятельности И. Н. Ульянова, его наград, окружения семьи, симбирских фотографий, подробностей бытового уклада и т.д.²⁰. В последствии писательница благодарила А. Г. Медведеву, подчёркивая значимость сведений, полученных в Ульяновске: «У меня целый

¹⁸ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 198. Л.6.

¹⁹ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 209. Л.2.

²⁰ Там же. Л. 4.

архив Ваших ответов, с которыми я то и дело справляюсь и берегу как зеницу ока...»²¹.

В 1943 г. А.Г.Медведева вела исследование родословной семьи Ульяновых с характеристикой документов о предках по линии Ильи Николаевича (его матери, деда, сестёр, брата), по линии Марии Александровны с упоминанием шведских корней. В 1945 г. А. Г. Медведева, возобновляя переписку с архивами Казани, Челябинска, запрашивала материалы об отце Марии Александровны – А. Д. Бланке²².

Собранные в музее сведения, негативный фонд активно использовались в выставочной деятельности. Сотрудники музея производили комплектование фотоснимков для ленинских уголков по запросам местных и иногородних предприятий. Так в 1941 г. было сделано 11 комплектов, в том числе для медицинского техникума г. Кисловодска²³.

По предложению А. Г. Каверзиной, директора ленинского музея, было принято решение о создании в школе № 1 выставки «Гимназия в годы учения В.И.Ленина» и восстановлении облика 7-го класса в период обучения в нём В.И.Ленина в этой школе-гимназии. В 1945 г. было положено начало деятельности школьного ленинского музея, для которого сотрудники Дома–музея В. И. Ленина подготовили план экспозиции, подобрали фото, документы, составили списки учебной и художественной литературы²⁴.

Прерванная годами войны культурно-массовая работа с учащимися возобновилась в музее в 1945 г. 22 января этого года состоялся пионерский сбор для воспитанников детского дома № 9²⁵. К 75-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина в большинстве школ города проводились теоретические конференции.

²¹ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 209. Л. 10.

²² Там же. Л. 1, 5.

²³ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 179. Л. 27 об.

²⁴ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 209. Л. 11 об.

²⁵ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 203. Лл. 20-20 об.

Приближали Великую победу и сотрудники Ленинского музея. На фронт были призваны помощник директора Н. Ф. Лукьянов, экскурсоводы А.Желтова, С. М. Морковников²⁶. В 1942 г. С. К. Морозова была отозвана с работы экскурсовода в спецчасть фабрики № 5. Добровольцем ушёл в ряды Красной Армии директор Кузьма Данилович Гончаренко и героически погиб в июле 1942 г.

Сотрудники музея принимали участие в сборе тёплых вещей для фронта. Отчисляли по 30-40% заработной платы на укрепление обороны (зарплата экскурсоводов составляла 500 руб. при рыночных ценах на молоко – 20 р. за 1 л, мяса – 50-70 руб. за 1 кг). Карточки на продукты часто не отоваривались. В домах отключали электроэнергию, не хватало дров для обогрева жилищ. Помимо основной работы научные сотрудники обязаны были в 2-3 раза в месяц дежурить в музее для топки печей. Все работники музея добросовестно выполняли свои обязанности, не считаясь с состоянием здоровья, при необходимости открывали музей для обслуживания посетителей в ночное время.

В военные годы Дом–музей В.И.Ленина функционировал как отдел Ульяновского филиала Центрального музея В.И.Ленина. Его открытие состоялось в труднейшее для страны время, когда фашистские захватчики стояли у стен столицы – 2 ноября 1941 г. Но сложности военного времени, дефицит топлива привели к тому, что уже 25 ноября прекратилось отопление филиала и была спущена вода из батарей. В период с 10 ноября 1942 по 16 мая 1944 гг. филиал был закрыт. Несмотря на то, что филиал работал только в тёплое время года, его посещаемость составила почти 20.000 человек. Посетителями были военнослужащие, преподавательский состав мединститута, студенты, учащиеся, слушатели кружков по изучению истории партии. Основная работа по обслуживанию посетителей проводилась в Доме–музее В.И.Ленина. Ежемесячная посещаемость музея в военные годы выросла до семи тысяч человек.

Увеличение нагрузки на дом, естественное старение древесины и другие отрицательные факторы эксплуатации здания поставили под угрозу его суще-

²⁶ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 160. Лл. 18-19.

ствование. В связи с чем особое значение имела работа по сохранению Дома-музея В.И.Ленина. А.Г.Каверзина проявляла чудеса стойкости, обращалась в инстанции разных уровней для решения вопросов жизнеобеспечения музея. В докладной записке в Горком ВКП (б) секретарю В. К. Гребень она связывала вопросы охраны музея с сохранностью здания: *«Прошу Вас возбудить вопрос перед Куйбышевским ОК ВКП (б) и Облисполкомом об установлении постоянного круглосуточного поста в Доме-музее В. И. Ленина. Помимо охраны пост нужен ещё и потому, что несмотря на постановление Исполкома ульяновского Горсовета о запрещении проезда грузовых машин и автобусов мимо музея, машины продолжают ездить, а остановить их некому. Дом от сотрясения разрушается, и т. к. нижние венцы здания подгнили и поражены грибком, то может произойти осадка дома на бок (об этом имеется соответствующий акт комиссии Академии Архитектуры СССР по обследованию дома). 3 декабря 1941 г.»*²⁷.

Названная комиссия приезжала в Ульяновск в апреле 1941 г. Кабинет строительной техники Академии Архитектуры СССР, выполняя решение ЦК ВКП(б) от 14 августа 1940 г. о принятии мер по сохранности Дома-музея В.И.Ленина, провёл детальное обследование дома и вынес заключение о необходимости приступить к капитально-восстановительному ремонту с 1 июля 1941 г.²⁸ Программа, разработанная в 1941 г.²⁹, предусматривала замену печного отопления центральным. В выстроенном под домом подполье предполагалось разместить нагревательные приборы и устройство вентиляции.

Для проведения строительных работ в течение I-III кварталов 1941 г. были организованы геолого-геодезические работы, в результате чего были установлены структура почвы, колебания уровня грунтовых вод³⁰. Но осу-

²⁷ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 156. Л. 65.

²⁸ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 169. Л. 10.

²⁹ Опубликовано: Вестник Музея-мемориала В.И. Ленина. Вып. 6. – Ульяновск, 2004. – С.206-208.

³⁰ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 178. Л. 14-15.

ществование намеченных планов прервало вероломное нападение фашисткой Германии.

В военные годы служащие поддерживали санитарное состояние музея. Регулярно поднимали половицы для проветривания подпола, проверяли состояние половой доски на наличие грибка. Тем не менее, бывали случаи занесения поражающих древесину насекомых с дровами. В 1943 г. представители ульяновского Облисполкома и Обкома провели обследование технического состояния музея, которое было признано неудовлетворительным и рекомендовали неотложное проведение работ по сохранению дома³¹.

В 1944 г. Дом-музей В.И.Ленина обследовала комиссия в составе Управляющего делами ЦК ВКП(б) М. Н. Волкова и директора Института строительной техники, члена-корреспондента Академии Архитектуры СССР, доктора технических наук Г. Ф. Кузнецова. Заключение комиссии были положены в основу «Проекта восстановления и консервации Дома-музея В.И.Ленина в г. Ульяновске», разработанного кабинетом строительной техники Академии Архитектуры СССР³². Руководитель проекта Г. И. Фёдоров привлёк к работе над ним виднейших ученых: по сохранению древесины – профессора К.А. Попова, по охране памятников – профессора Д.П. Сухова, по реставрации – Н.А. Волкова, известных инженеров – специалистов по кондиционированию воздуха, водоснабжению, автоматике и др. отраслям строительного дела.

Авторы приняли принципиально значимые решения. Восстановление и консервацию музея не подменять строительством новодела – точной копии дома Ульяновых; не возводить над зданием защитных конструкций. Проект определил особо важным сохранить весь архитектурно-исторический ансамбль квартала, примыкающего к Дому-музею В.И.Ленина на период 1870-х гг. Главная идея проекта 1944-1945 гг. заключалась в проведении мероприятий по сохранению дома Ульяновых на неопределённо долгий срок путём внедрения принципиально новых технических решений.

³¹ ГАНИУО, Ф. 441, Оп. 2, Д. 190, Л. 1.

³² ГАНИУО, Ф. 441, Оп. 1, Д. 200.

Предусматривалось:

– восстановление музейного здания путём полной переборки дома с заменой повреждённой древесины здоровой с максимально возможным использованием старой древесины с последующей обработкой всех деревянных частей дома химическим составом противопожарного и антисептического действия;

– создание искусственного климата в экспозиции путём устройства системы кондиционирования воздуха (проект предусматривал размещение комплекса разнообразных технических установок по созданию искусственного климата в специальном здании энергохозяйства, расположенном вне мемориальной зоны, но соединённым с музеем трубопроводами);

– организация противопожарной дренчерной системы, создающей в случае возгорания водяную завесу высотой до 4-х метров³³.

Авторы проекта в «Пояснительной записке» к нему подчёркивали, что подобных примеров консервации деревянных зданий с полным сохранением их внешнего и внутреннего оформления в мировой практике ещё не осуществлялось.

В рамках реализации проекта в 1945 г. Институт строительной техники Академии Архитектуры СССР подготовил строительные чертежи, сметы капитально-восстановительного ремонта³⁴. 24 апреля 1945 г. Управление делами ЦК ВКП(б) приняло решение о начале ремонтно-реставрационных работ³⁵. Восстановление и консервация Дома-музея В.И.Ленина были завершены и приняты по акту 20 августа 1947 г.³⁶

Таким образом, в 1944-1945 гг. в основном была подготовлена документация для проведения комплекса мероприятий, которые обеспечили сохранность Дома-музея В.И.Ленина и создали благоприятные условия для посетителей. Проведённые уникальные работы подготовили музей к туристическому

³³ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 200. Л. 1.

³⁴ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 207, 217, 218.

³⁵ ГАНИУО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 201. Л. 7.

³⁶ Опубликовано: Вестник Музея-мемориала В.И. Ленина. Вып. 6. – С. 206-208.

буму 1970-1980-х гг., когда деревянное здание выдерживало колоссальные нагрузки, связанные с ежедневной многотысячной посещаемостью.

В годы Великой Отечественной войны Дом-музей В.И.Ленина не только выполнил свое главное предназначение – сбора и сохранения документов, связанных с В. И. Лениным, семьёй Ульяновых, но и проявил себя как культурный центр, ставший истинной национально-патриотической ценностью, источником пополнения духовных сил общества.

Дом на Стрелецкой в годы войны. События и люди

The House on Streletskaya Street in the War Years. Events and People

Статья раскрывает интересные факты из истории Ульяновска военного времени. В город была эвакуирована интеллигенция, партийные работники из Москвы, в том числе семья Д. И. Ульянова, которая проживала в 1941-1942 гг. в доме на бывшей Стрелецкой улице, где в 1874 г. родился Д. И. Ульянов. Позже, здесь разместился детский дом санаторного типа № 6, где воспитывались 50 детей эвакуированных из блокадного Ленинграда.

The article reveals interesting facts from the history of the Ulyanovsk of military time. In the city were evacuated intellectuals, party officials from Moscow, including the family of D. I. Ulyanov. The family lived in 1941-1942 in the house on the former Streletskaya street, where were born D. I. Ulyanov in 1874. There were housing the children's home of sanatorium type № 6, where were brought up 50 children evacuated from besieged Leningrad.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Симбирск, Ульяновск, Стрелецкая улица, семья Ульяновых, Дмитрий Ильич Ульянов, детский дом санаторного типа № 6, дети Ленинграда.*

Keywords: *The Great Patriotic War, Simbirsk, Ulyanovsk, Streletskaya street, the Ulyanov family, Dmitry Ilyich Ulyanov, children's home of sanatorium type № 6, childrens of Leningrad*

В годы Великой Отечественной войны Ульяновск был важным тыловым центром. Горожане жили по законам военного времени; затемняли окна, учились азам противовоздушной обороны, рыли окопы. В Ульяновск было эвакуировано 15 промышленных предприятий, в основном, из Москвы, Ленинграда. Население города с довоенного времени и до 1 января 1943 г. увеличилось со 160 тысяч до 200 тысяч человек. Приходилось «уплотнять» горожан и расселять эвакуированных. Вводилась новая норма жилья – на одного человека 1,6 кв. метров жилой площади.

Среди эвакуированных было немало интересных и знаменитых людей. С 29 августа 1941 г. по 31 июля 1942 г. в Ульяновске проживал с семьёй родной брат В. И. Ульянова (Ленина) Дмитрий Ильич Ульянов. Его с родными посели-

ли на первом этаже дома, в котором семья Ульяновых проживала в 1871 – 1875 гг., и где 16 августа 1874 г. родился сам Дмитрий Ильич. То есть, в домике на бывшей Стрелецкой улице в Симбирске, ныне – Квартира-музей семьи Ульяновых. На второй этаж дома вселили семью Владимирских и служащих из Ленинских Горок – Елизавету Сафонову и Александру Бесфамильную.

Зима 1941 г. была очень суровой, часто бывало ниже –40 С. Даже в хорошо отапливаемом доме было холодно. В доме на Стрелецкой в 1941-1942 гг. гостями Ульяновых бывали учёные, писатели, бойцы Красной армии, едущие на фронт. Из бывавших здесь назовём скульптора Яковлева, художников А. В. Моравова и А. В. Лентулова, писателя Леонида Соболева, артиста П. С. Молчанова, врачей и коллег Д. Ульянова. Из местных сюда часто заходила директор Дома-музея В. И. Ленина А. Г. Каверзина, директор Дворца книги Е. В. Первухина. Семья Ульяновых брала книги из фондов Дворца книги, и Ольга Дмитриевна любила бывать в хранилище библиотеки. Известные художники А.В.Лентулов и А.В.Моравов также бывали в доме довольно часто¹. О. Д. Ульянова вспоминала: *«Однажды Моравов спросил у отца, не согласится ли он, позировать ему и Лентулову, они, мол, хотят написать его портрет. <...> – Вы можете заниматься своими делами, Дмитрий Ильич, читайте, пишите, разговаривайте с кем угодно. Художники никак не будут Вас связывать, а только сделают несколько набросков. <...> А.В.Моравов написал очень неплохой портрет; жаль, что ему не удалось закончить его в Ульяновске. В 1943 году отец умер, и Моравов заканчивал его по памяти. Он изобразил отца работающим в своём кабинете. На письменном столе стопка книг, сводки Совинфомбюро, карандаши, папиросы. Отец – в тёмном костюме, который он обычно носил. На втором плане виден бронзовый подсвечник со свечой: во время войны нередко выключали электричество, и приходилось работать при свечах. Портрет долго хранился в запасниках Центрального музея Ленина. В 1959 году был передан мне директором музея В. Ф. Морозовым <...>»².*

¹ Ульянова О. Д. Родной Ильич (Владимир Ильич и его семья). – М.; ИТРК, 2002. – С.189.

² Там же.

В 2005 г. внучатая племянница В. И. Ленина передала в дар мемориалу семейную реликвию: портрет своего отца. В настоящее время портрет украшает документальную экспозицию Квартиры-музея В. И. Ленина³.

В те военные годы члены семьи Ульяновых – Д. И. Ульянов, А. Ф. Ульянова, О. Д. Ульянова, – активно вписались в жизнь тылового города. По воспоминаниям О. Д. Ульяновой, женщины вязали вечерами варежки, носки бойцам, шили кисеты и рукавицы, собирали посылки на фронт, навещали раненых в госпиталях. Ольга Дмитриевна, сама ещё очень юная, по просьбе Горкома комсомола читала лекции о международном положении в школах. Она также по настоянию отца посещала с октября 1941 г. занятия на естественном факультете ульяновского педагогического института, чтобы не запустить вынужденно оставленную учёбу на химическом отделении МГУ. Д. И. Ульянов, будучи врачом, интересовался работой госпиталей, консультировал коллег. Вот ещё одно свидетельство его жизни: *«Крупным событием в идейной жизни города явилось открытие 2 ноября 1942 года Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина. В день открытия, до начала публичного обзора, музей посетил проживавший в то время в Ульяновске Д. И. Ульянов. Удовлетворённый осмотром музея, Дмитрий Ильич сказал: «Хорошо, очень хорошо!.. Это замечательный памятник Владимиру Ильичу!»*⁴.

В августе 1942 г. семья Д.И. Ульянова переехала в соседний город Куйбышев. Важным событием для всего Ульяновска и для домика на Стрелецкой, стал приём детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда. В период Великой Отечественной войны на территории Ульяновской области было открыто 26 детских домов, в которых воспитывалось 2575 детей. Эвакуированные дети из прифронтовых районов страны, Московского завода кожевенных изделий, дети военнослужащих ВМФ были размещены в Ульяновске в детских садах завода им. Володарского, детских домах № 5 (площадь III Интернационала, 28), № 6 (ул. Водников, 22 и ул. Ульянова, 15), № 7 (ул. Ленина, 94), № 8 (ул.

³ См. Вестник Музея – мемориала В.И.Ленина. Выпуск 7. – Ульяновск, 2005г., 239 с.

⁴ Ульяновская правда. – 1966, 2 ноября.

Гимова, 4), № 9 (ул. Карла Либкнехта, 26), № 10 (ул. Советская, 10), № 48 и других.

В отчёте Председателя горсовета депутатов трудящихся И. Солнцева за 1943 г. говорилось: *«Значительно возросло количество детей, обслуживаемых детскими садами и детскими домами. Если в 1941 году количество детей в детских садах равнялось 1572, то в 1942 году это количество увеличилось до 2374»*⁵. Согласно Постановлению бюро ГК ВКП(б) от 2 июня 1942 г. в городе были приняты к размещению 500 эвакуированных ленинградских детей. Дети были привезены из Ярославля на теплоходе «Волга».

Детский дом № 6 располагался с 1946 г. (до 1946 г. он располагался на улице Водников, д. 22, ныне – ул. Карюкина – С.М.) в доме на бывшей Стрелецкой. *«Детдом был организован в 1932 г. для глухонемых ребятишек. В 1942 году, – вспоминала Ольга Алексеевна Усольцева, – из Ленинграда прибыл целый теплоход детей. Все они были сильно истощены. Почти у всех на руках тряпочные браслетки с написанными именами и фамилиями. У некоторых детей не было ни фамилии, никаких документов, им работники детского дома давали фамилию «Неизвестный». Она продолжает: «Во время войны нечем было топить печи – не было дров. Сотрудники добились, чтобы им выделили участок в лесу, и они группами ездили на «вертушке» (состав, курсирующий от города до места заготовки дров и обратно) в лес – валили с корня деревья, обрубали сучья, распиливали на метровки, складывали в поленницу, норма была три кубометра на пару человек в день. Затем эти дрова грузили в вагон, везли в город, здесь снова разгружали, укладывали в поленницы, а потом в машины – и домой. Работа была тяжелая, а подчас и небезопасная – свалить дерево надо уметь, приноровиться». <...> однажды, во время разлива Волги пришлось брать заготовленные зимой дрова с острова, затопляемого водой. На барже они подъехали к острову как можно ближе. Кругом вода. Люди встали цепочкой и передавали друг другу дрова. Дрова были спасены, но самим спасателям пришлось ночевать на холодной барже, без всякой возможности со-*

⁵ Пролетарский путь. –1943, 1 июля.

греться. <...> такое, казалось бы, обычное дело, как стирка белья, когда не было стиральных машин и стирать приходилось вручную на 50 детей. «Договаривались с другим детским домом, № 5, у которого было отдельное помещение для прачечной, – писала Усольцева, – коллектив в свой выходной день организовывал там стирку, кипячение белья. Высушим, бывало, и выгладим все»⁶.

По решению горсовета детский дом № 6 становится учреждением санаторного типа. Шефы детского дома – местный банк и рабочие завода «Металлист» (затем чугунолитейный цех Моторного завода, закрыт в 1991 году – С.М) помогли сделать ремонт. Они же помогли с обеспечением детей всем необходимым: одеждой, мебелью, игрушками, книгами.

В 1947 г. в Винновской роще была построена дача, куда каждый год летом вывозили ребят. Дача большая, деревянная, светлая, с верандой вокруг дома, где дети ели и играли. И ещё один штрих, говорящий о самоотверженности коллектива детского дома. Известно, что трамвая тогда ещё не было, поэтому до закрытия летнего сезона ходили на работу в Винновскую рощу пешком, а это не меньше пяти километров в один конец. Вся жизнь детского дома, и будни, и праздники, запечатлена в фотографиях, которым сейчас нет цены. На них – столовая с небольшими круглыми столиками, аккуратно застеленными скатертями. «Питание было очень хорошее, – вспоминала Ольга Алексеевна, – покупали все что можно». А вот за роялем – педагог, вокруг – группа детей, идут музыкальные занятия. Устраивали, как пишет Усольцева, очень красивые елки, отличные утренники к праздникам с красивым оформлением. После войны жизнь стала налаживаться»⁷. Несмотря на тяжёлое послевоенное время, согласно постановлению ульяновского горсовета от 25 июля 1949 г. «О благоустройстве ленинских мест», в детском доме был проведён профилактический ремонт. Работы по благоустройству – покраску здания, установку металлической решётки палисадника – выполнял Приборостроительный завод.

⁶ См.: Хлопина. Л. Ф. На руках – тряпочные браслетки с именами

⁷ См.: Хлопина Л. Ф. На руках – тряпочные браслетки с именами.

Двор очистили от старых подсобных построек, выложили декоративной плиткой, разбили клумбы⁸.

О детском санаторном доме № 6 много писали в местной прессе. 21 февраля 1947 г. научный сотрудник Дома-музея А. Г. Медведева по местному радио рассказала о доме раннего детства Владимира Ульянова. В газете «Ульяновский комсомолец» за 20 апреля 1950 г. была опубликована страница для детей «Ты с нами, дорогой Ильич!», где рассказывалось о детском доме на улице Д. Ульянова, об истории дома. В «Ульяновской правде» за 1952 г. в статье «Домик на Стрелецкой» опубликовано интервью директора детского дома. О. А. Усольцева рассказала о жизни 50 воспитанников санаторного детского дома, о создании здесь Ленинской комнаты: «... *тот домик, в котором сейчас размещается детский санаторий, был занят семьёй Ульяновых и здесь Владимир Ильич жил до 4-х лет. До последнего времени этот дом отличала только мемориальная доска. Но сейчас мы открываем «Комнату раннего детства В. И. Ленина».* В этой комнате экскурсанты, а их необычайно много, познакомятся с обстановкой, в которой провёл Ильич первые годы своей жизни. По другой деревянной лестничке, такой же, какая ведёт на антресоли в Доме-музее, мы поднимаемся на второй этаж. Здесь, в комнате с окнами, выходящими на улицу, размещена комната раннего детства вождя. Идея создания Ленинской комнаты, в домике на Стрелецкой, принадлежит коллективу работников детского санаторного дома. Но ещё большего одобрения заслуживает их работа по сохранению самого дома. Как ни трудно было, но тов. Усольцева достала серо-голубой краски и выкрасила дом именно в этот цвет, т.е. по историческим документам в такой же цвет был окрашен дом в 1870-е гг.⁹.

В архивных документах сохранились фамилии и имена воспитателей и работников детского дома, благодаря которым детский дом № 6 всегда был на хорошем счету: Варейкис Адель Иосифовна, Унянина Александра Сергеевна, Степанова Нина Ивановна, Юраж Любовь Константиновна, Бережнова Люд-

⁸ ГАУО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 2103.

⁹ Ульяновская правда. – 1952

мила, Сергеева Любовь, Канавина Валентина и др. В 1955 г. детский дом № 6 был закрыт. Глухонемых детей отправили в школу специального назначения, остальных перевели в Ивановский детский дом.

Деятельность детских домов направлялась на создание условий для всестороннего развития детей и подготовки их к активной общественной жизни. Из таких детских домов вышли тысячи воспитанников, ставших достойными гражданами страны. Этому способствовало трудовое обучение воспитанников в мастерских при детских домах. Некоторые воспитанники детских домов стали Героями Советского Союза в годы войны. Это А. М. Матросов, В. Н. Подгорбунский. Их имена носят детские дома, где они воспитывались. В том числе наш Ивановский детский дом в Ульяновской области имени А. М. Матросова.

Всего к концу Великой Отечественной войны в Советском Союзе имелось около шести тысяч детских домов – на 4340 детских дома больше, чем на 1 января 1940 г. Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в детские дома в годы войны было мерой борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Улучшению материально-бытового состояния детских домов, повышению уровня жизни детей способствовала значительная финансовая помощь со стороны государства.

В дальнейшем, 1956-1967 гг., в здании бывшего детского дома санаторного типа № 6 разместилась детская библиотека. К 100-летию со дня рождения В. И. Ульянова (Ленина) в 1970 г. домик был отреставрирован, вместе с двумя другими мемориальными домами на бывшей улице Стрелецкой, а 16 апреля 1970 г. была торжественно открыта для многочисленных посетителей Квартира-музей В. И. Ленина.

Похожая история в годы войны произошла с другим историческим зданием – ныне Литературным музеем «Дом Языковых» – филиалом Краеведческого музея в Ульяновске. В этом здании в годы войны размещался детский дом № 10. На стене музея в 2009 г. была установлена мемориальная доска: «Здесь в годы Великой Отечественной войны размещался детский дом №10,

где воспитывались дети из блокадного Ленинграда». На открытии присутствовали бывшие воспитанники детского дома №10: Г. Д. и О. В. Пикурин, А. А. Сорвенкова, В. Н. Ложков, Л. П. Марченко и др.

Так сохраняется память поколений, так поддерживается связь фронта и тыла.

Александр Валерьевич Перфилов
Alexander V. Perfilov

Оружие Победы

The Weapon of the Victory

В статье рассмотрена роль стрелкового советского оружия и его значение в годы Второй мировой войны. Дан сравнительный анализ техническим характеристикам оружия, созданного советскими конструкторами и западными оружейниками. Показано, что главные достоинства русского оружия – его простота и безотказность. Проанализирована роль военных поставок оружия из США и Англии в СССР по программе ленд-лиза, история которой мифологизирована как противниками советской власти, так и её сторонниками. В статье также описан процесс создания выставки «Оружие Победы», экспонируемой в Ленинском мемориале.

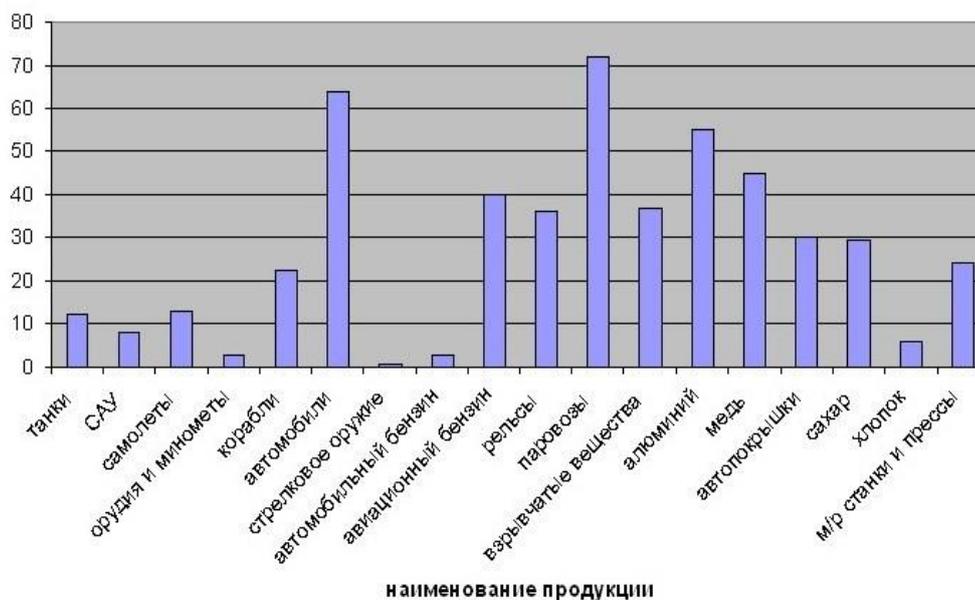
The author investigated the role of the Soviet small arms and its importance during the Second World War. He did a comparative analysis of technical characteristics of weapons, which was created by Soviet designers and Western gunsmiths. The author wrote that the main advantages of Russian weapons due to its simplicity and reliability. It did the analysis of the role of military supplies of arms from the United States and England to the USSR via lend-lease, which mythologized as opponents of the Soviet regime and its supporters. The article also describes the process of creating the exhibition "Weapons of Victory" exhibited in the Lenin memorial.

Ключевые слова: *ленд-лиз, Вторая Мировая война, Великая Отечественная война, Победа, отношения государств в годы войны, «Оружие Победы», выставка, Ленинский мемориал*

Keywords: *lend-lease, Second World War, the Great Patriotic War, Victory, relations of the states during the war, "Weapon of the Victory", exhibition, the Lenin memorial*

В последние годы нельзя не заметить присущего ряду субъектов массовых коммуникаций завидного упорства в насаждении отрицательного образа победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Часто слышно, что без военных поставок из США и Англии СССР не смог бы выиграть войны, что советское оружие не шло ни в какое сравнение с германским. Поэтому хочется расставить все точки над «і» и показать уровень и роль советского оружия в Победе над фашистской Германией, а также осветить историю ленд-лиза, которая сильно искажена как противниками советской власти, так и её сторонниками.

По данным представленной диаграммы, поставки стрелкового оружия по ленд-лизу были весьма скромными: всего порядка 150 000 единиц. Учитывая, что общие поступления стрелкового оружия в Красную армию за войну составили 19,85 млн. единиц, доля ленд-лизовского вооружения составляет примерно 0,75%. Всё, что касается поставок по основным типам, доля ленд-лизовской продукции в общем объеме производства и поставок в СССР не превышает 28%¹.

В целом же доля ленд-лизовской продукции в общем объеме произведенных и поставленных в СССР материалов, оборудования, продовольствия, техники, сырья и проч. обычно оценивается в 4%.

Да, по ленд-лизу поставлялись такие типы техники и материалов, которые составили большую часть от общего производство таковых в СССР. Но стало ли бы критичным отсутствие поставок этих материалов? На мой взгляд, нет. СССР вполне мог перераспределить производственные усилия так, чтобы обеспечить себя всем необходимым, включая и алюминий, и медь, и локомотивы. Фактор времени и оккупации учтён?

Говоря о роли ленд-лиза в победе СССР, не стоит забывать ещё о двух моментах. Подавляющее большинство техники, оборудования и материалов было поставлено в СССР в 1943-1945 гг. То есть уже после перелома в ходе войны².

¹ См: Сутулин П. И. Ленд-лиз. Мифы и реальность. – URL: <http://statehistory.ru/35/Lend-liz-Mify-i-realnost>

² См: Морозов А. Антигитлеровская коалиция в годы Второй мировой войны. – URL: <http://www.redov.ru/istorija/>

Что касается стрелкового оружия. Немецкие специалисты в области боевой техники весьма внимательно изучали советское стрелковое оружие. И сравнение это было не в пользу немецкой техники. «Наше оружие, — писали немецкие специалисты, — часто кажется войскам слишком сложным и вследствие этого слишком чувствительным...». Во всех войсковых частях указывалось на простоту, безотказность и легкость приведения в действие русского оружия³.

Высокую оценку получили у самих немцев и наши противотанковые ружья. Так, технический инспектор фашистской армии писал в своём заключении: «Советское противотанковое ружье Симонова... может считаться из всех известных в настоящее время противотанковых ружей калибра 13—15-мм наиболее совершенным и эффективным оружием»⁴.

«В производстве с ПТРС не было никаких недоразумений, — писал С. Симонов. — Оно пошло, как говорится, с ходу. Правда, мне приходилось не раз вставать за станок и показывать, как лучше фрезеровать и точить ту или иную деталь». К концу 1941 г. было произведено нашими заводами 17 688 ПТРД и 77 ПТРС. К концу следующего года их выпуск был доведён соответственно до 184 800 и 63 308 шт.⁵.

«Противотанковая оборона, в отличие от русских, без сомнения, является самой печальной главой в истории немецкой пехоты, — отмечал бывший офицер гитлеровской армии Э. Миддерльдорф. — Видимо, так и останется до конца неизвестным, почему в течение трех с половиной лет с момента появления танка Т-34 в августе 1941 года до апреля 1945 года не было создано приемлемого противотанкового средства пехоты...»⁶.

По ПППШ вообще отдельный случай. 21 декабря 1940 г. пистолет-пулемёт системы Шпагина образца 1941 г. был принят на вооружение, а через шесть месяцев грянула Великая Отечественная война...

³Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. — М.: Олма-пресс, 2001. — URL: <http://www.kulichki.com/moshkow/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt>

⁴ См.: Самсонов А.М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений — к великой победе. — Москва, Московский рабочий, 1991.

⁵ См.: Наставление по стрелковому делу. Противотанковое самозарядное ружье обр. 1941 г. системы Симонова — ПТРС. Противотанковое однозарядное ружье обр. 1941 г. системы Дегтярева—ПТРД. — М.: Воениздат, 1942.

⁶ См.: Оружие Победы. Сборник. — М.: Молодая гвардия, 1975.

В октябре 1941 г., когда фашистские полчища стояли у стен Москвы, производство деталей для ППШ было налажено не только на крупных заводах — Государственном подшипниковом заводе, Московском инструментальном заводе, станкостроительном заводе имени С. Орджоникидзе, но и на 11 мелких предприятиях управления местной промышленности. Сборка, отладка и пристрелка пистолетов-пулемётов производилась на Московском автозаводе. В течение 1941 г. вся отечественная промышленность выпустила 98644 автомата, из них на долю ППШ приходилось 92 776. А в следующем году количество произведённых пистолетов-пулемётов составило 1 499 269, то есть увеличилось в 16 раз⁷!

«Я мысленно представляю себе линию фронта, — писал тогда Шпагин. — И слышу то здесь, то там длинные очереди, которые дают наши автоматчики. Кончились времена, когда наглый немец поливал огнем из своего автомата «от пуза», строчил налево и направо, пытаясь нагнать страх на наших людей. Армия наша насыщена автоматами — ладным, простым, безотказным оружием»⁸.

Пистолет-пулемёт настолько хорошо зарекомендовал себя на полях сражений, что немцы, вообще широко практиковавшие использование трофейного советского оружия, от винтовок до гаубиц, охотно использовали автомат, и, бывало, немецкие солдаты предпочитали ППШ германским MP-40. Пистолет-пулемет ППШ-41, использовавшийся без конструктивных изменений, имел обозначение MP717(r). Также использовались немцами пистолет-пулемёт ППШ-41, переделанный для стрельбы под 9-мм патрон «Парабеллу-ма» с использованием штатных магазинов MP, который имел обозначение MP41(r). Немцы называли его «маленький пулемёт»⁹.

Оценить достоинства оружия, созданного советскими конструкторами, довелось и немецким генералам, потерявшим на равнинах России танки, самолеты, пушки, построенные на заводах Германии и оккупированных стран. «...Русские, — писал один из генералов, — имели то преимущество, что при производстве вооружения и боеприпасов ими учитывались все особенности ведения войны в России и максимально обеспечивалась простота технологии.

⁷ См.: Битва за Москву. — М.: Современник, 1984.

⁸ См.: Грабин В. Г. Оружие победы. — М.: Политиздат, 1989.

⁹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 года. Т 1. — М., 1961.

В результате всего этого русские заводы выпускали огромное количество вооружения, которое отличалось большой простотой конструкции»¹⁰.

Дешевое, простое, порой грубоватое, но при этом всегда эффективное, советское оружие делалось по иной концепции, чем западное. Однако оно было не менее смертоносным. «Действительно, максимальная простота, экономичность и технологичность советских конструкций давали возможность быстро налаживать производство боевой техники на эвакуированных в глубь страны заводах, обходиться без дефицитных материалов, станков и приборов, широко применять непрофессиональных рабочих»¹¹.

В общественное сознание населения (и прежде всего молодёжи) в последние годы вбрасывается множество самых разных интерпретаций. Поэтому особо неприятно сталкиваться с дезинформацией, суть которой сводится к случайности одержанной Победы. Основные усилия некоторых СМИ, а также политиков и общественников направлены на развенчивание роли Советского Союза в Великой Победе. Задача музея, в частности Ленинского мемориала, – донести до школьников и студентов, всех тех, для кого советское прошлое становится уже легендой, подлинное положение дел. Именно поэтому так необходимо создание Музея СССР, а на площадках Музея – создание постоянной экспозиции, посвящённой Великой Отечественной войне, как наиболее значимого события в истории СССР.

Перед нами сейчас остро стоит вопрос создания новых музейных форм и музейных связей, соответствующих новой эпохе, эпохе креативности и интерактивности, форм, понятных и интересных молодёжи. Старые связи и форматы больше не работают.

Сотрудниками Ленинского мемориала проделана огромная работа. Как результат – создание уникального проекта, посвященного советскому оружию и его значению во Второй мировой войне.

Мы изучили опыт организации и художественно-образного оформления музейного экспонирования оружия в музеях, связанных со Второй мировой и Великой Отечественной войнами. Базой сравнения стал широкий ряд российских и зарубежных музеев, посвящённых тематике Второй мировой войны. Это Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

¹⁰ См.: Кох Л. Лис пустыни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель / Пер. с немецкого. – Ростов на Дону: Феникс, 1999. – 384 с.

¹¹ См.: Оружие Победы. Сборник. – М.: Молодая гвардия, 1975.

«Поклонная Гора» (г. Москва, Россия), Музей-заповедник «Сталинградская битва» (г. Волгоград, Россия), Государственный мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда (г. Санкт-Петербург, Россия), Белорусский Государственный музей истории Великой Отечественной войны (г. Минск, Белоруссия), Государственное учреждение «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (г. Брест, Белоруссия), а также Военно-исторический музей военной техники (г. Париж, Франция), Национальный музей Второй мировой войны (штат Новый Орлеан, США) и Имперский военный музей в Лондоне (Великобритания).

На выставке «Оружие Победы» впервые удалось собрать и представить наиболее полную коллекцию стрелкового и холодного оружия, которое использовалось бойцами Рабоче-Крестьянской Красной Армии в боях с немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами. Всё оружие привязано к своему периоду и месту, где оно получило наибольшее распространение. К примеру, противотанковое оружие (ПТРД) – битва за Москву, пистолет-пулемёт ПППШ – взятие Берлина.

В состав коллекции также включены образцы оружия времен Первой мировой войны, находившиеся в арсеналах Советского Союза, а также оружие, поступавшее от союзников по антигитлеровской коалиции по ленд-лизу.

Кроме образцов оружия и биографий создавших его конструкторов, на выставке представлены образцы обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1941–1945 гг., предметы военной археологии, подлинные личные вещи бойцов и командиров. Выставочные экспонаты дополняют издания «Книги Памяти».

Выставка носит интерактивный характер. Посетители могут, облачившись в плащ-палатку, сфотографироваться на специально восстановленном легендарном мотоцикле М-72 или в партизанской землянке, посмотреть редкие документальные фильмы, рассказывающие об изобретателях оружия. Экспозицию в зале дополняет звуковое сопровождение: радиоточки в виде тарелок с речью Молотова и Левитана о начале и завершении войны, последние сводки с полей сражения от Советского информбюро, скрытые динамики со звучанием падающих авиационных бомб, взрывов, выстрелов, криков ужаса.

Следует отметить, что выставка стала возможной благодаря тесному сотрудничеству Ленинского мемориала и Минобороны России, при под-

держке Губернатора Ульяновской области С. И. Морозова. В течение 2015 г. осуществлялся отбор образцов оружия, его демилитаризация, передача в фонды Ленинского мемориала.

Таким образом, выставка «Оружие Победы» обнажает практическое наследие Великой Победы, раскрывая роль и значение оружия в Великой Отечественной войне. Являясь интерактивной, выставка послужит примером духовного и патриотического воспитания молодежи и позволит глубже понять истинную мотивацию защитников Отечества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Сергей Алексеевич – к.и.н., заместитель министра образования и науки Ульяновской области, ст. преподаватель кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. Специализируется в области истории земского самоуправления Симбирской губернии.

Брыляева Татьяна Михайловна – заведующая Дома-музеем В. И. Ленина. Научные интересы связаны с исследованием истории Дома-музея В. И. Ленина, культурно-образовательные программы музея для посетителей.

Горбунова Елена Анатольевна – заведующая экспозиционным отделом, ведущий специалист ОГАУК Ленинский материал. Основная сфера интересов отображения истории России в музейном пространстве. Автор научных трудов по истории Первой русской революции и Первой мировой войны.

Дунаева Наталья Алексеевна – к.и.н., доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. Специализируется в области аграрной истории Среднего Поволжья рубежа XIX-XX вв.

Елтышева Лариса Юрьевна – заведующая отделом истории МБУК «Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Иванова Марина Юрьевна – заведующая сектором Новой и новейшей истории Чувашского национального музея. Специализируется в области истории конца XIX – XX вв.

Ильясова Рената Витальевна – архивист первой категории ОГБУ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.

Кочепасова Татьяна Юрьевна – к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. Специалист в области социально-политической истории Среднего Поволжья первой трети XX столетия.

Кузнецов Валерий Николаевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. Специалист в области политической истории России начала XX столетия.

Лютов Лев Николаевич – д.и.н., профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина. Специалист в сфере социально-экономической истории России 1920-х гг.

Макарова Роза Владимировна – к.и.н., начальник отдела информационных систем ОГБУ Государственный архив Ульяновской области, г. Ульяновск. Автор краеведческих работ о жизни и деятельности И. Н. Ульянова, И. Я. Яковлева и других деятелей народного образования Симбирской губернии в конце – начале XX вв.

Миронов Владимир Анатольевич – заместитель директора ОГКУ «Управление делами Ульяновской области». В прошлом сотрудник уголовного розыска, журналист, главный редактор журнала «Мономах». Автор книг по истории Симбирской губернии и Ульяновской области.

Павлов Иван Александрович – научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. Специализируется в области археологии и дореволюционной истории Симбирского края.

Перфилов Александр Валерьевич – заведующий отделом выставок и инновационных программ ОГАУК Ленинский материал. Основная сфера интересов отображения истории России XX века в музейном пространстве.

Рябая Светлана Алексеевна – к.и.н., доцент кафедры истории российской государственности Ижевского государственного университета им. М. Т. Калашникова. Специализируется в сфере социально-экономической истории России первой половины XX в.

Семёнов Дмитрий Юрьевич – к.б.н., доцент кафедры биологии и биоэкологии Ульяновского государственного университета. Историк-краевед. Специализируется в области локальной истории.

Субина Марина Юрьевна – заведующая Квартирой-музеем семьи Ульяновых. Специалист в области истории Симбирской губернии рубежа XIX – XX вв., литературного краеведения. В настоящее время работает над историей развития демократической мысли в СССР в 1960-1970-х гг.

Шапорова Светлана Александровна – заместитель директора по научной работе Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина. Основная сфера интересов история России и история Мордовии в новейшее время.